

Дик Драммер

АДАПТАЦІЯ

После долгой и кровопролитной войны, некогда связанные воедино людские поселения оказались изолированы друг от друга. Уцелевшие колонии во главе с метрополией отправили корабль на разведку отдаленной планеты, с которой были потеряны все контакты. По прибытию, их взорам предстал лишь опустошенный мир, за исключением одной области, которой чудом удалось остаться нетронутой. И причины появления этой аномалии теперь предстояло выяснить.

Глава 1. Вылететь в трубу

После заморозки чувствительность восстанавливается не сразу. В первые минуты после пробуждения болят глаза, словно голову поднесли к кипящему котлу с ментолом. Следом оживает слух, и тишина сначала наполняется звоном, а затем разом взрывается всеми звуками вселенной. Наконец приходит обоняние, дурманя запахами пластика и резины вкупе с медицинскими растворами. И лишь затем по бледной коже пробегают мурашки и становится жутко холодно.

Калев очнулся первым; он всегда приходил в себя на пару минут раньше Ричарда, объясняя этот нюанс особенностями своего организма. Товарищ же в ответ лишь отмахивался и ехидно замечал, что он, дескать, умнее и сообразительнее, а потому и времени ему требуется больше. Оспорить данное заявление не представлялось возможным, поскольку так оно, в сущности, и было. Рич действительно являлся мозговым центром их команды, не раз выручая горе — солдат в сложных ситуациях. Впрочем, это не спасало его от ошибок в юности.

Поскольку все заслуги, пусть и обоснованно, лежали на командире, Калев с чистой совестью вывалился из капсулы гibernации и, покачиваясь, зашагал в душевую. Состояние было наипаршивейшее, голова гудела, а по телу пробегала мелкая дрожь, которую он никак не мог унять. Стуча зубами, мужчина повернул вентиль и блаженно погрузился в горячие струи воды. Капли ударили по плечам, возвращая желание жить и унося усталость одеревеневших мышц. Мысли оттаивали и как змеи выползали из холодных нор, тут же начиная роиться, наполняя разум всяческим хламом. Ему вспомнилась какая — то дурацкая навязчивая мелодия, запах травы и полевых цветов, а еще возникло странное послевкусие, что все это уже было. Не само пробуждение, что повторялось при каждом перелете, а набор одних и тех же действий, словно он раз за разом повторяет их как машина.

Ему потребовалось минут десять, чтобы окончательно отойти ото сна. Да и дольше наслаждаться душем не дал внезапно напомнивший о себе желудок. Быстро обтеревшись полотенцем, Калев натянул белье и выскочил в общую комнату, где тут же налетел на Ричарда, который уже практически оделся.

— Вот это поворот, — усмехнулся он, похлопав друга по плечу. — В кои — то веки ты меня опередил.

— Стремлюсь к абсолютному совершенству. — Ричард плюхнулся на лавку и принялся завязывать шнурки на ботинках. — А если серьезно, то это ты задержался. Я уже начал подозревать, что из сливной трубы вылезла обнаженная русалка и очаровала тебя своим пением.

— Вот знаешь, а я был бы не прочь, — задумался Калев, расправляясь с упаковкой восстановительного пайка. Коробка, размером со стандартный кейс, вмещала все необходимое, чтобы вернуть организм к нормальному функционированию после многомесячного сна. Тут умещались протеиновые батончики, кусочки вяленого мяса, зелень с фруктами и безумно сладкий сок. — Но мы же успеваем? — Открыв бутылку, он залпом влил в себя приторное пойло. — Кстати, когда поступят новости с Тау — Риги? Сколько прошло — месяц? — как наш отряд туда отправили?

— Около того, — кивнул Ричард. — Но не уверен, что они уже достигли самой планеты.

Надо будет разузнать в Системе... — Он не договорил: в комнату торопливо вошел Асай — их куратор и по совместительству личный врач.

— С возвращением в мир живых! — Мужчина радостно потряс увесистой папкой бумаг, демонстрируя всю серьезность своего визита. — Система уже анализирует ваши показатели, и если жалоб на здоровье нет, то приступим.

— Ого, все настолько серьезно? — Калевб зачихнул в рот батончик и принялся натягивать штаны. Перед тем, как их корабль ушел в разгон и экипаж погрузился в долгий сон, им сообщили лишь о том, что предстоит отправиться на край человеческих владений и провести полномасштабную разведку. Где — то на середине пути часть команды должны были сбросить на челноке для отдельного задания.

— А когда — то было иначе? — с широкой улыбкой отмахнулся Асай, по — видимому, радуясь их встрече. — Вы здесь по делу, иначе Агентство распорядилось бы своими ресурсами по — другому. Горячих точек полным — полно, да взять ту же Тау — Ригу, куда ваши товарищи отправились наводить порядок. Вам же выпала задача более деликатная и ответственная.

— А где мы вообще? — Калевб наконец совладал с непокорным ремнем и, довольный собой, победоносно прислонился к шкафчику. Ему всегда тяжело давалась астрография, а уж бесконечные названия и кодировки являлись настоящим кошмаром. Точно он знал лишь то, что от Земли они летели больше восьми месяцев, и это, пожалуй, был самый долгий его перелет. В их с Ричардом послужном списке значилась дюжина миров, где пришлось побывать исключительно по работе и применить специализированные навыки. Но в отличие от Калеба, друг с легкостью мог припомнить название каждой точки.

— 82 Эридана, наверняка даже не слышали, — хмыкнул Асай, опустив настенную панель, что служила подобием стола и за которой прятался монитор. Разложив бумаги, большинство из которых оказались графиками и таблицами с цифрами, он вывел на экран положение звезды относительно Земли. — Одна из самых дальних колоний и отнюдь не самая отсталая. Развитая промышленность и быстро растущее население... но это до войны. Сейчас же, — куратор переключил картинку и продемонстрировал спутниковый снимок: выжженная пустыня с отчетливыми кратерами от бомбардировок, — ни людей, ни техники не обнаружено.

— Тогда зачем мы здесь? Это место для разведчиков и следователей, — проворчал Ричард, подперев подбородок рукой. — Уж не мародеров же гонять по кладбищу?

— К сожалению, нет, все куда интереснее...

— Мда, если все колонии в таком состоянии... Черт, а я ведь в детстве мечтал отправиться на Тау — Сигма, пролететь через «звездный мост», своими глазами увидеть двойную звезду, — бесцеремонно прервав коллегу, Калевб страдальчески вздохнул и сел рядом с Ричардом. — Интересно, что там сейчас...

— Ничего, — авторитетно заявил куратор, смахнув со лба прядь угольно — черных волос. — Двойная вспышка, если мне память не изменяет. Еще лет тридцать назад. Тогда использовалась «звездная катапульта», и после потери связи с колонией установку закрыли, как и саму технологию. Официально, выживших там нет, но фильмы о рае среди звезд снимают и по сей день. Надеюсь, я изменил твои планы на отпуск? — Асай ухмыльнулся. — А теперь вернемся к насущной повестке.

Возражений не последовало, хотя Калебу стало обидно, обидно за то, что его с юных лет пичкали небылицами о несуществующем месте, а он даже в свои тридцать с хвостиком не

удушился проверить, так ли все на самом деле. Вдобавок, на душе стало чуточку пусто: еще одна мечта рассыпалась как песочный замок, сделав мир менее привлекательным, а ведь он за этот самый мир и сражается. Но такими темпами скоро и этой работы у него не будет. Впрочем, пока во Вселенной будет хотя бы горстка уцелевших людей, их услуги будут востребованы. Во всяком случае, именно под таким предлогом приятель и затащил его в военную академию, мол, дипломатия и пацифизм вещь хорошая, но «людь» существо такое, что всегда найдет кого разнимать и разводить по разным углам. С тех пор это утверждение лишь подкреплялось наблюдениями и практикой.

— Эридан был достаточно плотно заселен, и, как вы заметили, удары пришлись по всей его поверхности. И говорит это о том, что противник зачищал территорию, а если юридически, то проводил геноцид. — Куратор с презрением взглянул на снимок и быстрым движением руки сменил изображение — яркое, зеленое пятно мигом резануло по глазам. — А теперь посмотрите вот на это. Что скажете?

— Впервые такое вижу, — поднял бровь Ричард, чуть подавшись вперед и всматриваясь в детали. — Это защитное поле, верно? Но там же нет построек, просто лес... Зачем накрывать щитом дикую местность?

— Может, бункер? — предположил Кaleb. Для него само зеленое пятно посреди обугленной равнины казалось чем — то нереальным, искусственным, возможно, специально, даже нарочно выставленным напоказ. — Или, может, это голографический экран, который что — то прячет.

— Интересная идея, — ухмыльнулся Асай и запустил пятерню в свою густую шевелюру. — Но истина, как всегда, посередине. Это действительно щит, и он действительно закрывает некий подземный объект, который все еще функционирует.

— Погоди, а почему этот щит устоял, он же не мог быть единственным на планете? — задал резонный вопрос Ричард.

— И не был, — кивнул куратор. — Мы не знаем точно, но в этой местности бомбардировка была менее интенсивной.

— Как — то подозрительно, не находишь? — Кaleb громко зашуршал пакетом, доставая кусочек вяленого мяса. Ему конечно же было неловко. Нет, не за то, что ест и не делится, а за излишнюю шумность. — Может, это ловушка? Ну, чтобы туда специально прилетели? Это как в детективе: хочешь отравить человека — оставь у него на виду сочное яблоко.

— Все может быть, — пожал плечами Асай и почесал небритый подбородок. Куратор обычно предстал перед ними ухоженным: без излишней растительности на лице, причесанный и даже выпавшийся на зависть всем. Но не в этот раз. Видимо, его просто завалили срочной работой, и времени на себя совсем не осталось. Впрочем, его арабской физиономии это отнюдь не вредило. — Мы отправили туда несколько групп ученых и разведчиков, но никто на связь не вышел. Пресекая ваш вопрос — нет, это не потому, что они все мертвы. Зону высадки накрывает щит, он блокирует все радиосигналы, но пропускает физические объекты.

— И эти физические объекты — мы! — Кaleb победоносно откинулся назад, едва не свалившись со скамьи.

— О, похоже у нас есть доброволец! — Куратор рассмеялся, видимо, вспомнив случай, когда его подопечный вызвался доставить термический заряд в бесполетную зону, не учтя того факта, что пройти пешком предстояло десять километров, а сам груз весил пятнадцать килограмм. — В этот раз вам предстоит стать диверсантами и отключить блокирующее

поле. Поскольку людей там нет, то из трудностей повстречается разве что система охраны в самом комплексе.

— Турели, лазерные лучи, разрезающие металл как бумагу, роботы с бензопилами вместо рук... — Калеб с блаженной улыбкой потянулся, представляя все эти стереотипные непотребства. — Но, кажется, в этот раз красоток нам не видать.

— Почему же, — оскалился Асай, буквально прожигая подопечного теми самыми лучами смерти. — Только представь: пятиметровая колонна с дюжиной вращающихся колец, от которых расходятся молнии, над ней неподвижно нависает сферическим магнит, генерирующий щит, способный поглотить энергию атомного взрыва и рассеять ее в верхних слоях мантии. — Он сделал театральную паузу. — Ну разве этот механизм не прекрасен?

Повисла тишина: ни Калеб, ни Ричард не нашлись, что ответить. Первый поначалу попытался представить себе этот механизм, но вышло скверно, поскольку ничего красивого в навороченном агрегате он не нашел, и мозг тут же подбросил ему воспоминание о первой девушке — школьной любви, которая ему до сих пор временами снилась. С тех пор много воды утекло, но та дама и по сей день оставалась неким эталоном, с которым обязаны были пройти сравнение все последующие увлечения — как серьезные, так и не очень. А вот о чем думал второй, так и осталось полнейшей тайной.

— Я рад наконец увидеть на ваших лицах сосредоточенность и серьезность, — довольно кивнул куратор и закрыл папку. — У вас десять минут на последние приготовления. Буду ждать в оружейной.

— Он не серьезно про эту штуку, верно? — напрягся Калеб. Он, конечно, знал людей, которые в подобном ключе говорили о технике, в основном колесной: машинах, байках — но чтобы о генераторе... такое ему встречалось впервые.

— Ха, ты — то сейчас серьезно? — Ричард зашелся искренним смехом и, поднявшись, хлопнул приятеля по плечу. — Би, ну ты порой прям как ребенок. Ладно, давай паковать.

— Ну да, куда уж мне до ваших взрослых игр, — насупившись, пробубнил себе под нос Калеб. Он не любил, когда его имя так коверкали, и позволял такое делать лишь самым близким людям, до которых всегда мог дотянуться и придушить в воспитательных целях. Рич придумал это сокращение невероятно давно, кажется, еще в самом детстве, когда они вместе строили дом на дереве и таким образом пытались придать себе налет дикости и первобытности. Хорошие тогда были времена: трава еще зеленела, в небе пели птицы, а Веллингтон еще не превратился в нагромождение облезлых высоток для беженцев. То самое время, которое вспоминается с тоской и придыханием и навечно остается в памяти, отдаваясь приятной болью.

Сборы не заняли много времени: отработанная годами службы процедура не отнимала ни умственных, ни физических сил. Он окончательно оделся, проверив каждую пуговицу, липучку и молнию, поскольку, как бы банально это ни звучало, но даже маленькая пуговка на кармане может стать причиной смерти. Надел и зашнуровал ботинки, нацепил облегченный бронежилет, похожий на спортивную жилетку, в которой не стыдно и в люди выйти — уж Сьюзен бы точно одобрила. Карманы на брюках заполнились всякой мелочью, что помогала облегчить быт: от складного ножа и зажигалки до медицинского жгута. Конечно, аптечка всегда выдавалась отдельно, но никогда не знаешь, в каких условиях окажешься. В отличие от «Отряда Линдли», они с Ричем всегда попадали в разные условия: от джунглей до пустыни, а сейчас, кажется, это будет густой лес, совсем как в родной Новой Зеландии.

На этом приготовления завершились. Брать личные вещи на задание не то чтобы не запрещалось, а скорее было просто не принято, но все же у них имелось одно исключение. В самый разгар войны, когда их только призвали на фронт, Сьюзен — их общая знакомая, что бестактно отвергла ухаживания обоих претендентов на руку и сердце — подарила им одинаковые кулоны. Безделушки стали настоящим талисманом, и, вопреки здравому смыслу, Калев мог поклясться, что эта вещица действительно спасала ему жизнь. Жаль, что это была не фотография, а всего лишь камень на цепочке, с виду похожий на рубин, но размеры намекали на обычное стекло.

— Может, попросимся домой после этой операции, что скажешь? — Ричард как раз прятал свой рубин под китель, и не сложно было догадаться, к чему он завел этот разговор.

— Не вижу никаких причин для возражения, — ухмыльнулся Калев, представляя, как белокурая бестия снова отошьет красавца брюнета, повторив про какую — то там дружбу.

— Отлично, солдат, тогда снова в бой, — торжественно произнес друг и, открыв дверь, спустился по лестнице на палубу ниже.

— Как раз вовремя. — Асай нервно покусывал губу, и лишь при появлении подопечных бросил это дело. Он неторопливо наворачивал круги вокруг стола, находившегося в центре небольшой комнаты с кучей шкафов и сейфов, на фоне которых выделялась бронированная дверь, в этот раз чуть приоткрытая. — Давайте поскорее отправим вас в свободное падение, и я займусь другими делами... — Куратор приложил ладонь к сканеру стола, и тот, удостоверившись в наличии допуска, пискнул. Крышка отъехала, демонстрируя свое скрытое нутро. — У нас боевая готовность, — вздохнул он, — подробностей пока не сообщили, но что — то случилось на Змееносце*, поэтому постарайтесь уложиться в три — четыре дня.

— Интересное заявление, — присвистнул Ричард. — А если не уложимся — бросите нас?

— Нет, конечно! — возмутился Асай. — Оставим челнок с капсулами гиббернации. Надеюсь, вы самостоятельно сможете в них залезть? По завершении мы вас подберем и отпразднуем.

— Вот уж нет, — протянул Калев, — Мы успеем! И вот здесь, — он ткнул пальцем в край стола, — вот на этом столе ты откроешь бутылку шампанского и принесешь клубничный торт с толстым слоем крема.

Ричард, нахмурившись, посмотрел на друга. И Калев естественно понял причину. Приятелю, по — видимому, было не совсем приятно вспоминать тот случай юношеской гениальности. Дело было в Академии, курсе на втором, когда Рич, ни о чем не подозревая, вернулся в свою комнату и застал там компанию однокурсников с плакатом, шариками под потолком и клубничным тортом в руках главного зачинщика, который, широко улыбаясь, расположился в самом центре этого безобразия. Естественно, никто кроме него не знал о дне рождения друга, но зато сам он прекрасно помнил, как тот не любил отмечать эту дату. И все бы ничего, но Калев решил поступить еще оригинальнее и повтыкал в крем свечи, ровно по количеству стукнувших лет, и, довольный собой, шагнул на встречу имениннику. В тот момент, когда он торжественно поднес торт к лику новорожденного, связка воздушных шаров оторвалась и опустилась прямоком на свечи. Грохот стоял на все общежитие, а сливочный крем украшал лица всех гостей, а двоих, находившихся в эпицентре, еще и покрыло кусочками бисквита. Ричард не любил вспоминать тот день, еще больше не любил, когда это делал Калев.

— Я сделаю что смогу, — куратор с досадой покачал головой, — но пока вы не

отключите систему глушения сигналов, мы не сможем вас забрать. А теперь приступим непосредственно к делу. Внизу уже утро, и чем раньше вы высадитесь, тем больше времени будет на первичную разведку. — Асай не без усилия потянул на себя внутреннюю панель, и та подалась вверх, демонстрируя свое содержимое. Набор был стандартным и универсальным для любой местности и ситуации. — Из того, что мне удалось рассмотреть в оптику, предполагаю, что флора и фауна участка соответствует умеренному поясу Земли. Я обнаружил сеть грунтовых дорог и городков непонятной архитектуры и назначения, однако рекомендую держаться от них подальше. — Он протянул каждому по обработанному спутниковому снимку с линиями и указателями. — Ваша цель точно в центре, как видите, там город. Большинство зданий разрушено, но вот самое крупное, вероятно, и является реактором, генерирующим энергию для поля.

— А как нам его отключить? Инструкции? — Ричард сложил листок и убрал в нагрудный карман.

— Я загрузил инструкции основных типов установок в ваши компьютеры, так что разберетесь, в противном случае, — он пожал плечами, — взорвете.

— О! А можно сразу начать со второго? — На лице Калеба расцвела довольная, предвкушающая веселье улыбка.

— Тебе лишь бы с огоньком, — укорил его Асай. Инструктор с подозрением посмотрел на подопечного, будто пытаясь понять, не подожжет ли тот занавеску, едва он отвернется. Опасения были вполне оправданными. — Действуйте на свое усмотрение, инструкции стандартные, и руководство развязало вам руки. Теперь, здесь дополненный набор, — он протянул коробочку размером с пачку сигарет, — четыре капсулы: дезинфекция — если подхватите амебу, интоксикатор — при отравлении неорганикой, ингибитор — на случай укуса змеи или насекомых, и морфий, конечно же.

Приняв дар, Калев прикрепил драгоценность к плечевой ленте и припомнил, что вот, кажется, змеи — то его ни разу и не кусали. Он пару раз путешествовал в Австралию, в том числе и с Ричардом, уже в старшей школе. Было это давно, но воспоминания по — прежнему оставались яркими и захватывающими. Нигде прежде они не получали столько увечий, синяков и ссадин, как на зеленом континенте. В середине поездки ему даже пришлось в голову завести дневник и записывать в него все злоключения: укус страуса, неудачное общение с кенгуру и получение двойного пинка, расцарапанная коалой шея, помеченные дикой собакой ботинки, выданный на затылке клочок волос с виду белым и вполне мирным попугаем. Словом, вся фауна континента ополчилась на него, а вишенкой на торте стал серфинг на большом барьерном и крепкие объятия медузы. Ее щупальца присосались к лодыжке и доставляли поистине невероятную боль. Тогда ползучие твари обошли его стороной и будет весьма иронично, если в десятках световых лет от дома его таки цапнет змея.

— Калев, не спи, — Асай протянул ему пакет стандартной аптечки и неубиваемый рюкзак. Следом выдал паек на три дня, фильтры для воды, бытовые мелочи и оглушающий пистолет для самообороны. — На этом все. Хорошенько все закрепите и...

— А оружие? — уточнил Ричард.

— Винтовка и патроны будут в капсуле, но не рекомендую их применять, попробуйте действовать скрытно.

— Там же нет людей? — с нажимом уточнил брюнет. — Или ты нам что — то недоговариваешь?

— Я передал вам всю имеющуюся информацию, — парировал Асай, уже направляясь в соседнюю комнату. — Оружие тяжелое и будет лишь задерживать вас, но, повторюсь, вам дали свободу действий. А теперь прошу на борт, — он рукой пригласил подопечных проследовать к капсулам.

— Асай, ты спятил?! — Калев едва только заглянул в зал и тут же поморщился от увиденного. Он терпеть не мог десантные модули, которые походили на стальные гробы не только формой, но и функционалом. Да, там имелось большое стеклянное окно и даже посадочные двигатели, но на этом всё, никакой системы управления и маневрирования, тобой просто выстреливают в атмосферу и смотрят, как ты падаешь камнем в землю. — А нормального челнока на корабле не нашлось?

— Вот купи себе челнок и десантируйся на неразведанную местность с непредсказуемыми условиями сколько влезет, а это — государственное имущество, и оно подотчетно, — лениво огрызнулся куратор и невозмутимо подошел к парным капсулам, раскрытым и полностью экипированным. — А пока пожалуйста в более скромную технику, которая напшигована технологиями не хуже челнока.

Калев удостоил Асая гневным взглядом и нехотя подошел к своему гробу. Высотой почти в три метра, прямоугольник со скошенными краями из титана внутри был покрыт мягкой, светящейся резиной, с нишей в форме человеческого тела. Вокруг располагались выемки для различной амуниции, вроде, автомата, сигнального маяка и палатки. Все вместе это напоминало кукольный набор для ребенка — переростка из какого —нибудь фантастического романа, хотя и традиционная сказка сюда тоже подходила, например, «Джек и волшебные бобы».

— Ну что ты как маленький, боишься темноты и замкнутого пространства? — поддел друга Ричард и запрыгнул в свою «коробку».

— Пф, ничего я не боюсь, — фыркнул Калев, брезгливо ухватившись за резиновый край. Это было частой уловкой Рича: напомнить, что он на три года старше и не ведает страха, что, впрочем, демонстрировал еще со школы, попутно излучая уверенность и самообладание. К тому же подобный фокус с детства заставлял Калеба перебарывать себя и повторять за другом, лишь бы не прослыть трусом. Со временем это переросло в некий комплекс, и заветные слова «как маленький» вызывали приступ настоящего гнева, с которым он научился справляться лишь с помощью психотерапевта. — Просто не горю желанием нырять в это желе.

— Желе тоже от тебя не в восторге, — парировал Ричард, принимая полированный шлем из рук куратора.

— Да вы просто сговорились! Думаешь, я не знаю, как вы по ночам общались, гладили друг друга, делились волнительными прикосновениями? — Калев все болтал, пока устраивался в наполнителе, принимая предусмотренную производителем позу «солдатика». Он всегда нес невесть какую чушь, лишь бы отвлечься от какой —нибудь скверной процедуры, за что врачи его терпеть не могли. — Ты признавался этому киселю в любви и обещал колыхаться в его студенистых объятиях...

— И часто тебе такое снится в гeбepнaции? — ухмыльнулся Асай, протягивая бедолаге его шлем.

— Хочешь меня в пси записать? Не дождешься! — отмахнулся Калев. Он натянул «каска», воротник которой мягко обтянул горло, изолируя голову и наполняясь воздухом. Теперь его жизнь целиком и полностью будет зависеть от алгоритмов капсулы и исправной

подачи кислорода.

— Я загрузил в ваши компьютеры файлы тех, кто находится на поверхности. Как прискорбно бы это не звучало, но если обнаружите их мертвыми — опознайте и занесите в журнал. — Куратор отошел в сторону, заняв место за пультом, отгороженным от остальной комнаты стеклянной перегородкой.

— Знаем, не впервой, — ответил Ричард. Его капсула, как и у Калеба, неторопливо закрылась прозрачной крышкой и с шипением замуровала людей. На стекло проецировалась картинка: столбики цифр. Верхние показывали запас воздуха, расход топлива, заряд аккумулятора, нижние же отчитывались о содержимом, а именно — о человеке: сердцебиение, давление, температура. Если внезапно станет плохо, то это можно не только почувствовать, но и увидеть на экране.

Позади Асая располагался еще ряд капсул, готовых к запуску, а также четыре пустые ячейки, наглядно демонстрирующие систему крепления и разгона. Кaleb предпочитал не видеть изнанку процесса: его и так слишком часто запикивали в эти гробы и швыряли во всякие планетоиды. Но неугомонный разум почему — то решил обратить внимание именно на пустующие места — их было столько же, сколько недоставало боевых товарищей. Неужто бедолаг тоже сбросили на Тау — Ригу? Незавидное приключение, учитывая, что гравитация там почти в три раза сильнее. И тут до него дошло, что такого не могло быть: они не посещали эту систему, а всего лишь пролетали мимо, и отряд отправился на челноке. Тогда куда подевались злополучные капсулы?

— Эй, Асай, а куда... — он не договорил, когда соседняя капсула с грохотом скользнула вниз. Кaleb напрягся и сжал кулаки в ожидании неизбежного. — Асай, чертов ты хитрец...

Его оглушило и сильно мотнуло; зал исчез из виду, сменившись длинной трубой, секции которой проносились как кольца водяной горки. Центробежная сила вжала его в наполнитель, не давая пошевелиться и настойчиво намереваясь выдавить наружу скромный завтрак. А потом глаза обожгли яркие лучи солнца. Он ощутил невесомость, которая, впрочем, не принесла никакого облегчения. Над головой играл бликами полированный корпус космического корабля, под ногами раскинулся пепельный пейзаж с зеленой кляксой аномалии. Ему уже не раз приходилось видеть схожую картину, но почему — то именно сейчас внутренний голос настойчиво твердил: что — то не так.

— Получаю данные с капсул, — раздался в наушниках голос куратора. — Кaleb, ты слишком волнуешься, успокойся. Вы входите в зону помех, связь скоро оборвется...

— Асай! Где еще четыре капсулы? — гневно закричал Кaleb, хотя отлично знал, что тот прекрасно его слышит.

— ... Удачи... — засвистели помехи, а мгновением позже все звуки и вовсе пропали.

— Скотина! — выругался мужчина, едва не плюнув себе в шлем. Он задрал голову, провожая взглядом свой летающий дом и всматриваясь во внезапно обнаруженную пробоину. Глубокий шрам протянулся вдоль правого борта, как раз там, где располагалась жилая секция, и, судя по частично заделанным краям, судно получило его достаточно давно. Только вот Кaleb не помнил, чтобы они вступали в бой и тем более получали столь серьезные повреждения. — Связь с капсулой, — проговорил он, и компьютер, распознав команду, незамедлительно ее выполнил. Раздались щелчки и завывания. — Рич, когда мы успели побывать в бою? Асай говорил что — нибудь об этом?

— Не припомню, — спокойно отозвался приятель. — Может, все случилось пока мы спали. Противник давно не проявлял себя в открытом бою, возможно, мы просто налетели

на мину или астероид.

— Возможно, — протянул Калев, всматриваясь в яркие краски поверхности и стараясь полностью сосредоточиться на происходящем. В километре под ним мчалась крошечная точка, почти не различимая на фоне раскинувшегося под налетом рассыпчатых облаков пейзажа. А чуть дальше, на самой границе атмосферы, где радужная синева переходила в черноту космоса, сверкал другой объект. — Рич, ты видишь это? На два часа?

Пару мгновений он ждал, но ответа не последовало. Тогда он велел компьютеру проверить сигнал, и тот безучастно сообщил, что таковой отсутствует полностью. Тем временем источник беспокойства приближался, и с весьма неплохой скоростью. В какой — то момент Калев запаниковал, решил, что в них выпустили ракету, но вскоре стали отчетливо видны раскидистые солнечные батареи и стало очевидно, что к ним несется обыкновенный спутник. Мужчина уже хотел было выдохнуть, но чутье подсказывало, что дело плохо. Даже невооруженным взглядом прекрасно прослеживалась траектория, и она совпадала с их курсом.

— Рич, если ты меня слышишь, включи двигатели, — без особой надежды затараторил Калев. Ему хотелось выбраться из тесной капсулы, в которой даже толком нельзя было пошевелиться, и встать за штурвал нормального челнока, где все зависело от умения пилота, а не от прихоти автоматики. Кровь стучала в висках, и он ничего не слышал, кроме собственного частого дыхания да биения сердца. Спутник стремительно приближался, и мужчина, не сводя с него напряженного, испуганного взгляда, молился всем силам Вселенной, чтобы осколок цивилизации не задел самого близкого ему человека. И молитвы были услышаны.

Объект и не думал сворачивать, но первая капсула уже миновала опасный участок и провалилась в безопасные объятия атмосферы. Калев облегченно выдохнул, благодаря Вселенную за спасения друга, и тут же укорил себя, что слишком рано расслабился. Да, Ричард благополучно проскочил, и теперь о нем можно не волноваться, но, кажется, теперь самому Калебу угрожала перспектива встретиться со спутником. Он ждал, вжавшись в податливый и мягкий наполнитель, ждал, когда же это произойдет. Он точно знал, что встреча состоится и попытался примириться с этим фактом. Говорят, что в такие моменты жизнь проносится перед глазами, но, видимо, не в его случае. Мужчина попытался выволить из чертогов памяти какой — нибудь приятный образ, но не вышло. Встретив холодным взглядом сверкающие солнечные панели, что со скоростью пули неслись к нему, он закрыл глаза и приготовился к удару. В дрожащей темноте его окружали лишь мертвецкая тишина да биение собственного сердца.

Глава 2. Небольшое отклонение

Капсула вращалась с бешеной скоростью, и центробежная сила усердно вдавливала Калеба в наполнитель. Еще в академии его тренировали на центрифуге как раз с расчетом на подобный случай, но одно дело — вертеться в закрытом помещении под наблюдением врачей, и совсем другое — падать в атмосферу, рискуя превратиться в метеор. Он не слышал ничего, кроме собственного дыхания — частого, тяжелого и прерывистого. На экран выводились тревожные данные о его здоровье, хотя мужчина и так не сомневался, что показатели запредельные. Впрочем, состояние самого транспортного средства едва ли было лучше.

Над головой мерцала аварийная лампа, окрашивая все в багровые тона и раз в пару минут оглушая тревожным воем. Система утверждала, что удар солнечной батареи спутника пришелся прямиком на двигатель, и тот перестал отвечать на команды. Топливный бак, к счастью, не задело, как и обшивку, иначе глотал бы он сейчас бодрящий вакуум. И тем не менее радоваться было особо нечему: капсула стремительно падала и вскоре неминуемо встретится с твердью, превратившись в огненный фейерверк да обугленную воронку. Из плюсов: его гроб сохранил вертикальное положение, и перед глазами проносится панорама мертвого мира с зеленым ковром, а не мельтешит всполохами солнце со звездами.

Высвободив руки, он уперся ладонями в стекло, напрягая мышцы и стараясь сосредоточиться. «Думай, Калеб, думай, из любой ситуации есть выход... даже на тот свет есть два пути». Мужчина переводил взгляд от одной панели к другой, но почти все они были фикцией и ничем не управляли, об этом позаботились конструкторы капсулы. «Чтоб им в Аду горячую воду отключили!» Калеб почувствовал нарастающую вибрацию, что знаменовало вход в атмосферу, и счет теперь пошел на минуты. Если ему не удастся хоть что — то предпринять, то прощай... Он вспомнил про дублирующую систему, ведь у всего на свете есть ручное управление, даже у детонатора.

Задрав голову, Калеб осмотрел проектор, что транслировал данные на стекло. Монолитный корпус не предполагал вмешательства в недра оптической системы и бортового компьютера. Справа — ничего, только автомат, которым можно лишь закончить собственные страдания, а вот слева тянулся и исчезал в стыке пластиковой обшивки небольшой кабель. Мужчина нащупал в кармане складной нож и, достав его, принялся ковырять край едва заметной крышки небольшого люка, сокрытого от дотошного взгляда пассажира. Поза, которую пришлось для этого принять, была чертовски неудобной: ноги по — прежнему оставались зафиксированными наполнителем, правым плечом он уперся в стекло, а левым локтем — в мягкий гель, что выстилал «место лежания человека». Лезвие то и дело соскальзывало, лишь царапая пластиковую поверхность, к тому же начала кружиться голова, да и появившаяся тряска не ускоряла процесс. Наконец, после дюжины чертыханий, ему удалось отодрать упрямую крышку, под которой красовалась кнопка «сброс топлива» и рычаг с надписью «аварийный запуск двигателя».

Поборов желание дернуть все сразу, Калеб кое — как принял предписанное инструкцией положение, буквально влипнув в форму, и убрал нож, надежно застегнув карман. Снаружи во все стороны раскинулась пустыня под голубым небом, и лишь где — то под ногами ютилось зеленое пятно. До земли оставалось километра четыре, и нужно было решать: использовать свой единственный шанс сейчас или подождать, пока капсула не

спустится еще ниже. С каждой минутой скорость возрастала, и чем дольше он медлил, тем выше становилась вероятность разлететься на блуждающие огоньки. Единственного, чего, пожалуй, по — настоящему не хватало этому чуду техники, так это допотопного парашюта. Кaleb выдохнул, схватился за рычаг и, зажмурившись, дернул за него.

Взревели двигатели, и пусть капсула плавно замедлилась, а затем и вовсе зависла на одном месте, но, по ощущениям, Калеба словно на полной скорости впечатало в бетонную стену. Звонко клацнув зубами, он задержал дыхание, пытаясь совладать с перегрузкой и не потерять сознание от прилива крови к голове. По корпусу прошла вибрация, сопровождающаяся мерзким скрежетом, а стекло заволокло едким дымом, и оно мигом покрылось копотью. Этот ад длился долгие тридцать секунд, затем весь запас топлива сгорел, и в гробовой тишине падение возобновилось.

На мгновение возникла невесомость, впрочем, это едва ли облегчило его страдания. Кaleb с трудом сохранял трезвость ума, ему казалось, что система жизнеобеспечения вышла из строя, поскольку воздуха едва хватало, а строптивый желудок порывался вернуть все съеденное. И тем не менее мужчина держался, пытался анализировать и продумывать свои дальнейшие действия. Капсула уже не крутилась, а летела ровно, под небольшим углом, давая возможность насладиться видом, пусть и сквозь помутневшее стекло.

Отклонение от изначального курса оказалось слишком большим. «Гроб» неумолимо сносило к границе, за которой уже не было ничего живого; и в какой — то момент Кaleb испугался, что рухнет прямо в пустыне, откуда выполнить задание будет куда сложнее, если, конечно, он вообще окажется способен на это. Когда миновала двухкилометровая отметка, стало окончательно ясно, что границу его десантный модуль все же не пересечет, а упадет где — то на самом краю зеленой зоны. От Ричарда в таком случае его будет отделять не менее десяти километров, а то и больше. И только он начал размышлять, каким образом будет продираться сквозь густой лес в поисках друга, как стало очевидно, что ему грозит приводнение. На раздумья времени совсем не оказалось: капсула, как стрела, на полной скорости просто вошла в воду.

От удара Калеба выбросило из наполнителя и буквально приложило шлемом о стекло, да так, что в глазах мигом потемнело. Мужчина почувствовал, как его чудом не разбившийся транспорт заваливается на бок и уходит под воду, грозясь и вовсе лечь на дно люком вниз. Едва не поддавшись панике, он отсоединил трубку, подававшую воздух в шлем, и рванул рычаг аварийного открытия. Щелчок, и внутрь хлынула вода; все вокруг заволокло пузырьками ускользящего воздуха. Крышка не открылась полностью: возможно, подвела механика, а может, сказалось давление воды. Однако главной проблемой стало отнюдь не это. Задержав дыхание, он дернулся вперед, но коварный наполнитель вцепился в его ноги мертвой хваткой, в кои — то веки решив выполнить свою непосредственную функцию. Липкая субстанция сопротивлялась до последнего; и когда Кaleb наконец высвободил ноги, то, уперевшись руками, со всей силы принялся колотить тяжелыми ботинками по стеклу.

Борьба за жизнь растянулась, кажется, на целую вечность. Ему не хватало кислорода, мышцы начали предательски неметь, и тем не менее у него получилось выбраться. Оказавшись на мнимой свободе, он тут же попал под власть мощного течения, и его начало волочить по каменистому дну. Кaleb хоть и умел прекрасно плавать, но нырять у него получалось весьма скверно. Наконец мужчина ухватился рукой за валун, и, сориентировавшись, где верх, а где низ, оттолкнулся изо всех сил и погреб к берегу. Дышать он старался как можно реже, но на очередном вдохе с ужасом обнаружил, что глотает воду:

шлем постепенно наполнялся жидкостью и снять его пока не представлялось никакой возможности. Единственным выходом было как можно быстрее выбраться на берег.

Из последних сил перебарывая дыхательный рефлекс, Калев вынырнул и одеревеневшими руками схватился за шлем. Онемевшие пальцы вцепились в застежку на шее, но та упорно сопротивлялась, более того, мужчина мигом ушел обратно под воду. Решать одновременно несколько проблем у него, увы, не выходило, и пришлось выбирать. Суматошно перебирая руками и ногами, он долгую минуту пытался приспособиться, а затем, задрвав голову чуть ли не до хруста в позвонках, поплыл к берегу. Бурные воды реки настойчиво сносили его вниз по течению, превращая желанную сушу в постоянно меняющийся зеленый мираж.

Наконец его ноги коснулись чего — то твердого, и он сумел ухватиться за торчавший корень. К этому моменту шлем наполнился практически наполовину, и даже носом дышать становилось довольно затруднительно. Вскарabкавшись на крутой, но невысокий берег, Калев рухнул в траву и принялся избавляться от аквариума у себя на голове. К нему даже пришла отчаянная мысль подобрать камень и разбить им стекло, однако непокорное крепление все — таки поддалось, и шлем с бульканьем упал на землю. Такого блаженства ему еще не приходилось испытывать; он жадно хватал ртом воздух, наполняя пылающие легкие живительным кислородом. Откинувшись на спину, мужчина старался выровнять дыхание, с облегчением всматриваясь в совсем земное лазурное небо с редкими облаками.

Кажется, он уснул, а может, просто потерял сознание. Разбудила его непривычная какофония. Над головой, в кроне раскидистой ивы, звонко галдели сороки, пререкаясь друг с другом и прыгая по веткам. Прямо под ухом, в траве, что — то жужжало и скрежетало. Рядом томно журчала река и попискивали одинокие москиты. «Похоже на сон», — подумал Калев и улыбнулся. Может, он уже дома? Еще до войны они с Ричардом присмотрели себе прекрасное местечко в горах, неподалеку от Веллингтона, — деревушку на две улицы в окружении полей и лесов. Рич тогда шутил, что уже состарился и готов переехать в это захолустье, отрастить бороду, обзавестись многочисленной семьей и пасти овец, отгоняя настырных кеа. Сам Калев тоже был не прочь пустить корни, и даже успел найти себе уютный домик, где мог бы поселиться с избранницей сердца. Но, к сожалению, таковая упорно не желала вторгаться в его жизнь.

Идиллия, которая должна была продолжаться и дальше, резко прервалась отдаленным и несколько приглушенным взрывом. Сороки вспорхнули и разлетелись в разные стороны, в воздухе почудился едкий запах реактивного топлива и горелого пластика. Похоже, капсула не выдержала пребывания в этом раю и самоликвидировалась, а вместе с ней испарились припасы и дополнительное снаряжение. Походило на то, будто сама планета объявила войну вторгшемуся на ее запретную поверхность человеку и теперь не успокоится, пока не уничтожит чужеродное создание.

Для Калеба подобная ситуация не была в новинку. Большинство миров, в которых ему довелось побывать в качестве десантника, грешили подобным поведением, и это место далеко не самый худший вариант. Уж лучше погибать в густых зарослях под пение птиц и бульканье трясин, чем в той же пустыне от жажды или стуча зубами в ледяной пещере. И тем не менее у него есть задание, которое нужно выполнить, да еще и отыскать Рича. Впрочем, обе эти цели могут находиться в одном месте. Он попытался подняться и тут же плюхнулся обратно, едва оторвав голову от земли. Перед глазами все поплыло, а над правым ухом разгорелась острая боль. И вот только сейчас к нему пришло осознание, что он слышит

звуки, кажется, только слева от себя.

«Час от часу не легче», — подумал мужчина и перевернулся сначала на бок, а затем на живот. Из такой позы подняться было куда проще. Оказавшись на коленях, он осмотрелся внимательнее. Вокруг простирался редкий лиственный лес, испещренный полянами, а единственным ориентиром служила река, широкая и быстрая, на поверхности которой теперь красовались масляные разводы. Никаких признаков цивилизации, да и вообще присутствия людей, трудно поверить, что совсем неподалеку падали бомбы.

В метре от него лежал шлем, и Калев, подняв его, повертел в руках, выливая остатки воды. Стекло рассекала огромная трещина, как раз там, где располагался его висок. Видимо, при ударе об воду, он сильно приложился этим самым местом. То, что из столь скверной передраги удалось выбраться, заработав лишь сотрясение мозга, с натяжкой можно было назвать небывалым везением. И все же ему хотелось надеяться еще как минимум на одно чудо. Мужчина пошарил пальцами внутри шлема, и вся надежда мигом испарилась: рация теперь представляла из себя разломанный комок пластика и проводов.

Калев отшвырнул шлем в сторону и, стараясь не делать резких движений, медленно поднялся. Пошатываясь, он кое — как дошел до упавшего дерева, на ствол которого и присел. Думать было тяжело и больно, и хотелось просто забыться или провалиться в целительный сон. Только на подобные глупости теперь времени не осталось, и мужчина, для подстраховки, выставил таймер на двое суток. Браслет на запястье все еще исправно работал и показывал стороны света при первом же требовании, жаль только, координаты определить не представлялось возможным. Но тут на помощь приходила банальная логика: щит имел форму круга, а значит, достаточно идти к его центру, чтобы попасть к генератору. Огорчало только то, что свалиться ему «посчастливилось» у самой границы.

Ему потребовалась минут десять, чтобы достать из кармана анальгетик, употребить его и наконец почувствовать результат. После этого он уже мог нормально функционировать, а самое главное — соображать. Калев стянул с себя китель, потом брюки и хорошенько их выжал, до того, конечно же, вытряхнув все содержимое карманов на траву. Развесив одежду на ближайшей ветке, он вылил воду из ботинок и, насадив их на сук, принялся разбирать припасы. Большинство предметов уцелели, даже шокер сохранил заряд и был готов пустить разряд в первого встречного. Но больше всего радовало другое: персональный компьютер выдержал проверку водой и отреагировал на прикосновение.

Калев решил потратить еще десяток драгоценных минут на изучение данных. Он сел в траву, прямо на солнышке, радуясь его согревающим лучам, по которым порой тосковал в долгих космических перелетах. Первое, что его интересовало, так это файлы тех, кого уже забросили сюда, и кто, пусть и потенциально, мог ему повстречаться. Досье на каждого оказалось достаточно скудным на информацию, но хотя бы фотографии прилагались. Около десяти человек, трое из которых оказались женщинами, высаживались с интервалом в несколько дней и в разных местах. Со всеми пропадала связь, а снимки с орбиты показывали пустой лагерь. Интересно еще и то, что тут значились двое разведчиков, причем с весьма богатым послужным списком, но и те тоже исчезли без следа. В завершении списка значились их с Ричем имена, будто насмешка, дескать, эти тоже высадились и пропали, и следующим счастливицам предстоит искать еще и их. Это даже могло показаться забавным, если бы не грозило стать реальностью.

Он всмотрелся в изображение лучшего друга, что, кажется, был ему роднее, чем семья, и никогда не предавал и не бросал в беде. Ричард смотрел на него спокойными серыми

глазами с капелькой тоски во взгляде. Копна густых черных волос придавала его светлому лицу благородности, а волевой подбородок, чуть выдающиеся скулы да аккуратный нос без малейшего намека на горбинку будто убеждали, что этому человеку по силам все на свете. Впрочем, так оно и было, и Калев частенько замечал, как новички мгновенно проникались доверием и уважением к товарищу по оружию. Ко всему перечисленному можно, пожалуй, добавить и манеру говорить: спокойно и уверенно, без лишнего словоблудия и эмоций. Правда, к их общению это совсем не относилось.

Калев перелистнул страницу и слегка поморщился — свою морду он никогда особо не любил, и даже заверения окружающих не могли изменить его мнения. Мужчина всегда считал именно Ричарда писанным красавцем, к ногам которого должны были падать все девушки поголовно. Ему же, напротив, уготована скромная участь тихонечко стоять в тени друга. И ведь даже с фотографией для личного дела, как всегда, возникли осложнения, поскольку снимок делали в срочном порядке, а он, за пару дней до того, раскрасил свою физиономию падением с мотоцикла. И вот теперь в досье на него всегда будет смотреть побитой жизнью тип с расцарапанным лбом и чуть отретушированным синяком под правым глазом. Благо хотя бы нос в тот раз остался цел, за что спасибо шлему. Что же касалось внешности, то даже в свои лучшие годы Калев ставил себя в разряд середнячков: самые обычные карие глаза, каштановые волосы, почти квадратная челюсть с широким подбородком и подчас сильно выступающими скулами, пухлая нижняя губа, загорелая кожа да морщинки на лбу от излишней эмоциональности, за которую он еще поплатится в старости.

Еще минуту поглазев на фотографии, он отложил компьютер и потянулся. Пора было приступать к выполнению долга, служебных обязанностей, призвания и прочим пафосным словам, за которыми скрывалась обычная рутинная последняя служба. Покоритель планеты поднялся, натянул ни капли не просохшую одежду и ботинки, укомплектовал карманы, секунду потратил на раздумья: «а не прихватить ли шлем?», но решил не брать лишней груз. Сориентироваться оказалось куда сложнее, чем ему казалось вначале: никаких возвышенностей, строений или дорог поблизости не нашлось. В качестве весьма спорного и временного решения было двигаться просто по прямой, и тут ему либо посчастливится выйти к периметру, либо приблизиться к центру, но в любом случае оставаться на месте представлялось наилучшим вариантом.

Не прошло и получаса, как лес поредел, а затем и вовсе расступился, открывая выжженную до самого горизонта равнину. Калев не знал, как давно прошла бомбежка, но граница щита все еще была отчетливо видна: прямая линия, по одну сторону которой раскидисто щетинился лиственный кустарник, по другую же — лишь разрозненные пучки травы, только начавшие осваивать зачищенную территорию. Но внимание привлекало отнюдь не намерение природы отвоевать свое, а ряд застывших механизмов, так и не добравшихся до безопасной зоны.

Калев осторожно подошел к барьеру, вслушиваясь и вглядываясь в незримую преграду, которая все еще могла работать. Да, его послали снять глушитель сигнала, но очень часто система помех встраивается в генератор защитного поля, дабы уменьшить шансы на вторжение и сбить наведение ракет. Вот и сейчас вполне возможно, что оба устройства исправно работали в ожидании давно отступившего неприятеля. Мужчина подобрал камень и бросил перед собой, проверяя свои догадки, но булыжник, спокойно миновав возможную преграду, упал в песок целый и невредимый. С одной стороны, это абсолютно ничего не

значило, и лучше развернуться и направиться обратно, но с другой — ему чертовски хотелось рассмотреть обугленные машины.

В итоге любопытство взяло верх, и он, аккуратно вышагивая, преодолел условный Рубикон. В ту секунду, когда казалось, что барьер преодолен, в боковом кармане брюк что — то взорвалось, едва не раздробив колено. Кaleb отпрыгнул и, упав на землю, принялся матерясь, доставать из дымящегося кармана злополучную хлопушку с сюрпризом. К сожалению, ею оказался планшет, почерневший корпус которого мужчина спешно отбросил в сторону. В его снаряжении стало на одну единицу меньше, но, по факту, потеря была куда значимее, чем просто экран с микросхемами: в небытие канули карта и все файлы, да к тому же там была и инструкция по отключению защитного поля. Он на планете всего час, а та уже успела устроить кучу неприятных сюрпризов, и если так пойдет и дальше, то до рассвета ему не дожить.

Хорошенько выругавшись, горе — десантник поднялся, отряхнулся от пыли и, массируя ногу, поплелся к стальному истукану. Железка оказалась не чем иным, как оборонительным роботом давно устаревшей модели. Такие механизмы стояли на вооружении еще до начала войны, а после их просто списали и распродали. Видимо, тогда — то этих «старичков» и приобрели местные жители, которым они так и негодились. Колонна из дюжины «солдат» неподвижно застыла, навечно обращенная своими линзами к зеленой, живой стене, за которой могли бы укрыться. Кaleb дотронулся до руки двухметровой машины, что напоминала облепленного коробками человека с торчащими шарнирами и поршнями. Было в этой картине нечто печальное: бойцы, созданные, чтобы спасать и защищать, теперь обречены бесцельно стоять, никому не нужные. Возможно, и он станет таким же брошенным и бесполезным, если корабль улетит, а поле так и не будет отключено. Но, в отличие от них, в его груди все еще бьется «мотор», и значит, не все потеряно.

Стальные руины сгинувшего мира не могли дать никаких ответов, впрочем, как и оказать хоть какую — нибудь помощь: оружие выгорело, внутренности давно истлели, а корпус затянулся ржавчиной. Еще лет десять, и от них не останется ни следа, разве что наползут лианы и укроют стражников от дождей и ветров густой листвой — но и это лишь небольшая отсрочка. А вот Кaleb — существо недолговечное и нетерпеливое, да и Ричард не любит ждать, а значит, пора заканчивать предаваться унынию, и на всех порах двигать к центру живой зоны. Он похлопал робота по локтевому шарниру и пошел обратно к зеленой полосе. Почти у самой границы ему на глаза снова попался планшет, наводя своим подплавленным видом на вполне закономерный вопрос: почему это навороченное устройство не прошло барьер, тогда как шокер и компас по — прежнему функционировали? Во всех этих устройствах имелись одинаковые компоненты и блоки питания, но печальная судьба постигла лишь этот прибор. После минутного размышления, мужчина пришел к выводу, что виной всему стала вода. Планшет не предназначался для использования в столь влажных условия, в отличие от остальной амуниции, что была заизолирована и запаяна намертво, дабы никакие капризы погоды не могли помешать их работе.

Обратно он прошел без непредвиденных сюрпризов: поле никак не отреагировало, но для подстраховки все же пришлось развести руки в стороны, держа шокер в ладони. Оказавшись вновь в царстве жизни и зелени, Кaleb вдохнул пьянящий запах цветов, достал из аптечки шприц со стимулятором и воткнул себе в бедро. Вполне заурядная процедура, только на этот раз количество допинга у него было сильно ограничено и следовало отложить оставшуюся пару ампул на экстренный случай. А пока же тело наполнялось энергией, и вот

по венам уже тек чистый адреналин, превращая человека в супергероя.

Готовый сдвинуть горы и снять луну с неба, он рванул по направлению к предполагаемому центру окружности. Несмотря на обилие растительности и пересеченную местность, бежать было легко, под ноги не попадались камни или ямы, а упавшие деревья были видны издали. Действие стимулятора продлится несколько часов, и если повезет, то к тому моменту почти половина пути окажется пройдена. Приделом же мечтаний, пусть и весьма глупых, несомненно стало желание повстречать по дороге Рича. Его капсула не разбилась и полна припасов, которые друг естественно прихватил с собой, а там и нормальная еда, и полная аптечка. Самому же Калебу хоть и частенько доводилось выполнять поручения в одиночку, но без плеча боевого товарища чувствовал он себя неуютно и даже в какой — то степени неполноценно.

Страшно подумать, но, кажется, уже скоро пять лет, как они носятся по галактике и укрощают всевозможных бунтарей. За это время им посчастливилось побывать в самых различных передрягах и выработать систему взаимодействия, отлаженную практически до автоматизма. Именно поэтому порознь эффективность их действий снижалась, и Калеб отчетливо ощущал неприкрытость своей спины. В его душе теплилась надежда, что Ричард тоже его ищет, что увидел падение и всюю спешит на помощь. И в тоже время холодный разум твердил, что задание превыше всего, и следует пожертвовать всеми другими интересами и заботами, ради главной цели. К нему даже пришла тревожная мысль: а не опередят ли его, и не достанется ли вся слава исключительно Ричу.

Конечно же Калеб не за славой пошел на службу. Будь ему интересна эта особа, то его сапоги топтали бы грязь на передовой, там, где можно проявить себя перед командиром и попасть в новостную ленту. Их же работа тихая и неприметная, и не отображается в сводках побед и свершений. Под такие размышления он выскочил к реке, едва не наворачнувшись на крутом берегу. Бурный поток ничуть не утих и словно бы бросал вызов, так и маня переплыть на другую сторону. Безрассудство, несомненно, удел храбрых, но мужчина предпочел потерять время и найти более спокойное место: не такое широкое, а в идеале еще и достаточно мелководное. По этой причине путь его продолжился вдоль русла, которое никак не желало становиться более спокойным и превращаться в заливные луга или, на худой конец, пропадать в болоте.

Бежать пришлось довольно долго, но его усилия были вознаграждены полноценной переправой из гранитных глыб. Камни располагались достаточно близко друг к другу, создавая безопасный и основательный мост, разрезая бурные воды на отдельные стремительные ручьи, перепрыгнуть через которые не составляло особого труда. Не прошло и минуты, как Калеб уже стоял на противоположном берегу и, восстанавливая дыхание, с презрением поглядывал на обузданную стихию. Действие стимулятора подходило к концу, и стали проявляться первые последствия — одышка и учащенное сердцебиение. Но пока эти неудобства были терпимыми, и мужчина продолжил свой забег, ринувшись напрямик через чащу, в надежде, что осилит еще пару километров прежде, чем совсем ослабнет. Ему удалось преодолеть каких — то пару сотен метров, когда он вылетел на дорогу и едва не врезался в нагруженную телегу.

Калеб остолбенел. Что можно ожидать увидеть на далекой планете, подвергшейся орбитальной бомбардировке в галактической войне? Конечно же телегу. Деревянный раритет стоял посреди дороги и буквально ломился от мешков и корзин с фруктами. На миг мужчина подумал, что это не что иное, как некая инсталляция, оставшаяся с тех времен,

когда здесь еще ступала нога человека, и те же яблоки являлись всего лишь пластиковыми копиями, но тут звонко заржала впряженная в повозку лошадь. Он отпрянул, не желая верить в реальность того, что видел. Мозг упорно отказывался принимать подсунутые ему факты, продолжая подбрасывать теории, одна безумнее другой.

— Эм... — из — за телеги вдруг показалась голова, человеческая и вполне живая, — вам чего?

— Мне... — осекся Калев, совершенно не представляя, как иметь дело с новыми данными. Перед ним стоял мужчина лет сорока, с короткой бородкой, растрепанными волосами и в совершенно несуразном одеянии из грубого льна, походившего на некий аналог пижамы. Кажется, подобные наряды носили в больнице или психушке. И вот как ему поступить? Кем являлся этот незнакомец? Еще минуту назад ему было доподлинно известно, что, кроме Рича и нескольких ученых, других людей здесь быть не могло. А теперь же... Теперь он не знал, что делать.

— Вам, — с подозрением повторил человек.

— Я, это... — Калев едва не зашелся громким, истерическим смехом, но сдержался. Он привык, что разведданные точны как число Пи, а теперь выходило, что выстроенный и изученный мир вокруг него рухнул, став полностью диким и неизведанным. Под таким напором действительности вполне реально сойти с ума и не заметить. Но Калев попытался сохранить здравость рассудка и принялся анализировать увиденное, чтобы Вселенная не рассыпалась на осколки стекла, а лишь скорректировалась под новой долей информации. Ответов на самый главный вопрос имелось несколько. Например, субъект стоявший перед ним действительно являлся человеком, неведомым образом выжившим здесь и, возможно, прятаясь в бункере. Но все же оставалось непонятным, почему же он тогда выглядит словно выходец из позапрошлого столетия. Другой вариант: это враг — создание, посланное противником для истребления человечества и безупречно мимикрирующее под обстановку. Но тогда, опять же, проблемой становился внешний вид. Ну и последняя здравая мысль: здесь на самом деле никого нет, а все увиденное — лишь игра больного воображения.

— Чего — то хотите или просто заблудились? — уточнил человек и, оглядев гостя с ног до головы, потянулся за дубиной.

— Да, заблудился! — радостно подхватил удачную идею Калев. Он подыграет незнакомцу и разузнает, что тут творится, и кто тот есть на самом деле. Жаль только Ричарда не было рядом: друг намного лучше справлялся с установлением контактов и расспросами.

— Ну так, это... могу подвезти до города, если вы туда следовали.

— Именно туда, — закивал мужчина, — буду очень благодарен, если довезете.

— Простой благодарностью тут, увы, не расплатишься. У меня тут, это, колесо соскочило, подсобить бы надо. — Незнакомец кивнул на телегу, которая действительно накренилась на один бок. — Если вы, конечно, не из этих... благородных.

— Нет, конечно, — отмахнулся Калев. Он искренне надеялся, что под этим термином местный подразумевает именно титул и происхождение, а не что — то иное. Во всяком случае, его ответ был принят и не вызвал новых расспросов.

— Тогда приподнимите телегу, вы вроде посильнее меня будете, а я насажу колесо. — Незнакомец одной рукой ухватился за край обоза, а второй указал, где следовало приложить силу удачно подвернувшемуся путнику. — Меня Гилмором звать.

— А я... — Мужчина на секунду задумался, стоило ли называть свое настоящее имя. Он

нутром чуял, что это словно выдать важные сведения врагу, пусть и потенциальному, но в то же время, в отличии от внимательного к деталям Рича, он — то легко мог сконфузиться, не откликнувшись или вовсе позабыв выдуманное имя. — Калеп! — Он вовремя поборол желание протянуть пятерню и торопливо схватился за телегу.

— Необычное имя, — заметил незнакомец и, дав знак навалиться на повозку, принялся прилаживать колесо на ось, умело орудуя не пойми откуда взявшейся кувалдой. — В нашей округе таких не водится, вы явно издалека.

— Да... это... в гости позвали. — Калеп потерпел полное фиаско. Его, кажется, уже раскрыли, а он ведь еще даже рта не успел раскрыть. Застыв в позе Сизифа, поддерживая телегу обеими руками, он с тревогой посматривал на кувалду, которой легко можно проломить череп. Один замах, и его труп украсит ближайший овраг, и никто на всем белом свете не отыщет костей, записав бойца в список пропавших без вести. Если бы ему только удалось высвободиться и напасть первым, то, несомненно, победа оказалась бы на его стороне.

— Это дело хорошее, богоугодное, родственников и друзей навещать, — продолжил местный, будто бы и не собираясь расправляться с выдавшим себя чужестранцем. — Давно к нам никто не приходил, даже слухи ходят, что приключилась некая напасть в соседних землях, от того и вовсе гостей не стало.

— Не стало? — Калеп хотел было заикнуться, что как минимум дюжина его товарищей прибыла сюда, и даже едва не ляпнул про Ричарда, но вовремя прикусил язык, решив помалкивать или отвечать как можно проще, а то и вовсе притвориться дурачком. — Сложно до вас добраться, дороги совсем плохие стали, — выкрутился он, радуясь внезапно пришедшим мыслям.

— Это верно, особенно за рекой, — кивнул незнакомец и отошел на шаг в сторону, оценивая свою работу. — Можешь отпускать.

Калеп послушно выполнил просьбу, довольный тем, что теперь хотя бы может оказать достойное сопротивление. Этот человек хоть и выглядит простаком, но махать дубиной вполне мастак, да и сил ему не занимать.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул местный и, убрав кувалду, пару раз ударил ногой по колесу и направился к лошади. — Можем ехать, запрыгивай, гость.

— Благодарю. — Калеп обошел телегу с другой стороны и, настороженно поглядывая на лошадь, примостился рядом с возницей. Мужчина никогда не пересекался с этими ездовыми животными, более того, даже старался держаться от них подальше, за милю обходя конюшни и ипподромы. Для него сама мысль запрыгнуть в седло и пуститься галопом была настоящей дикостью, анахронизмом прошлых веков. И уж тем более оставалось неразрешимой загадкой, зачем вообще заниматься подобным, при наличии автомобилей. Извращение, не иначе. Но в данной ситуации выбор отсутствовал как таковой, а потому пришлось смириться и надеть маску невозмутимости, мол, я этих блохастых каждый день выгуливаю, хотя в правильности подобранных терминов он был не совсем уверен.

— Солнце уже в зените, — недовольно произнес Гилмор и пустил лошадь в медленный шаг. — Я с этой поломкой уйму времени потерял. Меня — то ждут на базаре, прилавков — то пустой совсем, так что не обессудь, если я помчусь сломя голову. Держись крепче, не пройдет и часа, как мы в городе будем.

Калеп даже ответить не успел, как повозка затряслась и покатила по дороге, поднимая клубы пыли. Он схватился руками за края телеги, пытаясь не вылететь, когда колеса

налетали на камни или проваливались в ямы. Мужчине даже подумалось, что в древности люди наверняка обладали каким — то невероятно крепкими костями, чтобы вот так ездить каждый день и не получать увечий и травм. Но зато теперь ему стало доподлинно известно, как себя чувствует отбивная.

Гилмор оказался превосходным извозчиком: часа не прошло, как они миновали лес и выехали на равнину, засеянную злаками. На горизонте уже показались какие — то строения, вполне напоминавшие небольшой город, в центре которого даже красовалась то ли башня, то ли ратуша. Поездочка подходила к концу, и в то же время у Калеба возникало все больше тревожных вопросов. Откуда здесь все это? Вокруг явно угадывалась человеческая деятельность, и не просто следы, а именно что совсем недавняя. Да и выглядело все как в старом вестерне или историческом фильме, и если поначалу ему удалось примириться с одним частным случаем, не вписывающимся в общую картину мира, то теперь сам Калеб не вписывался в мир. Если в городе он не получит хоть какие — нибудь вразумительные объяснения происходящему, то точно сойдет с ума.

По мере приближения открывались новые детали этого причудливого поселения. Дома на окраине смотрелись совершенно заброшенными: на, казалось бы, новых крышах во всю расплзался мох, а подходы к дверям заросли травой, ясно давая понять, что туда никто не заходил уже очень давно. И тем не менее фасады выглядели вполне крепкими, словно их не просто чинили, а постоянно поддерживали в надлежащем виде. Сами дома поначалу стояли поодиночке, а потом превратились в настоящие коридоры, плотно прижимаясь друг другу. На вид то был классический европейский городок, чьи улочки часто печатали на календарях и открытках. Для полного погружения в рождественскую сказку не хватало разве что снега и уличных фонарей. Но даже без зимней мишуры, окружение рождало стойкое ощущение нереальности этого места.

Чем дальше они продвигались в глубь поселения, тем больше обитателей попадалось на глаза. В основном то были простые жители, в одеждах, как у Гилмора, но временами мелькали яркие наряды, по — видимому, знати и стражников. И только выехав на центральную площадь, Калеб поверил, что оказался именно в городе. Народу тут собралось прилично, самого разного, но его внимание прежде всего привлекла роскошная карета у дверей башни. На такой ездили по меньшей мере принцы, во всяком случае, в мультиках было именно так.

— Ну вот и добрались, — спокойно заявил возница, подгоняя телегу к ряду прилавков под навесами, где была навалена всякая утварь вперемешку с продуктами. — Надеюсь, вы знаете, где дом вашего друга? В противном случае обратитесь к бургомистру, уж он — то всех знает.

— Непременно, — кивнул Калеб и спрыгнул с повозки, мигом угодив в лужу. Он задержал свой взгляд на Гилморе, внимательно наблюдая за его действиями, поскольку тот совершил главную ошибку разведчиков — потерял бдительность и заговорился. Откуда ему было знать, что Калеб тут ищет друга, если сам он ни словом не обмолвился о целях своих поисков? Очевидно этот тип что — то знал, а возможно, и вовсе был причастен к цирку, что творился вокруг. И тем не менее мужчина удержался от обвинений, решив продолжить игру, ведь для раскрытия карт еще собрано слишком мало данных. — Скажи, а чья это карета?

— Та — то? Да на днях к нам пожаловал сам кардинал со свитой и ... — он запнулся и, опустив взгляд, замер, будто усердно что — то вспоминал, — и сэр Артур — глава стражей Его Величества.

— Ясно, — кивнул Калев. — Что же, огромное спасибо, что подвезли меня... — Он понятия не имел, как покинуть своего спасителя так, чтобы это не показалось подозрительным или оскорбительным. Можно было, конечно, применить знания, полученные из фильмов и сериалов, но весь кинематограф, как на зло, смешался в густую кашу, из которой даже ложку не вытащить. — У меня, к сожалению, нет с собой денег, чтобы расплатиться за твою доброту...

— Мне ничего от тебя не надо, ступай с миром и не забудь посетить церковь, сегодня вечером службу проведет сам кардинал. — На этих словах Гилмор потерял всякий интерес к путнику, словно тот вовсе перестал существовать, и принялся разгружать телегу.

Калеба вполне устраивал такой финал их поездки и, отряхнув ботинки, он поплелся в сторону башни, аккуратно перешагивая особо крупные скопления грязи. Вокруг неспешно прогуливались обыватели и зеваки, так же как и он поглядывавшие на карету. С другой стороны на них безучастно посматривали стражники, коих столпилось не меньше дюжины у самого входа. Вот только как раз туда ему позарез и нужно было попасть. Интуиция отчетливо твердила, что именно там его ждут ответы. Может, их даст кардинал, а может, и этот Артур, главное не выдать себя. Впрочем, если разговор не заладится, он применит стандартные методы допроса и шокер, как самый веский аргумент. Единственное, что могло создать проблему, так это наличие той самой стражи, ведь что может его шокер против их мечей?

Скрытый режим, пожалуй, являлся самым оптимальным вариантом. Обойти башню сзади и залезть через окно, а может, перепрыгнуть с крыши соседнего здания. Способов было много, но для начала требовалось все разведать и в особенности присмотреться к охране — не будут же они вечно тут стоять? Ему даже пришла в голову мысль забраться в пустую карету и там подождать кардинала, хотя, кажется, это из какого — то фильма про гангстеров, и там фигурировала машина. Калев решил, что обдумает варианты за кружкой чая, кофе или вина, в зависимости от ассортимента местных заведений, но, вспомнив про пустые карманы, мысленно согласился и на стакан воды. И только затем наконец спохватился, что одежда у него слишком заметная и явно не по местной моде. При таком раскладе стоило как можно скорее раствориться в толпе, но, оглядев прилавки с одеждой, он не нашел ничего подходящего. Тогда пришел черед разглядывать прохожих, в конце концов, классику еще никто не отменял: догнать, подкараулить, огреть, раздеть, переодеться и уйти в закат.

На словах все просто, но пользоваться подобным методом ему еще никогда не приходилось, да и антисанитарность этой идеи энтузиазма не прибавляла. На глаза попадались лишь невзрачно одетые и неопрятные обыватели, разок мелькнул кто — то знатный, но с таким животом, что туда поместилось бы два Калеба. Невольно взгляд падал на солдат, чье облачение идеально подходило не только по размеру, но и по ремеслу — уж махать мечом — то у него точно выйдет не хуже местных, во всяком случае, с топором он управлялся превосходно, дрова тому свидетели. Пуская слюни по воякам, мужчина внезапно увидел мелькнувший силуэт, который сумел бы узнать из сотен похожих. До боли знакомой походкой человек прошел мимо кареты и исчез во дворе.

— Ну наконец — то повезло, — радостно пробубнил себе под нос Калев и побежал следом. Не обращая внимания на грязь и лужи, он быстро пересек площадь и свернул с намеченного пути только перед самой башней, опасаясь налететь на бдящих солдат. Прорваться напрямую явно не представлялось возможным, и мужчина решил обойти

вооруженное препятствие. Правда, при этом возникала вероятность потерять Ричарда из виду, а то и вовсе заплутать в переулках, но риск того стоил.

Калёб прошел по улице пару домов и свернул за угол, оказавшись в узком проулке, оканчивающемся невысокой изгородью, за которой расположился небольшой огород. Подобная преграда могла остановить разве что малого ребенка, но никак не солдата, и, перепрыгнув через плетень, он очутился в совершенно другом мире. Изнанка города выглядела весьма неопрятно: обшарпанные задние стены, покосившиеся сарайчики да запущенные сады. Зона отчуждения ютилась между двумя улицами, и с первого взгляда ее едва ли можно было приметить заезжему путнику, а потому и чужаков здесь точно не ждали. Тем не менее мужчина прислушивался буквально к каждому шороху, боясь, что из какой — нибудь двери выскочит злая собака или хозяин с ружьем.

Однако все было тихо и спокойно, будто здесь и вовсе никто не жил. Он передвигался небольшими перебежками, направляясь обратно, в сторону башни, и вскоре уперся в глухую стену с единственной решетчатой дверью. По ту сторону виднелся еще один двор из которого доносилось монотонное лошадиное фырканье да пахло сырой соломой. Преграда не имела замка, и, тихонько отворив скрипучую дверь, Калёб протиснулся в новую локацию. Полноценной конюшней это едва ли можно было назвать, скорее просто местом, где всадники припарковали своих скакунов, пока сами заливались спиртным. Импровизированные стойла тянулись вдоль стены без окон, но это нисколько не мешало слышать все, что происходило внутри, а там, судя по гомону и звону посуды, усталые служаки развлекались вовсю. Калёбу даже показалось, что пройди он здесь спокойным шагом, никто бы не обратил на него внимания — увлеченные поглощением алкоголя местные и слона бы не заметили.

Осторожно обойдя здешний аналог ночного клуба, он вышел в ещё один проулок, граничащий с высокими стенами башни. К счастью, здесь не оказалось никого, кроме заветной цели. Калёб осознавал, насколько велик риск, и тем не менее пошел на него, ведь в одиночку ему едва ли удастся хоть что — то сделать. Именно Ричард должен стать спасительной нитью для его заблудшего в загадках разума. Однако тот упорно не замечал товарища, беспечно прогуливаясь, погруженный в собственные мысли. Кроме того, друг сумел где — то раздобыть добротный плащ с меховым воротником, и, кажется, был абсолютно уверен в совершенстве своей маскировки. Воодушевленный таким поворотом, Калёб выскочил из своего укрытия и направился к Ричу, надеясь, что никто не преградит ему дорогу. Но не тут — то было. В проулок внезапно ввалилось несколько солдат, кажется, намеревающихся промочить горло, но вместо пенящихся кружек наткнулись на незваного гостя.

— Эй! А ну стой! — Дорогу Калёбу загородил стражник, на голову ниже и в два раза шире него. Такой если не зарубит мечом, то влегкую задавит животом. — Кто такой? Куда собрался?

— Да к другу... вон мой боевой товарищ! — он кивнул на Ричарда, который все так же неспешно прогуливался, будто вовсе не замечая происходящего.

— Ну да, конечно, — отмахнулся стражник и положил увесистую лапу на плечо своей добычи. — Еще скажи, что брат кардинала. погоди — ка, что — то мне твоя морда больно знакома. Бэщ, а ну поди сюда, присмотришь — ка к нашему нарушителю.

— Ну да, он самый, — отозвался одноглазый старик, мигом появившийся рядом с солдатом. — Колдун, за которым церковь уже месяц гоняется.

— Вот оно что! — недобро улыбнулся стражник и еще сильнее сжал свои пальцы. — Вот ты и попался, голубчик.

— Да какой я вам колдун!? — Калев не на шутку испугался: мало того, что его вот так схватили и практически повязали, так еще и обвиняют черт знает в чем. Похоже, ему все же придется применить шокер, главное, чтобы заряда хватило на всех, а еще лучше, если бы на помощь пришел верный друг. — Ричард!

— Никак демона на подмогу зовет! — перепугался одноглазый и скрылся за спиной своего начальника.

— Ну это не в мою смену, — процедил стражник и кому — то кивнул. — Адские врата открыть вздумал? Или нечисть призываешь на помощь? Не на тех напал!

— Да вы, нахер, сбрендили совсем ... — Калебу вконец надоел весь этот цирк, и, вырвавшись из лап неприятеля, он потянулся к карману с заветным пистолетом. Конечно, можно было бы разобраться и по — старинке, кулаками, но мечи напрочь отбивали охоту к этому занятию. Наконец его пальцы нащупали рукоятку, а потом нечто обрушилось на него сзади и наступила тьма.

Глава 3. Подыгрывай если хочешь жить

— Вы совершенно не похожи, — Сьюзен безрадостно улыбнулась. На ее лице читалась не то досада, не то разочарование.

— А должны были? — нахмурился Ричард, внимательно всматриваясь в глаза подруги, которая не пожелала стать кем — то большим.

— Нет, это же хорошо, — вмешался Калев. Правда, тут же отвлекся на чашку кофе и, сделав глоток, отставил ее в сторону, чтобы ненароком не опрокинуть. — Конечно, я понимаю, что ты про нас слышала, типа закадычные друзья, всегда вместе, не разлей вода. Но это не значит, что мы должны быть похожи, мы же не братья. Хотя... — Он задумчиво почесал затылок и посмотрел на Рича. Тот был абсолютно серьезен, будто всего одна фраза задела его за живое. За самолюбие, возможно. — Нет, ну правда.

— Видимо, в этом как раз и дело. — Она поджала губы и ответила ледяным взглядом Ричарду. — Это не ваша вина, скорее, мое переоцененное ожидание.

— Я тоже так думаю, — кивнул Ричард и залпом выпил свою порцию кофе.

— Эй, Рич, ты чего? — Калев ударил друга по плечу, пытаясь вернуть тому здравомыслие. — Какая кошка между вами пробежала?

— Он просто видит истинную картину вещей, пусть и не осознает этого, — холодно прокомментировала Сьюзен. — Видит финал наших отношений и что за ним последует. Ну а ты? — Она перевела взгляд на Калеба. — Что думаешь?

— Ну, — скривился парень и отвел взгляд в сторону. Ему совершенно не хотелось вступать в их отношения, которые так и искрились, того и гляди грозя перерасти в самый настоящий пожар, как тот, что спалил Лондон дотла. Поэтому он молчал, долго и тяжело, всматриваясь в ничего не подозревающий мир, живущей своей особой жизнью. Вокруг звучали голоса, звенела посуда, играла ненавязчивая музыка, в воздухе витали пряные ароматы специй и приправ, и никто из разношерстной толпы, собравшейся в кафе, не мог прийти на помощь бедолаге, что должен был встать между другом и его несостоявшейся девушкой. — Я не знаю, правда. Вы оба сложные натуры. Но мне кажется, что ты, Сьюзен, не даешь Ричу даже шанса показать себя.

— Пф, — девушка отмахнулась и горько улыбнулась, прячу руки под стол. — Шанс я давала, вам обоим, только не оправдали вы моих ожиданий. Ричард слишком самонадеян и замкнут, все берет на себя и решает все сам за всех, и не будь тебя — он и с места не сдвинется, застынет и будет думать, как лучше поступить, и так до скончания веков. Ну а ты, мой улыбашка, полная противоположность: чересчур спонтанен и поспешен, готов решать любую проблему самыми простыми способами. Ну да, схватить топор и броситься на аллигатора — в этом весь ты, не думаешь о последствиях, хотя, надо отдать должное, словам Ричарда ты доверяешь безоговорочно. Да, быть может вы и способны как — то уравновесить друг друга...

— Нас мобилизуют, — нахмурившись, внезапно сообщил Ричард.

— Вот как? Что же, служба меняет людей, может, и вам поможет, — Сьюзен опустила взгляд и чуть помолчала, собираясь с мыслями. — Будете работать в команде, вот где ваша слаженность наверняка пригодится.

А Калев сидел и молчал, чувствуя полнейшую неуместность своего нахождения здесь. Поддержать друга он не мог, во всяком случае, в присутствии девушки. Да, несомненно,

когда она уйдет и они останутся вдвоем, будет попробовать успокоить Рича, воодушевить и смягчить боль. Сьюзен точно не была той единственной, с которой стоило связывать свою судьбу, и ему хотелось надеяться, что в скором времени Ричард найдет ей замену, и если потребуется — Калев поможет в этом. Но сейчас вмешиваться не стоило. Впрочем, и уйти было тоже нельзя.

— Мне бы очень хотелось встретиться после... после того, как мы вернемся, когда война закончится, — напряженно проговорил Ричард. Он неподвижно сидел и смотрел на девушку, как каменное изваяние, как стальной рыцарь, выкованный с одной единственной целью и для одного конкретного человека. — Хотя бы просто поговорить.

— Мы встретимся. Обещаю. — Шмыгнув носом, Сьюзен полезла в сумочку, достала оттуда двадцатку и положила под свою пустую чашку. — А сейчас, извините, мне пора идти. — Она торопливо встала, закинула сумку на плечо и, опустив голову, быстро пошла к выходу.

— Рич, нам тоже надо идти. — Калев поборол желание положить ему ладонь на плечо, поскольку нутром чувствовал, как друг закипает, пусть это и никак не проявлялось внешне. А получить в челюсть за свою заботу, да еще и на глазах людей, ему совершенно не хотелось. — Может, сходим выпьем? Наш бар откроется часа через три, перед этим, конечно, хорошо бы поесть...

— Эй! — резкий окрик прозвучал как гром среди ясного неба. — Очнись, смертник! Тебе еду принесли, последнюю в твоей жизни.

Калев открыл глаза и тут же схватился за голову. Затылок ныл так, словно его огрели бейсбольной битой. Кажется, именно так оно и было. Он постарался осмотреться. В полумраке различались смутные очертания небольшой комнаты с каменными стенами и сводчатым потолком. Единственным источником света было небольшое окно где — то под потолком, через которое проникал плотный столб солнечных лучей, падая на ржавые прутья его клетки, за которыми переминался с ноги на ногу какой — то тип.

— Чего... где я? — прохрипел Калев и попытался приподняться. Перед глазами все поплыло, смешавшись, как капли акварели, в единую серую массу. Он пошарил вокруг себя и ухватился за выступающий камень, как за спасительную соломинку, что не даст упасть обратно. Чуть поднатужившись, ему удалось развернуться и прислониться к стене, от которой мигом пробрало ледяной стужей. Может, он все еще в капсуле гибернации, и это просто кошмар, что ему снится, пока корабль мчится сквозь бескрайние космические просторы?

— Что «чего»?! Не видишь, к тебе обращаются! — Человек за решеткой, точнее по ту сторону решетки, нахохлился и задрал подбородок, будто возомнил себя хозяином положения, если не повелителем мира. Видимо, начинающий садист с комплексом неполноценности. — Тебя велели накормить, чтобы не окочурился до казни. Поэтому быстро подошел и взял свою миску, я держать ее не нанимался!

Калев не стал спорить, а просто постарался подняться на ноги, держась за стену, как за нечто надежное и нерушимое, что не грозило исчезнуть или превратиться в тыкву. Получилось это у него со второй попытки, но зато стало ясно, что, кроме контузии, никаких других увечий и травм он не получил, и возможно, отделается шишкой на затылке и огромным синяком. Неуверенно переставляя ноги, мужчина подошел и ухватился за решетку, пытаясь хорошенько рассмотреть своего пленителя, который, впрочем, оказался простым стражником или надсмотрщиком в свободных штанах да широкой рубахе под кожаным

жилетом.

— Ну, что застыл, на, бери! — Он протянул деревянную миску, которая едва проходила между прутьев. — Я прослежу, чтобы ты все съел и облизал ее. Подумать только, ведь не каждый же день выпадает шанс так близко увидеть еретика, да еще и перед самой казнью.

— Смешно, — скорее для себя, нежели для стражника, проговорил Калев и принял угощение, что на деле оказалось не то кашей, не то супом, а в древности сие и вовсе называлось похлебкой. — А ложка где? Чем мне эту дрянь есть?

— А пальцы тебе на что? — Человек громко рассмеялся, довольный собственным остроумием.

— Смешно, — повторил Калев и молниеносным движением просунул руку между прутьев и схватил самодовольного типа за рубаху, прижав того к решетке. — Кончай этот спектакль, поиграли и хватит! Это что, реалити — шоу какое — то? Где тут скрытые камеры? И почему... — он осекся и пристально всмотрелся в бледное лицо сникшего человека. Ошибки быть не могло, ему точно где — то попадалась эта морда, причем совсем недавно. И тут в памяти вспыхнул ответ — в файлах компьютера мелькало досье, в котором и значился этот тип, кажется, один из разведчиков. — Мэтт Волта! Я тебя узнал!

— Пусти меня, еретик! Иначе ты рискуешь не дожить до собственной казни... — Стражник едва потянулся к небольшому кинжалу, висящему на поясе, как внезапно застыл. Глаза потухли, а сам он превратился в безвольную куклу. — Мы все уже умерли и миру пришел конец...

От столь неожиданной перемены и странности самой фразы Калев разжал пальцы, но солдат и с места не сдвинулся. С одной стороны, бессмысленный набор слов, не говорящих ни о чем, и в то же время глубоко внутри он что — то почувствовал, почувствовал истинную природу услышанного. На мгновение ему показалось, что вселенская истина где — то совсем рядом, и оставался всего лишь один шаг до заветной ... Миска выпала из его рук и глухо упала в солому, устилающую пол.

— Мэтт? Что ты сказал? — он попытался снова ухватиться за эту ниточку, но было очевидно, что момент прозрения безвозвратно упущен.

— Ненастоящее... — Охранник все так же смотрел в одну точку, но по крайней мере слышал, что ему говорили. И в тот же миг он дернулся, схватился за прутья и посмотрел на пленника полными отчаяния глазами. — Беги! У тебя еще есть шанс! Доберись до периметра... — В его трясущихся руках оказались ключи, но замка они так и не достигли.

Послышался протяжный скрип дверных петель, и в подвал вошел высокий человек с масляным фонарем в руках. Тусклое желтое пламя едва выхватывало из мрака черты его лица, но этого не хватало, чтобы распознать гостя. В то же время строгий офицерский мундир да висевшая сбоку шпага доходчиво говорили, что ничем хорошим этот визит не закончится. «Верхи» спускались к простым смертным лишь по двум причинам: либо озвучить приговор и насладиться душевными страданиями узника, либо излить душу и оправдать себя. — Боец, свободен! — произнес мужчина голосом Ричарда.

Калев непроизвольно попятился от решетки, тем самым вынуждая друга подойти ближе и оказаться в лучах света. Уже от одной только мысли, что же могло произойти с человеком, которого он знал всю жизнь, чтобы тот изменился до неузнаваемости всего за несколько часов, ему стало страшно. Или прошло больше времени? Что если барьер искажает время, и разница между их посадкой составила месяцы, а то и годы? Какого же ему тут было в одиночестве, на вражеской территории, без надежды на спасение? И как это повлияло на его

психику, до того казавшуюся твердой как камень?

Ричард вышел на свет, поставил фонарь на пол и посмотрел на товарища незнакомыми голубыми глазами. Его некогда черная шевелюра почти обесцветилась, прежний оттенок угадывался разве что у самых корней волос, да и кожа приобрела благородную бледность. Тот, кто стоял по ту сторону клетки, едва ли походил на прежнего Рича, превратившись скорее в его тень, безжизненного призрака.

— Калев, — едва Ричард произнес его имя, как на лице друга расцвела улыбка, улыбка надежды, казавшейся невероятно чуждой этому месту. — Мне жаль, что ты здесь оказался. Зачем ты свернул? Тебе следовало выполнять задание, а не искать меня.

— И все? — опешил Калев и еще секунду просто стоял с открытым ртом. — А как же: «Калев, я так рад тебя видеть, хорошо, что ты жив, а то я волновался».

— Жив ты ненадолго. — Ричард вздохнул и опустил глаза. — Тебя собираются сжечь, и я с этим ничего не могу поделать. Да и не хочу...

— Что? Как это? — он едва на ногах устоял, от услышанного. Лучший друг, практически брат, собирался просто смотреть, как его обольют бензином и подожгут на потеху толпе? Поверить в это было невозможно и чертовски больно. — Что с тобой случилось? Куда делся Ричард?

— Не знаю. — Мужчина безвольно уперся головой в прутья, а от его стати и выправки в одно мгновение не осталось ни следа. Теперь перед Калевом стоял просто безумно уставший человек. — Я раздваиваюсь. В голове живут словно две личности. Я помню свою прежнюю жизнь, нашу дружбу... но все это постепенно меркнет, погружается в туман и забывается, как сон. В то же время я знаю, что меня зовут Артур, и я уже десять лет служу при дворе Его Величества. Вот как это возможно? Как?! — Он поднял болезненный взгляд на друга, будто моля открыть истину и прекратить его мучения.

— Я... — Калев не знал, что ответить, да и просто не мог осмыслить, что же на самом деле творилось с другом. А какие имелись варианты? У товарища поехала крыша? Только вот мир вокруг как раз больше подходил этому мифическому Артуру, нежели самому Калеву, и выходило, что с головой неладно как раз таки у него самого. Возможно, гипноз? Но ему всегда казалось, что психика Ричарда нерушима, как гранит, его даже рекламные акции не совращали. И тем не менее результат некоего воздействия налицо, и с этим определенно нужно что — то делать. Даже если они выберутся, это наваждение может непоправимо сказаться на их совместной работе. Впрочем, Калев всегда мог связать товарища и примотать к дереву, чтобы тот не натворил глупостей, пока последняя надежда человечества бредет к Роковой Горе, в шапочке из фольги, конечно же.

— Даже сейчас мне трудно говорить с тобой. — Он снова опустил голову и продолжил: — Я слышу в голове чужие мысли, которые говорят мне что делать, как думать и кем быть. Наверное, это как во сне: я остаюсь собой, все осознаю и в тоже время словно играю роль, написанную для меня.

— Рич, ты можешь бороться. Из всех людей, что я знаю, уж ты — то способен побороть это. Что бы с тобой ни происходило, мы найдем выход, вместе. — Калев сделал робкий шаг в направлении друга, но тот даже не шелохнулся. — Открой камеру, выпусти меня.

— Не могу... Артур не может... не хочет. Для него ты преступник. — Ричард тихо застонал. — Он ведь практически меня поглотил, заменил собой. Я позабыл о тебе, о задании, у меня началась другая жизнь, не менее реальная. И что самое интересное, тебя не существовало еще час назад, а потом внезапно все вспомнили, что ты еретик, сбежавший из

казематов монастыря в горах. Мерзкое чувство, когда в голове всплывает воспоминание настолько глубокое и настолько хорошо забытое, что его появление сопровождается практически физической болью.

— Борись с этим, Рич! Тут творится что — то странное, и нам надо поскорее возвращаться к капсулам. Черт с ним, с заданием, на кону наши жизни. Твоя жизнь!

— Ее больше нет. Меня больше нет. Боюсь, уже слишком поздно... Я не могу сопротивляться этому наваждению, прости, но тебе придется делать все самому. Моих сил, возможно, еще хватит, чтобы тебя выволить, но дальше решай сам: бежать или выполнять задание... В любом случае Артур тебе помешает, он этого хочет... хочет во что бы то ни стало схватить тебя.

— Я тебя тут не брошу, и плевал я на твоего воображаемого Артура! — Калевб сжал кулаки и уже готов был подойти и если не отвесить оплеуху, то уж точно хорошенько потрясти за плечо отчаявшегося друга.

За дверью послышалась возня и эхом разнесся гулкий бас. Ричард встрепенулся и начал преобразаться: плечи его расправились, спина выпрямилась, подбородок приподнялся, рука легла на эфес шпаги — и теперь по ту сторону решетки стоял самый настоящий аристократ, будто сошедший с музейной картины. — Хочешь жить — начни мне подыгрывать. — На лице друга проступило безразличие и даже некая скука, а в глазах сверкал лишь холод да усталость. — Я постараюсь тебя вытащить, если только...

— А, сэра Артур, вот вы где... — В темницу протиснулся тучный человек, чье красное одеяние недвусмысленно говорило, что он не кто иной, как сам кардинал. — Что знатный господин может делать в компании этого ничтожества?

— Нич... жества?! — Калевб по привычке хотел было возразить и красочно описать все, что думает об этом жирном борове в занавеске, но вовремя опомнился и умолк, изображая смирение и раскаяние.

— Вот видите, в нем говорит бес! — радостно кивнул кардинал и, садистски улыбнувшись, уставился на пленника. — Только взгляните, что на нем надето. Неужто подобные тряпки нынче носят в Преисподней? Ох, с какой же радостью мои послушники его освежевали бы да изучили. Ведь наверняка, если поискать, то отыщется и хвост и рога.

— К сожалению, его ждет костер, так что нечего будет изучать, разве что пепел и серу, — совершенно спокойно возразил Артур, стоя вполоборота и посматривая на друга чуждым взглядом.

— О, не беспокойтесь по этому вопросу, — радостно заявил толстяк. — Я получил письмо от Его Величества. Нашего одержимого ждут при дворе для обряда очищения. Впрочем, если ничего не выйдет, то дворцовая площадь прекрасно подходит для большого костра. Столичных жителей давно не радовали жаркими представлениями. Спорю, что и ваш сын ни разу не видел ни одной казни.

— Вы правы, ни один из моих отпрысков не видел казни, да и я сам, смею заметить, присутствовал на подобном лишь в детстве. Кажется, эта традиция давно изжила себя.

— Вполне возможно, о ней стоит напомнить. Что же, мой друг, идемте. Оставьте беса в одиночестве, ему предстоит долгая дорога на рассвете. Может, даже повезем его напоказ через пару деревень, пусть селяне покидают камни да поплюют на него.

— Отличная мысль, ваше преосвященство, — кивнул Артур и уголки его рта растянулись в довольной, если не сказать злорадной ухмылке. Было ли это по — настоящему или Ричард настолько хорошо играл свою роль? Во всяком случае, по спине Калеба

пробежали мурашки, и ему стало по — настоящему страшно не только за себя, но и за друга. — Не желаете поужинать перед вечерней проповедью?

С этими словами они вышли за дверь, но их смех еще долго разносился эхом под каменными сводами темницы. Кaleb в прострации сполз по стенке и, вытянув ноги, уставился в одну точку: в то место, где держался за прутья Ричард, его Ричард, в котором еще теплилась жизнь и осознанность. Теперь же ничего не было понятно, и это пугало. Казалось, что от друга не осталось ничего, что под внешней оболочкой отныне обитает совсем другой человек — уроженец этого безумного мира. Да и сам мир показывал себя с новой, безумно реальной стороны, словно именно прошлое было сном, от которого он внезапно пробудился, и теперь впору задуматься: а не сошел ли с ума ты сам? К тому же выяснилось, что у этого Артура имеется сын и, по — видимому, жена, а то еще и целая куча родственников. Такое за один вечер не сделаешь, ведь все эти люди Рича и в глаза — то не видели, и что будет, когда он перед ними явится?

Может, сама ткань реальности изменилась? Может, безумный ученый создал машину, способную на подобное, и теперь проводит эксперименты над людьми, меняя им личность по щелчку тумблера? Звучит страшно и в то же время логично, но за такой бред его бы и сам Ричард отчитал. Но эта версия все же лучше, чем предположить, что за всем стоят высшие силы, управляющие судьбами людей и плетущие планы жизни каждого человека, а сегодня у них просто выдался тяжелый день, и они психанули, переписав привычный мир. Выстраивая теории одна страннее другой, Кaleb наконец расслабился и задремал.

Проснулся он на закате. В темницу просачивались последние лучи заходящего солнца, окрашивая прутья и стену за ними в багровые тона. Глядя на тревожные оттенки, Кaleb вслушивался в приглушенный колокольный звон и пытался прогнать сон, что кажется ему приснился, но совершенно не запомнился. Жаль, эта темница была настоящей, а не наваждением, увиденным в беспокойных грезах. Тело занемело и неохотно реагировало на его порывы, и виной тому, по — видимому, стала неудобная поза да каменный пол, на котором можно отморозить все что угодно. Голова гудела, в висках будто работала дрель, и, оторвав голову от жесткой стены, он ощутил, как по шее что — то мерзко ползает.

Чертыхнувшись, Кaleb подскочил и тут же повалился на пол, преодолев едва ли больше метра. Обернувшись, он обнаружил черную плесень, разросшуюся на стене ровно в том месте, где он заснул. Мерзкая субстанция шевелилась и была хорошо заметна даже в сумерках. Мужчина инстинктивно принялся шарить по карманам в поисках антисептика, антибиотиков, а в мечтах и огнемета. К сожалению, все его припасы оказались бесцеремонно конфискованы. Дрожащими руками он ощупал голову, боясь, что непонятная тварь могла остаться на его коже и, что еще более противно, залезть под нее. Кажется, этого не случилось: на пальцах не осталось ни следов инородного организма, ни крови.

Восстановив дыхание и вернув себе самообладание, мужчина поднялся на ноги и на шаг приблизился к потенциальной угрозе. Чернильные нити гриба извивались и словно черви или щупальца рыскали по поверхности стены в поисках жертвы. В то же время все они соединялись в единую цепь, которая, к ужасу разведчика, повторяла человеческий силуэт. Кажется, проспид он на десять минут дольше, то стал бы частью новой экосистемы. Еще раз осмотрев себя, Кaleb обнаружил белые пятна выцветшей ткани на штанах, видимо, организм добрался до него и успел попробовать на зуб, но синтетический материал пришелся явно не по силам деревенскому грибу.

Пока мужчина изучал полученные «увечья», плесень, издавая тихое шуршание и

скрежет, исчезла в стыках каменных блоков словно ее никогда и не было. Калев с недоверием осмотрел то место, где притаился враг, и, совершенно не представляя как с ним бороться, благоразумно отступил к противоположной стене в надежде, что там тварь его не достанет. Заснуть он теперь точно не решится, возможно, вот так, стоя, и проведет всю ночь, отгоняя от себя неведомого монстра.

— Черт знает что... — пробубнил он себе под нос. — Голодные остатки местной флоры или фауны. Асай визжал бы от восторга. — В его голове не укладывалось, как столь агрессивное существо уживалось с привычной земной травкой, не говоря уже о человеке. И что стало с теми, кто тут прозябал до него? Даже костей не осталось.

Снаружи послышался колокольный звон, от которого все внутри содрогнулось. Почему — то этот звук не приносил в его сердце надежды, скорее наоборот, складывалось впечатление, будто «трубили» не о вечерней службе, а о похоронах. «По ком звонит колокол?», — невольно пронеслось в голове, и Калев грустно улыбнулся. Сейчас он как никогда четко осознавал, что уже не выберется отсюда живым, и как бы Ричард не старался — часы его сочтены.

Еще не стемнело, а к нему уже пришли мысли о тлене и безысходности, а ведь вся ночь еще впереди. Впрочем, мужчина и рад был бы поразмыслить о чем — то более приятном, но взгляд то и дело невольно падал на злополучный угол, в котором притаился склизкий монстр. К счастью, дверь в подвал со скрипом распахнулась, и, держа перед собой лампу, вошел стражник с пухлым бурдюком и бросил ношу у самой решетки.

— Мэтт, как жизнь? Может, еще чего интересного скажешь? — будничным тоном поинтересовался Калев, будто обращаясь к соседу, которого видел каждый день. Конечно же он не ожидал повторения приступа, что случился с охранником днем — чудеса дважды не случаются. — А в мешочке у тебя вино надеюсь?

— Заключение не положено! — возмущенно ответил тот и повесил теперь уже единственный источник света на крюк на стене. — А тебе, еретик, и подавно!

— Хороший ты парень, заботливый, людей любишь, — продолжал Калев, приглядываясь, насколько новое освещение его камеры поможет в выявлении ползучего гриба. — Скажи, а много народу здесь передохло? И что стало с телами?

— У нас места спокойные: ни краж, ни нападений. Мы, помнится, сильно возмущались, когда бургомистр велел обустроить темницу, но, как видишь, оказывается не зря, он ведь как в воду глядел. Так что, еретик, это твои личные покои, когда сгоришь на костре — расскажешь о них своим сородичам.

— Смешно, — тоскливо произнес Калев и позволил себе наконец прислониться спиной к стене. Он сейчас был не один, и если плесень подкрадет, то есть вероятность, что стражник вовремя это заметит. Предупредит, конечно, навряд ли, скорее наоборот — с радостью посмотрит, как бранные останки узника растворятся кислотами склизкой дряни. — Эй, может, в картишки сыграем или в морской бой?

— Жизнь свою хочешь выторговать? Думаешь, я настолько наивен, что позволю обыграть себя в карты? Ты наверняка начнешь подстрекать меня делать ставки и в какой — то момент поставишь свою свободу, пообещав взамен власть и деньги. Так вот, не на того напал! Моя вера крепка, и я знаю, как вести себя с подобными тварями. Поэтому закрой рот и спи, завтра твой сон станет вечным.

— Мда, и тут облом, — вздохнул Калев и отвернулся от надзирателя. Мозги парню, видимо, промыли основательно, раз тот сам верил в то, что говорил. С этим, увы, ничего уже

не поделаешь, но Ричард все еще оставался собой, пусть и в несколько ограниченном формате. И неужели его друг тоже превратится в такое существо — дикое и недалекое? — Ну, тогда добрых снов, Мэтт, пусть ты себя не помнишь, но я буду помнить за нас обоих. Я буду помнить вас всех... — закончил он и погрузился в раздумья.

Если он все же переживет эту ночь, то что делать дальше? Какой у него план? Сбежать? Но как? Заботливые солдаты отобрали все, что было в карманах, включая шокер, который мог бы сильно сместить акценты во время предстоящей казни. Ему наверняка свяжут руки, а может, вообще в кандалы закуют, и в таком случае драться будет весьма затруднительно. Можно попытаться выхватить меч, нож, шпагу или еще чего, и попробовать помахать хотя бы для виду, а потом дать дёру в лес. Совершенно точно, что единственным шансом на выживание для него являлся побег в окружающую город чащу. Стоило сконцентрироваться на этом, а потом уже, если все удастся, думать, что делать дальше. Хотя ему и самому не верилось в успех этого мероприятия, Ричард всегда говорил, что планирование — не его конек, и предпочитал выстраивать стратегию самостоятельно. Но что бы сделал в такой ситуации сам Рич? Друг советовал придерживаться исходного плана и, возможно, даже сумеет помочь с реализацией оногo, насколько ему, конечно, позволит нынешнее состояние. С другой стороны, не стоит отбрасывать слова Мэтта, который советовал выбираться за периметр. В какой — то мере он прав: если вся эта чертовщина творится исключительно в пределах щита, то, выйдя за его пределы, возможно будет связаться с кораблем — уж Асай — то точно разберется, что тут к чему.

Сейчас же ему предстояла пытка ожиданием — пожалуй, самая невыносимая из всех. А пока на улице вновь надрывался колокол, не грех напомнить себе: «Колокол звонит по тебе».

Глава 4. Прутья, Цепи, Кандалы

Настал рассвет. Алое зарево просочилось через прутья на окне, наполнив темницу тревожными ожиданиями. По ту сторону толстых стен пели птицы, подвывали сонные собаки да раздавались редкие, но оглушающие крики петухов. Послышались первые человеческие голоса — блеклые и чужеродные на фоне общей какофонии. Калёб приоткрыл глаза и осторожно пошевелился. Все его тело занемело, и малейшее движение отдавалось болью в суставах и окаменевших мышцах. За всю ночь он практически не сомкнул глаз: так и сидел, прислонившись спиной к решетке и следя, чтобы мерзкая плесень снова не оплела его своими щупальцами. Но таинственное создание так больше и не появилось, оставшись лишь тревожным видением, которое можно запросто списать на разыгравшееся воображение или стресс. Где — то позади все так же посапывал охранник, чей храп на протяжении всей ночи наполнял темницу раскатистым эхом, и, пожалуй, именно это стало худшим испытанием. Можно с уверенностью утверждать, что к заключенному применили психологическую пытку.

По своему темпераменту Калёб всегда был человеком импульсивным, готовым, вскочив с кровати, помчаться вершить великие дела, нежели лениво потягиваться, уставившись в потолок. Однако это утро решительно отличалось от всех предыдущих. Мужчина совершенно не желал двигаться, будто малейшая потуга могла ускорить приближение конца, спугнуть этот удивительный момент рождения нового дня, пусть и с заранее известным финалом. Задрав голову, он рассматривал разводы, что рисовал рассвет под сводами потолка, наслаждался легкими дуновениями прохладного ветра, приносящего запахи росы и первых цветов. Да, совсем скоро люди окончательно проснутся, развеяв магические нотки, создаваемые природой, и заполнив все вокруг исключительно собой.

И как бы ему ни хотелось оттянуть судный час, но звон колокола он, увы, никак не мог остановить, впрочем, как и заглушить. От каждого «бом» воздух буквально вздрагивал, по впившимся в спину прутьям проходила вибрация, будто пытаешься заставить человека «отлипнуть» от решетки и наконец подняться. Но Калёб терпел. Играя желваками, он с досадным упорством отсчитывал удары, походившие на вселенский таймер, чья мелодия извещала зрителей о начале представления. Почему — то мужчина был твердо уверен, что сейчас именно шесть утра. Сутки здесь, вероятно, отличались от привычных земных, и тем не менее непонятно откуда взявшаяся уверенность в своей правоте не пропадала. Может, потому что его день уже был расписан, как и положено в тюрьме, и это всего лишь сигнал к началу безумного спектакля.

В темнице наступила тишина: стихли звуки улицы, но самое главное — затих Мэтт, а это значило, что страж наконец проснулся и мог составить компанию приговоренному. Однако, вопреки ожиданиям узника, надзиратель, прокашлявшись, размялся и вышел в коридор, тихонько притворив за собой дверь. Небывалая вежливость в отношении заключенного, так с ним не обращались ни в одном полицейском участке, куда Калёб частенько попадал в годы бурной молодости. Ничего серьезного в его послужном списке не значилось, иначе не видать бы ему академии и службы, но тем не менее ему было чем гордиться: езда в нетрезвом виде, пара драк за внимание девчонок да угон газонокосилки с футбольного поля. Жаль, медали за такие заслуги не выдавали, а лишь запирали в изоляторе на несколько дней в назидательных целях.

Не успел узник заскучать, как услышал шаги, а следом дверь распахнулась, и явились двое. Ему совершенно не хотелось оборачиваться и видеть лица своих конвоиров. Однако шестым чувством он ощутил нечто родное и, повернув голову, увидел Ричарда и еще какого — то типа в форме стражника. Лицо друга выглядело заспанным и усталым, волосы окончательно выцвели, не оставив ни единого следа от когда — то жгучего брюнета. Но даже от столь болезненной картины Калебу все же стало легче: сердце словно вновь начало биться, будто неминуемый финал отсрочился на неопределенное время. Только вот в качестве кого пожаловал его друг — спасителя или палача?

— Встать! — рявкнул солдат и уже собрался выхватить меч и ткнуть заключенного между лопаток, но Ричард вовремя пресек этот порыв.

Калеб повинился. Не сказать, что он испугался угрозы, скорее, ему не хотелось, чтобы все это лицезрел Рич. Ухватившись за прутья, мужчина медленно поднялся, чувствуя, как онемевшие мышцы наполняются жизнью. Силы достаточно быстро вернулись, и теперь, в компании верного друга, ему было по силам брать штурмом башню, хватать кардинала за шкирку да уносить ноги куда подальше, желательно — в роскошной карете. Но, кажется, эти мысли появились исключительно в его светлой голове.

— Все плохо? — поинтересовался Калеб, прекрасно зная ответ.

— Смертный приговор в силе, — безразлично ответил Ричард. — Оставьте нас на минуту, — велел он сопровождающему, и тот, бросив на них подозрительный взгляд, покорно удалился, закрыв за собой дверь.

— Рич... — начал было Калеб, даже не зная, что толком хотел сказать.

— Артур! — поправил его друг.

— Артур, — скривившись, повторил Калеб, — я не хочу, чтобы ты смотрел. Не желаю видеть твое лицо, когда бросят первую спичку в мой костер. Мои страдания закончатся, но я знаю, как тяжело и долго ты переживаешь утраты. Поэтому не ходи. Прошу.

— Думаешь, ты меня знаешь? Откуда, если не секрет? — усмехнулся друг, которого теперь было совсем не узнать. По ту сторону решетки стоял совершенно другой человек — чужак со знакомым лицом и голосом. — Но можешь радоваться, тебя перевозят в столицу для изучения, после чего сожгут на дворцовой площади.

— Моей радости нет предела, — уныло промямлил Калеб, понимая, что пробить неведомую стену, воздвигнутую в сознании друга, ему уже не удастся. Очевидно, что этот неправильный мир менял все, до чего только мог дотянуться, и Ричард оказался очередной жертвой, как, возможно, и Мэтт до него. Совсем не сложно догадаться, кто должен был стать следующим. Вот только сжигать — то для этого зачем? — Рич, это не смешно, — взмолился он, готовый пасть на колени, лишь бы этот спектакль закончился.

— А похоже, что я смеюсь? — удостоив друга презрительным взглядом, ответил Артур. — Ты по какой — то неведомой мне причине считаешь, что мы знакомы и в хороших отношениях, но это отнюдь не так. А даже если бы и были, то я присягал королю и останусь верен своему долгу.

— Тогда почему ты здесь один, наедине со мной? Может, хотел что — то сказать без посторонних? — Калеб набрался решимости и ступил на чужое поле: ведение переговоров, убеждение и расположение к себе — вот, где он чувствовал себя как рыба на сковородке. И тем не менее в отчаянии решил попробовать достучаться до человека, которого когда — то знал.

— Хотел посмотреть тебе в глаза, — холодно ответил друг.

— Зачем?

— Зачем? — нахмурился Артур и отвел взгляд, будто вспоминая что — то крайне важное, но в последний миг внезапно ускользнувшее.

— Да, зачем? Простой вопрос. — Калэб сделал шаг вперед, чувствуя, что с другом происходит что — то неладное. — Ричард?

— Что ты со мной делаешь... — Он одной рукой ухватился за решетку и опустил голову, стараясь не смотреть на узника. — Мне больно! Прекрати!

— Ричард, очнись! — с надеждой воскликнул Калэб и готов был уже схватить ладонь друга, но тот резко отпрянул и отвернулся, кутаясь в плащ. — Вспомни про задание, вспомни зачем мы здесь!

— Калэб, не надо... — голос принадлежал уже не Артуру: жесткие, но теплые нотки исходили от Ричарда, который будто пытался прорваться сквозь маску, что на него нацепили. — Отпусти меня. Уже ничего не исправить, я больше не тот человек, которого ты знал. Все твои старания приносят лишь боль и страдания, прошу, перестань. Я помню, что тебе обещал, и сделаю все, что смогу... не позволю Артуру тебе навредить... и не только ему. Но... Ты должен забыть обо мне. Я хотел бы объяснить, что со мной творится, но не могу — сам не понимаю. Кажется, будто меня изменили, наложили поверх новую личность, через которую я не могу пробиться. Я знаю, что ты им нужен живой...

— Зачем? Зачем я им нужен? — Калэб пытался перебороть себя, перепрыгнуть через волну эмоций, что нахлынула на него, мешая мыслить трезво. — Что со мной сделают?

— Я не знаю... просто чувствую, что ты очень важен... интересен. Они отвезут тебя в город, а там постарайся сбежать, попроси Артура, он... он знает, где находится машина. Это все, что я сейчас могу. Удачи и прощай, Калэб.

— Прощай... — Он застыл с открытым ртом, беспомощно наблюдая, как фигура гвардейца распрямляется, вновь поглощая друга — последнего человека во вселенной, что еще был ему дорог.

Повисла пауза. Калэб не шевелился, всеми силами пытаясь оттянуть момент, когда существо с лицом друга вновь посмотрит на него бесчувственными глазами. И в то же время услышанное планомерно прорастало в его голове, обретая форму и осознанные очертания. «Машина», — вспомнились ему слова Ричарда, который точно дал понять, что говорит о задании. Значит, речь шла о генераторе помех, а это, в свою очередь, наводило на логический вывод, что они все еще на Эридане, и где — то над их головами сейчас проплывает корабль с Асаем на борту. Только вот подобное сочетание уж никак не укладывалось в здравую картину мира, и как ни крути выходил полный абсурд.

Любой здравомыслящий человек сейчас схватился бы за голову в приступе сумасшествия от попытки осознать, а самое главное, свести концы с концами в том безумии, что наблюдалось вокруг. Но Калэб проходил это: их учили противостоять психическому воздействию, как раз на случай взятия в плен и применения психотропных веществ. Он, конечно, едва сдал экзамен и провалил почти половину тренировок, но все же подобный опыт не прошел бесследно. Разум, едва прикоснувшись к тягучему и вязкому помутнению, тут же отпрянул и на всех парах помчался к чему угодно стабильному и нерушимому, за что можно было бы зацепить якорь трезвомыслия. Обычно всегда помогали законы физики, в частности принцип, который открыл еще Ньютон на собственном примере: то, что подброшено — должно упасть. Наряду с классической болью, это тоже вполне годилось для распознавания сна. И что же в данной ситуации делать ему?

Калев схватился за прутья и со всей силы сжал их. Мышцы напряглись, забивая голову потоком боли и холода от металла. Приятно осознавать, что и в этом неправильном мире железо имеет температуру окружающей среды, а самое главное — оно твердое и если его лизнуть... Дверь скрипнула, и в темницу вернулся солдат, который, по велению Артура, ходил проветриваться. Сам же гвардеец окончательно пришел в себя и уже ничем не походил на Ричарда, уж у друга никогда не было столь безразличного выражения лица.

— Сэр, мы закончили! — известил стражник и потряс увесистыми наручниками, которые могли бы сдержать и медведя.

— Отлично, отпирайте, — приказал Артур выхватывая кандалы.

— Вы уверены...

— По — твоему, я не справлюсь с безоружным человеком? — Гвардеец даже не удостоил подчиненного презрительного взгляда: все его внимание занимал исключительно узник.

— Он не совсем человек... — пробубнил себе под нос солдат, но покорно подошел и отворил дверь камеры.

Калев сделал шаг назад и выставил вперед руки. Его гложит странное чувство: с одной стороны, бессмысленность сопротивления, с другой же — нежелание противиться Артуру. Даже зная, что Ричарда фактически больше нет, его сердце отказывалось с этим примириться, упорно пытаясь разглядеть хоть малейший признак присутствия друга. Он всмотрелся в глаза гвардейца и, кажется, на краткий миг увидел это, где — то там, в черноте зрачков — крошечную искру, словно сигнал маяка.

— Правильно, что не сопротивляешься, — кивнул Артур, как будто слегка разочарованно, но в то же время вполне удовлетворенный результатом. — Синяки и ссадины тебе ни к чему. — Он защелкнул браслеты на запястьях пленника и сделал шаг в сторону, предлагая проследовать на выход.

«А то мясо будет неравномерно прожариваться на костре инквизиции», — хотел было добавить Калев, но передумал, твердо решив играть в молчанку. Если Ричард и вправду еще где — то там и может ему помочь, то лучше держать язык за зубами и ничем не провоцировать его новую личность и вооруженное окружение. В то же время призрачное обещание исчезнувшего друга сильно ограничивало его возможности к побегу, напрочь исключая какое — либо сопротивление, в особенности самому Артуру. Да и смог бы он? Поднял бы руку на Артура видя в нем Ричарда? Нет, конечно. Для такого недостаточно, чтобы рехнулся мир, нужно еще как минимум и Калебу сойти с ума, но пока он понятия не имел, как это сделать.

Тем временем его благополучно выпроводили на лестницу и даже пару раз пихнули палкой под ребра для придания скорости и поднятия энтузиазма. Сам горе — разведчик, стиснув зубы, стойко выдержал издевательства, поборов желание развернуться и хорошенько врезать сапогом по зазнавшейся сельской морде. Естественно, подобная выходка стоила бы ему сломанных ребер и носа, но зато мимолетное удовольствие и торжество справедливости еще долго бы притупляли боль.

То, что путь предстоял неблизкий, стало ясно, когда его вывели на свет божий и подвели к просторной клетке, поставленной на телегу. В таких когда — то возили зверей в бродячих цирках, а теперь примерить на себя шкуру льва, видимо, предстояло ему. Незавидная участь, учитывая, что никакого навеса тут не предполагалось, и придется всю дорогу быть на всеобщем обозрении. Даже сейчас, находясь в окружении дюжины солдат, он

слышал их перешептывание и чувствовал тяжелые и презрительные взгляды. В него разве что камнями не бросали, да и то только пока. Еще раз напомнив себе про смирение, Калев покорно залез в вольер, высота которого не позволяла выпрямиться в полный рост, так что ему пришлось опуститься на колени и просто наблюдать, как свита запрыгивает на коней и неспешно выдвигается в путь.

Телегу тряхнуло, и колеса, заскрипев, понесли живой груз следом. Их процессия выехала на площадь, где, к глубочайшему облегчению Калеба, практически никого не было, и все, видимо, из — за того, что солнце едва поднялось над крышами плотно стоящих домов. По улицам растекался сумрак да стелился туман, и лишь башня сверкала всеми цветами, купаясь в утренних лучах, словно бы и вовсе не принадлежала спящему миру, а была неким пришельцем, спрятавшимся у всех на виду. В застывшем воздухе разносились стук копыт и фырканье лошадей; люди молчали: то ли еще не проснулись окончательно, то ли чего — то боялись. И, кажется, только у Калеба внезапно было достаточно хорошее настроение, чтобы поболтать, но он держался.

Поглядывая по сторонам, он наблюдал, как они выехали из города и углубились в лес. Впереди двигалась карета, и все подстраивались под ее неспешный ритм. Внутри, конечно же, находился сам Кардинал, за ним — практически вся стража, затем живой трофей, и замыкал колонну Артур с несколькими соратниками. Калебу же досталась компания одного лишь Мэтта, что ехал слева от телеги и делал вид, будто бы ему абсолютно безразличен пленник.

— Эй, Мэтт, а что ты знаешь об Артуре? — Калев ухватился пальцами за прутья и вытянул ноги, уперевшись мысками ботинок в край клетки. Он с радостью откинулся бы на спину или, на худой конец, прислонился плечом к стенке своей «темницы», но постоянная тряска да ямы, в которые периодически попадали колеса, мигом превратят его и так сильно пострадавшие места в настоящую отбивную. Поэтому все муки проселочной дороги приняла на себя и без того многострадальная задница, и тут уж сколько соломы не подкладывай, а толку не будет никакого.

— Не мое дело знать о делах начальства, — уже привычно отмахнулся от него надсмотрщик. — Тебе бы лучше начать замаливать грехи, на главной площади уже собирают костер в твою честь.

— Смешно, — равнодушно отозвался Калев, так и не поняв, в чем его обвиняют все вокруг, учитывая, что никого из окружающих, кроме Мэтта да Рича, он никогда прежде не видел. — Удачно я так в гости зашел... Слушай, а ты знаешь Гилмора? Кажется, он единственный человек в этом чертовом мире, который не желает мне смерти.

— Тогда... нам следует его допросить! За помощь преступникам полагается серьезное наказание! — встрепенулся надзиратель. — Как, говоришь, его звали?

— Мать ... твою, — устало выдохнул Калев, уже готовый на прутья лезть от того бреда, что его окружал. — Я поговорю с Артуром о твоём повышении, — саркастически протянул он и попытался отвлечься от творившегося вокруг безумия. — Ты же знаешь, что мы с ним лучшие друзья? Ну то есть были, еще в те времена, когда его звали Ричардом. Между прочим, ему даже присвоили королевский титул, когда, на втором курсе Академии, нас неведомым образом занесло на «англистику». Не поверишь, но Рич тогда еще был совсем юн и полнился энергией, в нем кипела кровь и безрассудство, пусть он это и старательно скрывал. И знаешь, что учудило это чудо? — Калев довольно улыбнулся и ностальгически закатил глаза. — Он решил отрастить волосы, и не просто челку припустить на глаза для

тайнственности, нет, именно отрастить настоящую гриву. Только представь вот этого красавца да с длинными волосами! — Он кивнул в сторону друга, державшегося позади, в компании своих новых товарищей в латах. — Обычно ему хватало ума завязывать свои патлы в хвост на затылке, а тут мы как раз изучали писателей девятнадцатого века и, как назло, читали Айвенго. Ну и как — то так получилось, что Рич неосторожно почесал макушку, и резинка, не выдержав натиска такой густой шевелюры, с громким шлепком разорвалась. Нет, ты подожди смеяться, самое главное, что это случилось точно на моменте, где в романе появляется Ричард Львиное Сердце. Я до сих пор помню лицо препода, который взглянул на него из — под очков и торжественно произнес: «А вот и Его Величество пожаловало».

— Причем тут Его Величество? Или ты сейчас поглумился над нашим королем? — нахмурился сопровождающий, в потугах осознать услышанное. Судя по выражению его лица, выходило весьма скверно.

— Ох, Мэтт, знал бы ты, как мне хочется сейчас... — Кaleb закатил глаза, удерживая себя от непоправимого шага — шлепнуть себя ладонью по лицу. Но в данный момент это движение могло стоить ему зубов, а то и сломанного носа, и все из — за увесистой цепи между браслетами. — Вот интересно, если бы на твоём месте оказался, скажем, геолог или физик... кто там ещё был в твоей команде? Вот и где они все сейчас?

— На своих местах...

— Что? — узник мигом опомнился и уставился на солдата. Тот, чуть опустив голову, словно задремал с открытыми глазами. Длилось это всего лишь мгновение, и вот Мэтт вновь подозрительно поглядывает на чудовище в клетке, словно ничего с ним и не происходило. Однако в голове Калеба уже проросло зерно сомнений, и он присмотрелся к остальной свите, а заодно и к местности.

В глаза бросился разграничительный столб у дороги. На первый взгляд совершенно обычный, такими отмеряли расстояние в стародавние времена. Однако каждый, кто проезжал мимо него, на мгновение «зависал», словно погружаясь в собственные мысли. Не миновала эта участь и Артура, который о чем — то разговаривал с товарищами, а затем на секунду остолбенел и снова как ни в чем не бывало продолжил беседу. Кaleb припомнил, что, кажется, нечто похожее случилось и с Гилмором, когда они остановились у башни. И пусть уроженцу двадцать третьего века должны быть чужды мысли о магии и колдовстве, но как тут не поддаться древним суевериям о проклятиях и наваждениях? А может, оно и действительно было именно так? Вдруг всех людей в округе и впрямь заколдовали, и те перестали замечать очевидное и помнить о том, кем были когда — то. Идея безумная, но до безобразия банальна и притягательна, ведь в таком случае Ричарда всего — навсего заставили поверить, что он Артур, и проблема решалась простым снятием заклятья.

Нет, все не могло быть настолько легко. Так твердило шестое чувство, отказывающееся деградировать до мудрецов средневековья. Магии не существует, утверждал разум и жизненный опыт. Да и правда, Кaleb никогда в жизни не сталкивался с мистикой или потусторонними явлениями и всегда полагался на науку, и та никогда не подводила. И сейчас не должна. Не могло же быть так, что законы физики внезапно решили перевернуться с ног на голову и покориться воле человека. Даже на краю Вселенной в это верилось с трудом. Но все же верилось.

— О побеге думаешь? — прервал размышления голос сопровождающего. — Не советую, порубят тебя на куски и повезут в сундуке.

— Ну спасибо за предупреждение, — огрызнулся Кaleb и постарался отвлечься от дум о

загадках мироздания. Его внимание переключилось на природу, благо они заехали на голый холм, откуда открывался прекрасный вид на окрестности. По горизонту пролегла тонкая ржавая полоска, очерчивая границы чуждого мира и словно дразня незваного гостя, мол, вон твой дом, совсем рядом, попрощайся с ним. Сам же Калевб задавался одним — единственным вопросом: что нужно сделать с людьми, чтобы они в упор не замечали другую реальность, находящуюся буквально у них под носом?

— Ты просто подозрительно замолчал, — уточнил спутник. — Словно задумал какую пакость.

— Ох, Мэтт Волта, ты потрясающе заботлив и внимателен, — вздохнул пленник и, заметив нечто странное, приподнялся, едва не ударившись головой о прутья. — Эй, а это что такое? — Он кивнул на объект, что высился над лесом. С виду это было обычное дерево, похожее на ель или сосну, выделяли его лишь высота в добрых полсотни метров да странная одиночность в лиственном окружении.

— Дерево, — подтвердил простую истину солдат, бросив на пленника презрительный взгляд. — Возможно, я открою тебе великую тайну, но мы едем через лес.

— Ну да, ну да, что же это я, — выразительно закивал Калевб, понимая, что на помощь ему рассчитывать не придется. По его мнению, с деревом точно что — то не так, а если приглядеться, то вдалеке можно увидеть еще одно, высившееся, словно природный громоотвод. Интуиция тут же подсказала направление для развития мысли. Между деревьями, на глаз, было около километра, и, проведя воображаемую черту, он развернулся, выискивая еще одно. И таковое действительно нашлось, совсем рядом: сквозь густые кроны проглядывал толстый ствол, уходивший прямо в небеса. — Ха! Ты тоже это видишь? Мэтт! Подтверди мою догадку, — не смог сдержаться Калевб, желая поделиться своими умозаключениями хоть с одной живой душой. — Эти странные деревья располагаются на равном расстоянии друг от друга и образуют целую сеть. Я бы сказал, что они раздают вайфай, но, глядя на тебя, думаю, их создали для распространения этого «наваждения».

— Я не понимаю твой бред, — напрягся солдат и будто ушел в себя. — Это просто деревья.

— Точно! Ты абсолютно прав! — Калеба охватил настоящий восторг, он наконец — то разгадал загадку. — Наваждение — это то самое поле, которое блокирует прохождение сигнала, а заодно и создает защитный купол. И значит, где — то под землей идет кабель, и ведет он напрямиком к генератору. Ну разве я не гений!

— Скорее безумец. — Артур появился совершенно внезапно, как черт из табакерки. — С еретиком запрещено разговаривать!

— Да, сэр! — Встрепенувшись, Мэтт выпрямился, задрал подбородок и сделал вид, будто в клетке и вовсе никого нет.

— Да ты издеваешься! Я же тут с ума сойду, а так хоть с Мэттом пообщаюсь, — совершенно по — детски сокрушался Калевб. Но поскольку Артура данные возгласы и мольбы не тронули, то и продолжать не имело смысла. К тому же, ему, как единственному здравомыслящему существу в этом зазеркалье, стало подозрительно интересно, почему гвардеец появился именно сейчас, когда он начал разгадывать здешние тайны. Неужто мироздание пыталось таким ненавязчивым способом остановить ход его мысли, что могла разрушить иллюзию и вернуть разум человечеству? И если так, то судьба всех этих людей теперь зависела исключительно от него, а значит, ошибиться он не имел никакого права.

— Твое красноречие очень пригодится в пыточной, — угрюмо добавил Артур и,

пришпорив лошадь, догнал карету.

Что же, рот ему заткнули, но думать — то никто не запрещал. Разведчик попытался принять позу поудобнее, ворча себе под нос о невыносимых условиях и мечтая хотя бы о коврике в прихожей. Уверенность теперь была непозволительной роскошью, но все же ему хотелось надеяться, что вершители судеб не могут читать его мысли и влиять на ход рассуждений. Пока он устраивался на новом рабочем месте и готовился к мозговому штурму, показалась еще одна отметка на обочине. И, как и в прошлый раз, проезжая рядом, каждый из процессии зависал на пару секунд, словно перезагружаясь или получая новые инструкции. Только если это действительно так, то кто же был этим незримым кукловодом? В том, что все здесь подчиняется некой странной системе, у него уже не было никаких сомнений.

И к каким же выводам он пришел? Увы, не к самым приятным. Генератор, создающий помехи и барьер, действительно существовал, а его сеть распространялась на всю площадь уцелевшей зоны. Излучение — возможно, побочное, а может, и целенаправленное — действовало на разум, превращая людей в марионеток, играющих некие роли. Да, теперь Калев был абсолютно уверен, что никакой магии и мистики тут нет, и все дело в обычном электромагнитном воздействии. Еще двести лет назад ученые смогли с помощью магнитов менять процессы в мозгу, заставляя людей совершать подчас странные вещи, причем по собственной воле. В итоге эти разработки запретили, но кто мог дать гарантию, что их не продолжили на далекой планете?

Оставался, конечно, неудобный вопрос: почему же сам Калев не подвергся воздействию загадочного излучения? Ответ на эту загадку мог стать решающим, поскольку, разгадав ее, станет возможным вернуть Рича. Однако пока что у него не было ни одной догадки на сей счет. Может, недоставало данных, а может, логические размышления не являлись его сильной стороной. Как бы то ни было, а следовало для начала просто подождать. Процессия направлялась в столицу, где находился король, а самое главное, вероятнее всего, и злополучный генератор. Такая структура выглядела весьма логичной, к тому же он только что миновал четвертое дерево, расположившееся строго по прямой к остальным «вышкам», а это значило только одно — они движутся к центру.

Получив некое душевное успокоение от того, что гора сама идет к нему, Калев решил проверить, что же может противопоставить грядущим неприятностям. То, что компаса и шокера его лишили, он заметил еще вчера. Оставили лишь кулон, и тот, видимо, из — за того, что сочли рубин проклятым или заговоренным. И на том спасибо, но этим памятным кристаллом только в зубах и можно ковырять, для других целей камень был не пригоден. Еще одним нерадостным наблюдением стало белое пятно на штанине, ровно в том месте, куда накануне присосалась плесень. В полумраке темницы это не настолько бросалось в глаза, а сейчас, на солнце, стало отчетливо видно, что ткань будто изменила структуру: вместо нейлона с кевларовым напылением теперь красовалась «льняная заплатка», будто нарочно вставленная нерадивым портным. Вот после этого плесень уже не казалась таким уж нереальным сном. И все же необъяснимых странностей с него, пожалуй, хватит.

Калев задрал голову, надеясь, что хотя бы в небе его не поджидают сюрпризы, для существования которых пришлось бы придумывать обоснование. Обычное голубое небо с призрачными дисками двух небольших лун. Почти земное, если заслонить один спутник пальцем. Почему — то это место нагоняло на него тоску по дому. Странно, но нигде из множества миров, где они с Ричем побывали, такого чувства не возникало. Быть может, причина как раз таки в поразительной схожести здешних пейзажей с родными краями.

Чтобы развеять гнетущее чувство, он развернулся на восток, где за кронами деревьев скользила выжженная полоса иного мира. Ветер поднимал и закручивал прах былого в пыльные смерчи, что напоминали колонны, поддерживающие небесный свод. Стоило только Калебу привыкнуть к контрасту двух реальностей, как на границу леса и полей вырвался поезд. Пыхтящий локомотив шумно мчался параллельно колонне, выбрасывая плотный столб дыма и пара, и больше напоминал стального монстра, нежели творение рук человеческих. И в то же время, паровоз казался одновременно родным и чужеродным элементом. Он будто сбежал из какого — то вестерна, а может, и из исторического детектива, но все равно смотрелся несколько нелепо на фоне кареты с лошадьми, словно бездарный режиссер смешал эпохи и жанры в одном фильме.

После этого Калёб без ложной скромности мог заявить, что видел всё. Он проводил взглядом состав, на который никто из свиты даже внимания не обратил, и растянулся на жестких досках телеги, подложив руку под голову. Поза, конечно, до крайности неудобная, вдобавок еще и цепь доставляла массу неудобств, но уж лучше так, чем обниматься с прутьями клетки. Его взгляд устремился в небеса, зашторенные узором зеленых крон. Ему чудилось, будто его подобрал сельский старичок и разрешил поваляться в кузове старенького пикапа. Под такие мысли ехалось куда приятнее, и думы о скорой и мучительной смерти не посещали его голову, и в итоге ему даже посчастливилось задремать.

Сколько прошло времени он не знал, но когда под колесо попал крупный булыжник, и телега резко подпрыгнула, знатно встряхнув свой живой груз, леса уже и в помине не было. Калеба едва не опрокинуло на бок, но он вовремя подставил руку, избежав позорной встречи с щетинистыми досками, прикрытыми редкой соломой. Дремоту как рукой сняло, и, потеряв глаза, мужчина огляделся. Вокруг простирались поля и пастбища, а впереди уже начиналась городская окраина. Обоз выехал на мощеную улицу, окруженную опустевшими домами, и на мгновение Калебу показалось, что они вернулись в тот безымянный город, с которого и начались все его невзгоды. Но очень скоро взору предстала совершенно иная картина.

Они проехали по небольшому мосту через бурную реку, возможно, ту самую, чьи воды так страстно возжелали вторгшегося в нее десантника. Теперь же пенящийся поток был скован каменными глыбами, образующими подобие набережной, служившей одновременно и основанием самой настоящей крепостной стены, высотой метров в двадцать. На вид она смотрелась вполне старой, будто стояла здесь с незапамятных времен и воздвиглась еще древними королями. Процессия пересекла мост и неспешно въехала в распахнутые ворота, которые, судя по размерам, были вполне способны пропускать танки да и практически любые грузовики. Странная особенность для защитного сооружения. Может, именно поэтому подвесного моста здесь не имелось, подметил Калёб и отполз подальше от двери.

На улицах оказалось существенно больше народу, чем в первом городке. Но, как и там, честной народ представлял собой весьма пеструю толпу, эдакую смесь бедности и роскоши, но никто, похоже, не обращал особого внимания на клетку, что везли по главной улице. Калебу от этого стало чуточку легче, по крайней мере никто не будет кидать в него камни да тыкать пальцем, обвиняя во всех смертных грехах. Все оказалось чинно и благородно, хотя, может, все дело в карете кардинала, которая словно ледокол разрешила плотное уличное движение, заставляя горожан расступаться.

Дома, как и положено, плотно примыкали друг к другу, но были куда выше и богаче украшены. Практически все они выглядели одинаковыми, если не считать вывесок и лавок, занимавших первые этажи. Сами же улицы оказались достаточно широкими, а порой и вовсе

походили на проспекты. Миновав один такой транспортный узел, колонна выринула на прямую улицу, утыкающуюся в роскошное здание дворца с длинными колоннадами, лестницами и башенками. Но прежде, чем попасть в обитель роскоши, пришлось пересечь большую площадь, где с одной стороны расположились цирковые шатры, окруженные телегами, а с другой во всю кипела работа по наваливанию дров для будущего костра.

«Ну прекрасно, буду гореть, глядя на клоунов», — поморщился Калев и едва не приложился затылком о прутья, когда телега резко остановилась. Они наконец достигли своей цели. Солдаты с облегчением спешили, разминали уставшие мышцы да радостно болтали, пока к пленнику подбирался крепкий гвардеец с явно нехорошими намерениями и заветным ключом в руках. Дверь распахнулась, и Калев на миг задумался: а стоит ли подчиняться? Может, попытаться всеми силами оказать сопротивление, напасть на охрану, вырвать оружие и начать бой? Итогом, конечно, станет унизительное поражение и, вероятно, сломанный нос. А следом в голове родился яркий образ совершенно другой крайности: как его, забившегося в угол клетки, хватают за ноги и волокут наружу. Позорная ситуация для настоящего солдата. Нет, если потребуется, то он пойдет на смерть с гордо поднятой головой и расправленными плечами и уж точно без кандалов, отекающей морды и уязвленной гордости.

— А цепочку снимите? — Калев нагло протянул руки и потряс браслетами перед носом конвоира.

— Вылезай, пока мы тебя оттуда не выволокли и на привязь не посадили! — гаркнул охранник и подозвал городских стражников, экипировка которых была куда серьезней.

— Да я же не сопротивляюсь, вот, видите, — он примирительно улыбнулся и быстренько спрыгнул на брусчатку, — стою, ногами землю попираю.

— На костре будешь шутки шутить, — окрысился конвоир и, захлопнув дверцу клетки, толкнул узника в руки дворцовых гвардейцев. Те подхватили дар и зажали между собой. — Господа, передаю эту находку Кардинала в ваши надежные руки.

— Я вам что, вещь?! — запротестовал пленник, но без энтузиазма, больше для виду. — Для военнопленных есть особые протоколы, конвенции и ...

— Угомонись, еретик, — спокойным тоном вмешался Артур. На его губах играла легкая, довольная ухмылка, и где — то за величавой спиной слышался радостный смех Кардинала. — Иначе придется применить протокол усмирения, а он одинаков и для одержимых демоном и для городских воров.

Калев усвоил мысль и, звякнув цепью, примирительно поднял ладони. Он помнил слова Ричарда, помнил и собирался следовать им, полностью доверившись другу. И если тот велит затихнуть и не выделяться, то так и будет сделано. Возможно, именно таков и был план: раствориться в толпе и незаметно скрыться. Может, все это время личина Артура служила лишь маской, из — за которой Рич наблюдал и плел свою паутину.

Гвардейцы же все прибывали. Они образовали плотный строй, обступивший Калеба, сделав любую попытку сбежать абсолютно бесполезной. Прозвучал горн, и солдаты с небывалой синхронностью начали движение, и пленнику пришлось срочно подстраиваться под четкий ритм, шагая в ногу с конвоирами. Их не остановила даже лестница перед дворцом, заставив Калеба чуть ли не перепрыгивать через ступеньки. В какой — то момент ему и вовсе захотелось послать все к черту и просто повиснуть на руках стражников, и пусть сами его несут к королю.

Тем не менее он выдержал эту пытку и переступил порог на своих двоих. В глаза тут же

бросилось аляпистое убранство интерьера, буквально изнывающего от обилия хрусталя, золота и тканей. Каждый коридор, через который они шли, выглядел как музейная комната, в которую напихали всего и побольше: от резной мебели до фарфоровых статуэток и массивных картин. Трудно было вообще поверить, что в таком окружении можно жить, да и непонятно, как здесь слуги передвигались, поскольку что — то уронить было легче легкого. И, несмотря на обивку и драпировку, мраморный пол работал как огромный резонатор, разнося гул от десятка ног, чеканящих единый ритм.

Они поднялись на второй этаж, где предусмотрительно был уложен ковер. Путь пролегал вдоль широких окон, в которых превосходно просматривались площадь и тот костер, что сооружался по случаю грядущего праздника. Еще нигде Калеба не приветствовали так ярко, с таким огоньком. Глядя на эту кучу дров и хвороста, совершенно не верилось, что где — то далеко шла кровопролитная война, что тысячи солдат сражаются на различных планетах среди бесчисленных звезд. А главное событие для этих людей — казнь и последующая за ней попойка. Неужели вся поверхность была выжжена только ради того, чтобы горстка уцелевших предавалась беспечным утехам?

Наконец процессия остановилась, и пленнику пришлось привстать на цыпочках, чтобы рассмотреть, что находится вокруг. А впереди путь преграждали массивные узорчатые двери, которые охраняли двое стражников в масках. Прямо перед ними с ноги на ногу переминался Кардинал, сверкая своим ярким облачением и будто бы репетируя реверансы и поклоны. За ним, замерев и, кажется, даже не дыша, стояли солдаты, среди которых Калев выглядел усталым и измотанным путником, по ошибке оказавшимся здесь и желавшим, чтобы весь этот цирк поскорее закончился.

— Тебе лучше бы молчать, — безучастно посоветовал Артур, стоявший где — то за спиной.

Калев пропустил его слова мимо ушей. Его накрыло острое чувство страха и полной безнадежности, а такого с ним не случалось даже в самых опасных ситуациях на чуждых человеку планетах. И вот, стоя в окружении своих палачей и глядя на запертые двери, за которыми ему вынесут обвинительный приговор, у него от страха перехватывало дыхание. До этого момента в нем еще жила надежда, что придуманный план возможно осуществить. Он даже верил, что если отключить генератор, то все вернется на свои места, станет вновь правильным. Или просто убеждал себя в этом, как ребенок, знающий, что в конце фильма с героям обязательно все будет хорошо.

— Я не хочу умирать... — прошептал он, делая частые короткие вдохи в тревожном ожидании. Что — то внутри не позволяло ему просто взять и смириться, отказаться от своей пусть и не идеальной и рискованной жизни в пользу блаженного покоя. И пока тянулись мгновения, пока люди вокруг напряженно ждали и не обращали на него внимания, сердце Калеба билось как сумасшедшее, словно пытаясь замедлить время, оттянуть неизбежное, наверстать и пережить то, чего уже никогда не случится. — Не хочу...

В гнетущей тишине на его плечо легла ладонь, словно бы ответ на пустые терзания. Теплое и понимающее прикосновение, источником которого мог быть лишь Ричард, и никто иной. Калебу хотелось повернуться, хотелось положить свою руку поверх его и посмотреть в глаза друга, в которых всегда находил поддержку. И пусть он уже распрощался с жизнью, сгорел на костре множество раз, но один короткий взгляд мог вновь вдохнуть жизнь в его остывающее сердце. Мышцы предплечья напряглись, дрожащие пальцы потянулись к заветной цели, и в тот же миг зазвенела цепь, будто уже знакомый колокол, но в тысячу раз

громче. А затем раздался тяжелый скрип, и двери распахнулись.

Глава 5. Хворост для костра

Кардинал негромко прокашлялся и сделал первый шаг, переступая порог того, что являлось тронным залом. Как только алая мантия начала движение, за ней тут же последовала и свита, словно песчинки в часах, начав свой ход к предрешенному концу. Гвардейцы молча исчезали в полумраке большого помещения, и когда подошла очередь Калеба сделать шаг и отправится навстречу судьбе, то он замешкался. Мышцы окаменели, сковав тело поистине стальными нитями, и лишь сильный тычок в спину заставил пленника сдвинуться с места.

Он подчинился, нехотя передвигая ватными ногами, подавляя желание, послав все к черту, рухнуть на колени, и пусть с ним делают все, что пожелают. Может, в конечном счете его бы затоптали тяжелые ботинки гвардейцев, принесся наконец избавление и решение всех проблем. Только едва ли свита допустит столь легкую смерть. Ему уготовано исключительно очищение священным огнем, или как там еще это называется? Калебу даже подумалось, а не устроить ли бунт и героически пасть от меча в бою? Достойная смерть для воина, к тому же, вполне возможно, последний вздох он издаст на руках Ричарда. Однако, по отношению к товарищу, это был бы чистый эгоизм: оставить его тут в одиночестве, под гнетом Артура. Нет, он остается до конца, и каким бы не был финал этой истории, ему хотелось дожить до него бок о бок с другом.

Его практически внесли в зал, на миг застряв в проеме и едва не сбив с ног одного из стражников, что охраняли «врата» в обитель владыки здешнего безумия. Калев даже успел заметить, что стражи одного с ним роста и комплекции, и подвернись ему шанс сбежать — их облачение пришлось бы ему в самый раз. Но о подобном и мечтать не стоило, во всяком случае пока ему не вынесли приговор и не заперли в тихом, укромном месте, где и следовало обдумывать план побега. А пока же конвоиры аккуратно довели преступника до центра зала и, поставив на некий рисунок, высеченный в полу, быстро отступили.

— Ваше Высокопревосходительство, — начал кардинал, чуть поклонившись и сделав шаг вперед. — Я к вам с поистине хорошими новостями.

Почтенные господа со скучающим видом посматривали на гостей, больше акцентируя внимание на пленнике, нежели на тех, кто его доставил. Сам же Калев старался не показывать виду, что ему интересно происходящее. Он исподлобья посматривал на владык этого мира, быстро переводя взгляд от одной персоны к другой. Конечно же, центр композиции занимал король, восседающий, если не сказать возлежащий, на троне: довольно молодой мужчина с ухоженной бородкой и длинными волосами, одет весьма скромно, да и короны на голове не носил. В противовес ему, по правую руку, стоял высокий, статный человек в достаточно строгой мантии, которая просто кишела узорами всех цветов радуги, и вдобавок его лицо скрывала белая маска, возможно служившая неким символом отрешенности и скромности, а может просто была способом выделиться среди прочей знати. Остальные присутствующие походили на безликие тени: они рассредоточились по углам зала, где приглушенное освещение и полузадернутые шторы укрывали их от дотошных взглядов. И тем не менее эти господа постоянно перешептывались, что не могло не раздражать.

— Вам, конечно же, известно, — продолжил кардинал, — что в мои обязанности входит присмотр за провинциальными поселениями и надзор за порядком в тех краях. Как вы

знаете, неделю назад я отправился с очередной проверкой, и даже не надеялся обнаружить хоть что — то достойное моего внимания. Тамошние служители как церкви, так и правопорядка, — он сделал реверанс внимательно слушающему его Артуру, — вполне достойно выполняют свои обязанности, и в целом никаких происшествий на вверенных мне землях не случается. Однако случившееся в этот раз удивило даже меня. За день до моего отъезда, в руки вашего верного гвардейца попался, если не сказать самостоятельно бросился, еретик, которого мы разыскивали многие годы. Ну разве это не промысел Господа привел его к нам?!

— Нам известно, чем вы занимаетесь, Кардинал. Не стоит лишний раз об этом напоминать, — укорил алого толстяка человек в маске. — Вы отнимаете драгоценное время.

— Конечно, Советник, — встрепенулся тот, пропустив упрек в свой адрес мимо ушей.

— Так это и есть тот самый еретик, о котором столько говорят? — Его Высочество приподнял бровь и внимательно осмотрел пленника. — Я ожидал большего.

— Действительно, много шумихи из — за столь никчемного существа, — советник, что до того топтался позади трона, вышел вперед и медленным шагом направился к Калебу. — Обычный человек. Не вижу в нем ничего необычного, разве что он может продемонстрировать почтенным господам свои таланты? М?

Калев молчал, как и советовал Ричард. Он вообще старался стоять неподвижно, уставившись в пол, и лишь изредка поднимал глаза на основных действующих лиц. Что они вообще хотели от него получить? Чтобы он высек огонь из пальцев, подлетел под потолок, сквозь землю провалился? Ничего из этого ему было не под силу, во всяком случае, без дополнительных приспособлений. И тут его осенило. В памяти всплыли старые как мир слова: «Продвинутые технологии могут быть неотличимы от магии». В нем внезапно возродилась надежда, и созрел возможный план побега.

— Нет? Ну что же, очень жаль... — закончил свою речь человек в маске и, уже собравшись возвращаться на свое скромное место, помедлил, услышав за спиной хриплый голос пленника.

— Я могу... могу показать магию, — осторожно начал Калев, не поднимая головы и тщательно подбирая слова. — Я докажу, что не еретик, и мои способности дарованы светом.

— Надо же, он и разговаривать умеет! — по — детски изумился король и даже поерзал на троне от любопытства.

— Не слушайте его, повелитель, в нем говорят бесы, — вмешался кардинал, на лице которого проступил не то гнев, не то страх. — Ему только даль волю, и он всех нас погубит!

— У меня были магические предметы, которые отобрали солдаты, если мне их вернут... — Калев надеялся, что шокер и компас еще целы, и ему их даже могут принести и вложить прямо в руки. Глупо с его стороны, но во что только не поверишь, стоя одной ногой в могиле. — Я продемонстрирую свои способности.

— При нем действительно что — то было? — насторожился советник.

— Да, мы отобрали неизвестные предметы, — Артур вышел вперед и встал рядом с Калевом, которому сразу бросилось в глаза, насколько тот похож ростом и телосложением на человека в маске. — Я посчитал их опасными и велел уничтожить.

— Че — е—ерт, — шепотом выдохнул Калев, чувствуя, как его великолепный план громогласно рухнул и рассыпался.

— Хм, жаль, — ответ, кажется, вполне удовлетворил Советника, и тот вознамерился продолжить свое представление, но снова не успел.

— Но мы сильно спешили доставить еретика к вам, и мои люди не успели этого сделать, — виновато добавил Артур.

Калеб едва не заржал в голос, сдержавшись лишь в последний момент. Разве такое вообще может быть, чтобы удача внезапно оказалась на его стороне? Все последние дни эта изменчивая натура щеголяла перед ним голым задом, а сейчас, видите ли, взяла и развернулась. Этот момент он точно запомнит и будет вспоминать либо в старости с иронией, либо на костре с сожалением.

— Ну тогда, несите их сюда, — нетерпеливо приказал король, опередив советника, который наверняка бы попытался не допустить подобного. — Я сгораю от любопытства! Ну а вы, — он посмотрел на кардинала, — наверняка сможете противостоять какому — то там полудикому еретику.

— Ваше...

— Я не могу казнить человека лишь на основании чьих — то слов, — прервал король кардинала, — Нет, вы — то можете, не спорю, но мне нужны веские доказательства. Поэтому прошу, продемонстрируйте их нам.

— Как вам будет угодно, — сдался толстяк и кивнул Артуру. Гвардеец передал приказ одному из солдат, и тот спешно удалился.

Оставалось только ждать. Напрягшись, Калеб принялся судорожно обдумывать, что же делать дальше, что предпринять, когда к нему поднесут заветные предметы. Выхватить шокер, перевести в боевой режим и перестрелять охрану? Или ограничиться оглушением? А дальше что? Навести прицел на Артура? Хватит ли ему храбрости и решительности нажать на курок? Допустим, хватило, и ноги его уже уносят прочь, но куда бежать, где найти укрытие и хорошенько обдумать дальнейший план?

— Сэр Артур, вы можете подтвердить слова нашего достопочтенного кардинала? — советник внезапно оказался совсем рядом с Калемом, застав того врасплох. Он с нескрываемым любопытством топтался у начерченных на полу линий, словно борясь с собой. Может, ему и вовсе не верилось в магию и хотелось подойти еще ближе, но, вероятно, разумная предосторожность не позволяла сделать это прилюдно. — Ведь, в отличие от служителя церкви, вы человек рациональный.

— Да, конечно, — кивнул гвардеец и подошел ближе к пленнику. — Это... заключенный, — кажется, он специально не стал использовать слово «еретик», дабы еще больше показать, насколько отличается от церковников даже в терминологии. — Проник к нам в расположение, обойдя все дозоры и патрули, и сделал это в весьма странной и заметной одежде. Его Преосвященство уверил меня, что такое возможно, если использовать наваждение. И тем не менее, вполне возможно, что тут обошлось без магии, и этот заключенный просто очень скрытный человек, возможно даже шпион.

По залу прокатился шепот, а кардинал, встrepенувшись, ошеломленно посмотрел на гвардейца, словно тот только что одним словом украл у него добычу. Даже Калеб был удивлен, с какой легкостью его «статья» была переквалифицирована с колдовства на шпионаж, а ведь это значило и совершенно другие меры воздействия. Костер, конечно, это нисколько не отменяло, но тех, кто был заслан на поиски чужих секретов и для учинения диверсий, обычно очень долго и дотошно допрашивали с применением самых современных средств пыток. Его план побега только что дал сильную трещину, и нужно было срочно что — то придумать, чтобы вновь стать демоном, а не Джеймсом Бондом.

— Других прегрешений за этим человеком я не замечал, но у церкви куда более полные

сведения о делах заключенного до того, как он попал в наши руки. — Артур передал право хода кардиналу, предоставив тому выкручиваться. На скромный взгляд Калеба, друг поступил весьма виртуозно: продемонстрировал, что «не зря деньги получает», и при этом умудрился не нажать себе врага в красной рясе — и в этом точно узнавался Ричард.

— Несомненно это так! — кардинал напустил на себя важности и, задрвав подбородок, продолжил: — Церкви доподлинно известно о преступлениях еретика в приграничных поселениях, и об этом я предоставляю самые подробные донесения. Что же касается так называемого шпионажа, то для этой версии нет никаких оснований. Мы знаем, что одержимый воспользовался внушением, чтобы проникнуть в город, и собирался, видимо, прокрасться ко мне в кабинет, или же к сэру Артуру, с целью вероятного убийства. Хвала Господу, у него этого не получилось, и мы его схватили. К тому же я лично был свидетелем, как еретик пытался одурманить охрану темницы и сбежать.

— Да я просто чудовище, — буркнул себе под нос Калев, впечатленный своими заслугами. Может, ему даже и орден дадут за такие — то свершения.

— Он что — то сказал? — оживился Король и мгновенно потерял интерес к кардиналу.

— Возможно, наш гость хочет что — то нам поведать в свое оправдание, — предположил советник, стоявший ближе всего к заключенному.

— Не слушайте его! Это все колдовские штучки! — не сдавался кардинал и всем своим видом демонстрировал готовность подойти и самолично заткнуть рот нерадивому еретика подолом собственной мантии.

— И все же? — Его Величество махнул рукой в дозволительном жесте, и Калев внезапно понял, что ему придется что — то сказать и несомненно огрести от одной из сторон.

— Я ничего плохого не хотел... — только и смог изречь пленник, обиженный и оскорбленный тем, что его оклеветали несуществующей магией и в тоже время унизили неспособностью проникнуть в лагерь врага без потусторонних фокусов.

— И тем не менее нам стоит его допросить, с пристрастием и скрупулезностью, а наши алхимики с превеликим удовольствием разберут его на составляющие элементы и изучат во благо науки, — кивнул Советник и опасно отошел в сторону. — Но смею отметить, даже несмотря на все это, я не знаю, что должно быть дальше.

После этих слов повисла странная тишина. Абсолютно все находившиеся здесь люди молчали, переглядывались друг с другом, будто искали ответы на неизвестные вопросы, а кто — то просто уткнулся взглядом в пол. И лишь Калев недоуменно вертел головой, стараясь понять, что же на этот раз приключилось с миром. Похоже, именно еретик оставался единственным адекватным человеком даже здесь: в целом городе, с сотнями людей вокруг творилась та же самая чертовщина, которую ему довелось видеть еще в дороге. Более того, сама ситуация создавала мерзкое ощущение, будто его угораздило оказаться в эпицентре какого — то важного события, но ни сути, ни самих разговоров он совсем не понимал.

— Этого никто из нас не знает, — внезапно произнес король, нарушив, кажется, уже поселившуюся в зале тишину. — История еще не написана, — таинственно констатировал он. — Скоро все разрешится, нужно лишь немного подождать.

Все уставились на дверь, будто ожидая появления Спасителя. Но вместо этого в зал внесли коробку. Калев замер, боясь сделать лишнее движение, дабы ненароком не спугнуть и без того трепетную удачу. Заветную шкатулку маняще пронесли мимо и вручили

советнику, который с нескрываемым скепсисом посмотрел внутрь и чуть ли не брезгливо порылся в содержимом. Его пальцы вначале ухватились за упаковку стимуляторов; он приподнял ампулы, понюхал, поднес к свету, потряс и вернул на место, так и не распознав их предназначение. Следом проверке подвергся компас, и тут его внезапно применили верно, нацепив на руку и потыкав в безжизненный экран.

— Советник, вы как ребенок, право слово, — рассмеялся король, с умилением наблюдая за придворным со своего безопасного трона. — Давайте побыстрее с этим закончим. Отдайте пожитки нашему «гостю», пусть покажет свои фокусы, а то наш уважаемый кардинал уже начинает терять терпение.

— Конечно, Ваша Светлость, — человек в маске кивнул, рывком снял браслет и, сделав шаг к еретику, протянул коробку. — Ты себя, кажется, Калобом звал, — полушепотом начал он, — Сделаешь нам весело, и, может, все обойдется каторгой или еще чем получше, а начнешь кунштюки вытворять — угодишь в казематы инквизиции, — предупредил Советник, но из — за маски невозможно было определить шутит тот, издевается или же действительно советует. — Ну а если вообще ничего не сделаешь, то сэр Артур с радостью проверит на тебе новые приспособления для очищения совести. Кому еще в наше время предоставляется столько вариантов?!

«Только финал везде один», — подумал Калоб и робко потянулся к желанному шокеру, пытаясь ничем не выдать своих намерений. Его пальцы дотронулись до холодного металла, и на душе сразу стало легче, а сердце наполнилось уверенностью в завтрашнем дне. Он медленно достал оружие и повертел в руках, проверяя на предмет повреждений, а затем поудобней схватился и снял с предохранителя, насладившись мелодичным щелчком. Практически никто в его рабочем окружении не воспринимал шокер как оружие. Возможно, все дело было в его внешнем виде: два полуцилиндра, соединенных вместе сложной рукояткой, на которой располагался курок, вряд ли могли произвести на кого — то сильное впечатление. Но несмотря на столь безобидное, с виду, строение, шокер оставался весьма опасной штуковиной: верхняя часть заполнялась энергоячейками и буквально испускала молнии на расстояние до пяти метров, способные как оглушить человека, так и поджарить любую электронику; нижняя же вмещала несколько десятков стальных дротиков, которые запросто пробивали стену или броню толщиной в пару сантиметров. Разгонялись эти «наконечники» магнитной катушкой, и били на добрую сотню метров. Поистине универсальное приспособление, совершенно недооцененное его боевым братом.

Пару секунд пленник простоял в неуверенности, ожидая, что сейчас на него набросятся и отберут игрушку, но, кажется, эти люди действительно ждали от него фокусов. И Калоб не стал томить. Легким, отработанным до автоматизма движением разведчик перевел шокер в боевой режим и, крутанувшись на пятках, пальнул под потолок, в самую заметную мишень в зале — огромную позолоченную люстру. Та с лязгом и грохотом рухнула на пол, заставив кардинала с небывалой грацией отпрыгнуть в сторону. Придворные напряглись и замерли, но с места не сдвинулись. И Калобу пришлось намекнуть куда более доходчиво: решив не мелочиться, он повернулся к королю и выстрелил чуть выше его головы, засыпав монарха ошметками стены. Только после этого раздались желанные вопли, и люди, опомнившись, начали разбегаться. «Проснулась» охрана и, обнажив мечи, ринулась на него, но Калоб быстро нейтрализовал угрозу, переключив оружие обратно на оглушение.

Разведчик уже приготовился ликовать от сравнительно легкой победы, как к его горлу легло обжигающе холодное лезвие клинка. Калоб рефлекторно дернул руками, попытавшись

их развести и поднять вверх, но цепь лишь громко звякнула, и браслеты болезненно впились в запястья. Он медленно повернулся, прекрасно ощущая, насколько хорошо заточен меч, и что одно резкое движение непременно станет завершением не только его карьеры, но и жизни в целом. В самом страшном сне ему не могло привидеться, что причиной всего этого станет не шальная пуля, не нож бандита в подворотне или артиллеристский обстрел во время зачистки местности, а рука собственного друга, который всегда без колебаний прикрывал ему спину.

Артур стоял всего в паре шагов от него, держа в вытянутой руке свое оружие и готовый в любой момент рассечь горло еретика. Кaleb непростительно ошибся, приняв гвардейца за Ричарда и отказавшись признавать в нем угрозу. И в итоге тот, кому он привык доверять, оказался врагом, самым настоящим троянским конем. Но почему же тогда правосудие еще не восторжествовало? Может, за маской верного солдата Его Величества все еще находился верный друг, готовый жизнь положить, но прийти на выручку? Возможно, именно это и останавливало от последнего удара? Но Кaleb, кажется, сумел адаптироваться, приспособиться к одиночеству и работе без напарника — Ричард наверняка бы им гордился. С этой мыслью и натянутой улыбкой он нажал на курок. Синяя молния вырвалась из шокера, мгновенно окружив гвардейца ворохом сверкающих искр и отбросив на несколько метров.

Сердце на мгновение сжалось, но сознание настойчиво твердило, что все нормально: он не убил друга, а лишь оглушил. Помогало это весьма скверно, однако у Калеба получилось убедить себя действовать, а не погружаться в раздумья и переживания. Все эти прелести человеческого разума нагонят его потом, в безопасном месте, в полном одиночестве, когда истерика овладеет им в полной мере, заставив рыдать и рвать на себе волосы за то, что просто осмелился поднять руку на Ричарда. Самый главный и нерушимый закон был погран ради собственного выживания, и на душе черной тучей зарождался вопрос: а смог бы он его убить?

Одна эта мысль привела его в бешенство. Во что же он превратился? В чудовище? Машину? Не в силах больше тонуть в угрызениях совести, Кaleb ринулся к выходу, желая не просто отвлечься, а поскорее разобраться с чертовщиной, в которую угодил. В глубине души он отчаянно надеялся, что волшебный щелчок пальцами вернет все на свои места. Быть может, уже завтра ему посчастливится проснуться у себя дома без малейших воспоминаний о том, что натворил. Но пока что бой еще не закончился, и, толкнув дверь, разведчик вывалился в коридор, едва успев увернуться от просвистевшего над головой меча.

Совершенно позабыв про двоих солдат у входа, Кaleb в назидание получил удар в живот и, согнувшись от боли, выронил шокер. Следующая подобная оплошность могла стать роковой, и пока один из противников отвлекся на созерцание того «беспорядка», что он оставил в зале, еретик накинулся на второго. Выбив из рук бойца меч, пленник навалился на врага, впечатав того в перегородку, а затем, когда жертва попыталась вырваться и броситься за своим оружием, развернулся, накинул тому на горло цепь и начал душить. Разведчик боролся не только за свою жизнь, и эта мысль придавала ему дополнительных сил.

Уперевшись коленом в спину своей добычи, он до боли в запястьях натянул стальную «удавку». Краем глаза разведчик видел силуэт второго солдата, который словно застыл в дверях. Не будь они в доэлектрическую эпоху, Кaleb предположил бы, что тот связывается по радиации с командиром или вызывает подкрепление. Пожалуй, отсутствие подобных технологий сейчас являлось неоспоримым плюсом.

На целый миг беглецу показалось, что победа уже у него в руках, но неприятель

оказался не промах и, схватившись за цепь, начал активно вырываться. Наконец, оттолкнувшись ногой от стены, гвардеец попятился, врезавшись в противоположную и неслабо приложив Калеба о жесткий камень. Это его слегка оглушило, и гвардеец, воспользовавшись моментом, с легкостью схватился за «удавку», оттянул ее и высвободился из стальных «объятий».

Не успев опомниться, еретик снова схлопотал по почкам и рухнул вниз, но в этот раз не позволил застать себя врасплох и, перекатившись, быстро поднялся на ноги, готовый к новому раунду. Гвардеец не заставил себя ждать, молниеносно сделав выпад, целясь мечом в плечо противника, но острие прошло вскользь: кевларовая ткань не позволила лезвию вонзиться в плоть, в очередной раз отсрочив неприятный конец. Калев ответил ударом цепи по клинку, и тот вновь оказался на полу, слегка уравнивая шансы в заведомо нечестном бою. На передышку рассчитывать не приходилось: второй солдат незамедлительно пошел в наступление, компенсируя временное замешательство собрата. Отбиваться оказалось вдвойне сложнее, и причиной тому служили не столько наручники, сколько удивительная техника боя. Стражники словно предвидели его действия, вовремя ставили блоки, парировали, казалось бы, внезапные атаки, и в какой — то момент возникло ощущение, будто он дерется сам с собой. Более того, бойцы действовали необычайно слаженно, как если бы были созданы для битвы в паре. Сейчас Калебу как никогда не хватало Ричарда — уж вместе они бы нашли, что ответить.

Разведчик увернулся от очередного выпада и тут же бросился на неприятеля, пресекая повторную атаку и пытаясь уравнивать шансы. Наручники сильно ограничивали возможные приемы — приходилось импровизировать, приспособив то цепь, то браслеты в качестве подручных средств обороны. В какой — то момент он сообразил, что гвардейцы, облаченные в увесистые доспехи, сильно уступают ему в подвижности и скорости, но превосходят броней и навыками ближнего боя. Тогда Калев решил, что его единственный шанс на победу — это перейти в активное наступление и вымотать своих противников. Он сделал ложный выпад и, резко развернувшись, ударил ногой в грудь ближайшему солдату. Тот, по — видимому ожидая от своей жертвы совершенно иных действий, пропустил опасный маневр и послушно отлетел к стене. Маска слетела с его лица и упала на пол, разлетевшись на множество осколков.

Уже замахнувшись, чтобы вырубить оппонента, пленник вдруг замер, остановив свой кулак в паре сантиметров от вражеской головы. Калев не мог поверить собственным глазам: затаив дыхание, он смотрел на изможденное лицо, в точности, как у него самого. Перед ним словно повесили зеркало, отражение в котором упорно не желало повторять движение хозяина и будто бы хотело жить собственной жизнью. Вот только второй «он» был существом из плоти и крови, что не менее внимательно рассматривало его самого. На ум внезапно пришла неприятная догадка: капсулы! На борту не хватало четырех десантных капсул. Ему тогда еще подумалось, что ими воспользовались товарищи для высадки на Тау — Риге. Достаточно несостоятельная версия, но почему — то она его успокоила, отвела все подозрения и раздумья в этом направлении.

Теперь же мысли сами собой нахлынули на него, как волна после землетрясения, смывая все на своем пути. Конечно, перед ним оказался клон, других вариантов просто быть не могло. Но тут же возникли новые вопросы: кто, а самое главное — зачем? Могло ли это произойти во время полета? Сколько нужно времени, чтобы вырастить полноценного клона, и не просто вырастить, а обучить всему тому, что сам Калев умел и использовал на уровне

инстинктов?

Кажется, аналогичными думами озадачился и его двойник, чьи глаза потухли, будто разум блуждал по глубинным тропам рассудка. Но рефлексы другого «Калеба» оказались все так же молниеносны. Тот резко оттолкнул своего прототипа, тем самым сохранив ему жизнь, поскольку в ту же секунду между ними пронесся клинок второго гвардейца. Сам же Калев и вовсе позабыл о другом солдате, кажется решив, что две одинаковые морды заставят задуматься и его тоже. Но нет, противник в маске и не думал сдаваться. Да, он дал им немного времени поразглядывать друг друга и, видимо поняв, что бывший коллега перешел на сторону врага, решил закончить дело в одиночку.

Настоящему Калебу теперь стало чуть легче, ведь, кажется, сражаться придется лишь с одним противником, и если до того у него появлялась мысль, что и под этой маской скрывается до боли знакомое лицо, то теперь он был абсолютно уверен в ошибочности своих суждений. Отступив обратно к дверям, Калев попытался отыскать освободившийся меч, но тот лежал слишком далеко и, увы, прямо за нападавшим, как, впрочем, и шокер. В его же распоряжении не было ничего, лишь голые кулаки да звонкая цепь, в противовес остро наточенному клинку. И даже с этим скромным арсеналом он совершенно не собирался сдаваться, уж живым — то точно.

Противник наступал, выставив меч вперед: медленно надвигался неспешной, самоуверенной походкой, намекая жертве, что уже все предрешено и деваться некуда. Калев обладал иным мнением на этот счет, и, переступив порог тронного зала, покосился на солдат, все так же лежавших без сознания. Их оружие станет отличным подспорьем в предстоящей схватке, да и места здесь побольше — будет, где развернуться. Оставалось лишь улучшить момент и броситься к заветному арсеналу или же к так манящему мечу Ричарда. Однако планам этим не суждено было сбыться. Едва разведчик приготовился к рывку, как гвардеец ринулся на него, целясь прямым в грудь, что являлось несомненно ложным маневром, которым и сам Калев воспользовался бы в данной ситуации.

Все закончилось в одно мгновение. Яркая вспышка, и тело неприятеля задергалось в конвульсиях и рухнуло на пол. Маска слетела, явив, казалось бы, отброшенное предположение: тот, кто только что пытался его убить, оказался еще одним клоном. Калев оскалился, желая найти и порвать на мелкие кусочки голыми руками того, кто сотворил это не только с ним, но и с его многочисленными версиями, превратив в рабов без прошлого и свободы. Он оторвал взгляд от тела и посмотрел на спасителя: тот стоял в нескольких метрах дальше по коридору, держа в руках шокер, и, плотно сжав губы, смотрел вперед. По активно перекачивающимся желвакам на его лице отчетливо угадывалась внутренняя борьба. С кем бы или чем бы тот не сражался, но битва была ожесточенной и кровавой.

— Беги! — прошипел клон и перевел оружие в боевой режим. — В подвале есть выход... — каждое слово давалось ему с трудом. — Все не то, чем кажется...

И прежде чем Калев успел что — либо спросить, двойник поднес шокер к подбородку и нажал на спуск.

Гул от выстрела разнесся по коридору, заставив задрожать стекла в многочисленных окнах. Калев поборол желание закричать и схватиться за голову, проклиная того безумца, что придумал все это, каким бы всемогущим тот себя ни считал. Его губы сжались в гримасе боли и отвращения, но чувства сейчас были неуместны, лишь трезвость ума поможет ему выбраться. «Есть выход», — напомнил себе разведчик слова двойника и, мотнув головой, чтобы прогнать навязчивые мысли, быстро подошел к телу. Стараясь не смотреть на

собственный труп, он подобрал шокер, переключил обратно на оглушение и спешно направился прочь, припоминая маршрут, по которому его сюда тащили. Где — то среди многочисленных поворотов притаилась дверь в подвал, а за ней, возможно, не только спасение, но и ответы на многочисленные вопросы.

Он перешел на бег, и, кажется, один раз свернул не туда, упершись в тупик, — пришлось возвращаться. В какой — то момент ему стало казаться, что выхода из этого лабиринта и вовсе не существует, но внезапно пришла вполне здравая мысль: посмотреть себе под ноги. Его ботинки, все то время, что рядом находился Артур со свитой, топтали красный ковер, а значит, именно этот элемент интерьера должен помочь ему найти дорогу к выходу — своего рода местный аналог дороги из желтого кирпича. И хотелось бы, чтобы она все же привела к местному Волшебнику.

Искомое было достаточно быстро обнаружено, и, вступив на «тропу», он направился прочь от зала, в котором устроил настоящую бойню. Но едва успел сделать пару шагов, как до него донесся гул от солдатских ботинок. Кaleb снова перешел на бег, искренне надеясь, что за следующим поворотом непременно обнаружится лестница. Однако ему не везло: свернув раз, затем другой, на третий он внезапно налетел на женщину, едва не сбив бедняжку с ног.

Дама вздрогнула и отшатнулась, но сразу же вернула себе самообладание и пристально посмотрела на налетчика внимательными, изучающими глазами. В ней все казалось странным, начиная с одежды: пышная, объемная юбка переходила в узкий корсет, что заканчивался на середине груди; во все это в хаотичном порядке были вплетены разноцветные ленты, словно наряд неосмотрительно оставили на растерзание ребенку. Голову незнакомки венчала небольшая цилиндрическая шляпка чернильного цвета, которая будто бы застряла в неряшливой прическе. Дополнял образ «городской сумасшедшей» конечно же макияж: черные губы бантиком, выбеленное лицо, выкрашенные зеленым веки да нарисованные дугами брови. Эта особа прекрасно смотрелась бы на черно — белой фотографии в компании патефона и джентльмена во фраке, но сейчас, стоя у изящной тумбочки с позолоченным подсвечником и висевшим за ней на стене портретом в резном багете, она выглядела необычайно чужеродно, словно ошиблась павильоном и оказалась на съемках совсем другого фильма.

Кaleb мог бы и дальше на нее пялиться, не зная, с чем бороться: со странной, но все же определенной красотой и притягательностью этой женщины или же с желанием рассмеяться и вставить колкий комментарий по поводу неподобающего внешнего вида. Его дилемму разрешила тройка солдат, выскочившая в коридор и устремившаяся прямо к нему. Пришлось оставить девушку и броситься наутек, снова поддавшись надежде, что выход уже совсем близко. И все же он успел ощутить необычное чувство, будто во встреченной даме было что — то странное помимо внешности: нечто неуловимое в ее взгляде, что не позволяло ему просто забыть о ней.

— Кaleb! Кaleb, стой!

Его окликнули, и ноги разведчика сами собой остановились, едва не уронив владельца лицом на ковер. Он обернулся, изумленно и гневно глядя на женщину, что назвала его по имени и, кажется, даже знала. Но его ли она знала? Или спутала с гвардейцами, носившими маски? Ему непреодолимо захотелось вернуться и разузнать, но тут из — за ее спины вынырнули солдаты, и его словно обдало холодным душем — чувство самосохранения взяло верх, и Кaleb помчался дальше, борясь с непослушными ногами, упорно не желающими

подчиняться.

Переменчивая удача вновь улыбнулась ему, и за поворотом действительно оказалась столь желанная лестница, вдобавок еще и абсолютно пустая. Он едва ли не скатился вниз по ступенькам и, оказавшись на первом этаже, бегло осмотрелся. Тот выход, через который его сюда привели, несомненно охранялся, да и большая часть свиты, что сопровождала обоз, расположилась как раз таки с той стороны дворца. Тогда, и впрямь, оставался лишь подвал, где мог находиться еще один выход. Калевб юркнул под лестницу и обнаружил спуск, впрочем, тот вел, кажется, в самые настоящие катакомбы.

Освещение в коридоре отсутствовало, и, едва ли не на ощупь спустившись по крутой лестнице, разведчик уперся в решетку, на его счастье, незапертую. За ней стояли тягучая дымка и сильный запах сырости. Он прислонился к стене, лицом к выходу, и позволил себе пару минут перевести дыхание, неустанно прислушиваясь к шорохам и отдаленным крикам. Водоворот мыслей о том, что же делать дальше, внезапно преобразился в щупальца кракена, вознамерившись утащить его на самое дно и зарыть в переживания и страхи. Голова наполнилась вспышками воспоминаний: выстрел, слова, взгляд его клона. Гвардеец испугался, словно бы не ожидал увидеть другого себя, не знал, что является всего лишь копией, к тому же не единственной. Как такое возможно? Калевб и сам хотел бы это узнать. Быть может, все дело в масках? У него, еще при первом взгляде на эти неудобные и непрактичные атрибуты, возникло желание разузнать, зачем весь этот маскарад, уж не специально ли для него старались? Наверняка тут имелась некая связь, и если брать в расчет помешанность всех и вся на «магии», то, вполне возможно, маска как — то искажала реальность. В таком случае все становилось чуточку понятнее.

Другой аспект все той же загадки: причастен ли ко всему этому старый добрый Асай. Наставник вполне мог взять у него кровь и вырастить клона, пока они были в долгом полете и пребывали во сне. А затем посадить свежесозревших Калевбов в капсулы и отправить сюда, на потеху местным безумцам. Помнится, сам инструктор выглядел уставшим и подавленным, словно бы проснулся давно и неустанно трудился без перерывов. Во всем этом размышлении не хватало лишь одного кусочка мозаики — мотива. Зачем все это проворачивать, а потом отправлять вниз их с Ричем, прекрасно понимая, что они непременно наткнутся на неоспоримые улики?

Ответов у него пока не имелось, но Калевб собирался непременно их получить. Вот как выберется отсюда, первым же делом возьмет Асая за грудки и хорошенько приложит к ближайшей переборке для более продуктивной и душевной беседы. Только перед этим придется совершить пару подвигов, которые не стоит откладывать. Он посмотрел на индикатор шокера: оставалось двадцать три боевых заряда и шестьдесят девять оглушающих — вполне достаточно для тихой операции без привлечения внимания, но если его опять прижмут, то выстрелов может, увы, не хватить. Ему почудился шорох, и, включив фонарь, разведчик торопливо направил ослепительный столб света в глубину коридора. Тот оказался пуст и безжизнен. На первый взгляд.

Луч фонаря планомерно перемещался от одной стены к другой, ощупывая пол и потолок, но ничего подозрительного не находил. Самая обычная кирпичная кладка, крепления для фонарей, небольшая ложбинка для стока воды. И тем не менее, несмотря на, казалось бы, очевидную безопасность этого места, подсознание упорно рисовало бесформенные тени, что метались в углах, на самых задворках периферического зрения. Стоило только обернуться, как мнимая опасность перемещалась за спину, словно

персональный демон, а может, просто замирала, забиваясь в щели под обжигающим гнетом света, и вновь оживала, оказавшись в густом мраке. Из глубин памяти тут же вырвался вчерашний монстр — черная плесень, которая также выбрала своим обиталищем подземные пространства. Весьма вероятно, что здесь это существо могло достичь поистине огромных размеров и легко управиться с человеком, переварив забредшего сюда безумца без остатка.

Тревожные думы заставили его буквально нестись по коридору, судорожно водя фонарем из стороны в сторону, чтобы ненароком не налететь на что — то крупное. Навскидку он пробежал метров триста, когда показался выход — тускло освещенный проем в еще одно помещение. Кaleb пренебрег простейшей осторожностью и выскочил «на волю», даже не проверив, поджидает ли его кто за углом. На его счастье, вокруг не оказалось ни одной живой души, никто не вел поиски, не преследовал, и тем не менее он согнулся, уперев руки в колени, и жадно глотал воздух, и причиной тому стало отнюдь не сбившееся дыхание, а самая настоящая паническая атака — болезнь, с которой, как ему казалось, удалось покончить еще в далеком детстве. Но, как теперь выяснилось, старые раны могут открываться когда угодно, и самое забавное, что проявился недуг не под шквалом пуль или от холода ножа у горла, а от какой — то плесени, которую даже видно не было. Наконец, совладав с собственным организмом, разведчик выпрямился и осмотрелся.

Увиденное его поразило: в огромном, удлинённом помещении стоял локомотив с пятью вагонами. Возникло ощущение, что Кaleb за пару мгновений сменил историческую эпоху: вошел в туннель в средневековье, а вышел во времена королевы Виктории. Более того, он все еще находился под землей — то ли на вокзале, то ли на станции метро. Никаких надписей или указателей здесь не имелось, а выхода было всего два: широкий туннель, откуда поезд приезжал, и просторная лестница, уходящая далеко наверх.

Разведчик выключил фонарь — на стенах висели масляные лампы, вполне сносно освещавшие помещение, — и, поддавшись шальной мысли, направился непосредственно к паровозу. Стальная машина производила неизгладимое впечатление: мощь, закованная в металл, способная бросить вызов самой природе. Он осторожно заглянул в кабину и, убедившись, что там никого нет, открыл дверцу и залез внутрь. На этом весь его энтузиазм и закончился, столкнувшись с кучей неведомых рычагов, клапанов да огромным котлом, в который еще и уголь требовалось бросать. Едва родившись, план побега оказался бесцеремонно погребен под грудой обстоятельств и выявленных нюансов. Теперь ему уже точно не суждено эпично вырваться из передраги на поезде, высунувшись из окна под ласковые порывы ветра и беспечно провожать гудками преследователей.

Хорошенько обыскав кабину и не обнаружив ничего полезного, Кaleb в отчаянии уже собрался чуть ли не по туннелю идти, когда услышал голоса и, заметив движение, тут же пригнулся. Из того самого коридора, откуда пришел и он сам, появились четверо солдат и со знанием дела принялись обыскивать зал. Разведчик осторожно подполз к дверце и, прислушиваясь, стал выжидать, когда преследователи закончат свое неблагодарное дело, и путь снова окажется свободен. На всякий случай в руке он сжимал шокер, готовый отстреливаться, если его застанут врасплох или, что куда более вероятно, зажмут в этой самой кабине.

Время шло, а служаки упорно не желали прекращать поиски, словно чувствовали присутствие своей цели. Кaleb даже успел расслабиться и, вытянув ноги, прислонился к дверце, бесцельно разглядывая внутреннее устройство локомотива. Множество рычагов торчало из пола, вдоль лобового стекла жемчужинами рассыпались всевозможные

индикаторы, стрелки которых сейчас дремали на нуле. Разведчик опустил взгляд ниже и заметил странный блеск под одной из панелей, что, кажется, являлась неким аналогом автомобильного бардачка. Он привстал, стараясь не звенеть цепью, и подполз к заинтересовавшему его объекту. Пришлось практически лечь, чтобы рассмотреть всю нюансы, но оно того стоило. Снизу находилась прямоугольная дверца, закрепленная новенькими болтами, чей отблеск и показался ему странным. Выглядели они самыми обычными, будто только что были скручены с какой — нибудь полки или вовсе куплены в магазине. Раскорячившись, Калев потянулся руками к стальной пластине и пошарил вокруг нее пальцами, стараясь обнаружить любые новые отклонения. Неожиданно раздался щелчок, и пол озарился интенсивным синим светом.

Калев глазам своим не поверил: перед ним находился самый что ни на есть настоящий монитор с грозной надписью «автопилот включен». Если бы не новенькие шурупы, он бы ни за что не наткнулся на столь умело спрятанное устройство и продолжал прозябать в полной уверенности, что оказался в сюрреалистическом прошлом. «Все не то, чем кажется», — вспомнилось ему, и на лице появилась робкая улыбка надежды. Нет никакой магии, его версия оказалось верной — все вокруг не настоящее, а лишь имитация, за исключением людей, которых неким неведомым образом зомбировали, заставив поверить, что они не те, кем себя считают.

Он потыкал в экран, но тот никак не отреагировал, видимо управление предусмотрительно было выведено на другое устройство, и совершенно не факт, что располагалось оно внутри кабины. Это означало, что как бы Калев ни старался, поезд ему никак не угнать. И все же само лицезрение прибора из цифровой эпохи в окружении викторианского мира воодушевляло, внушало надежду на победу, пусть и призрачную. Увы, но только в книгах и фильмах один — единственный человек может изменить судьбу мира, в суровой реальности требуется как минимум взвод солдат, желательно с тяжелой артиллерией и поддержкой с воздуха. У него не имелось ничего из перечисленного, и все же он мог что — то сделать — найти и отключить злосчастный генератор, который каким — то образом и поддерживает людское помутнение. Ежели не получится, то он отыщет Ричарда, свяжет, если потребуется, и на собственных плечах вынесет за пределы дурманящего поля.

Закрыв яркую панель, разведчик выглянул из своего укрытия, примечая расположение рыскающих солдат. Их по — прежнему было четверо, и если все получится, то на каждого уйдет по одному заряду. Но будь у него больше времени, да и не мешай цепь, то Калев предпочел бы сэкономить и без того весьма ограниченный боезапас и нейтрализовать помехи вручную. Аккуратно открыв дверцу, он спустился на перрон и принялся за дело, что было у него в крови: оглушил сначала ближайшего противника, затем быстрыми, короткими перебежками добрался до следующего. Бесшумные ботинки и черная форма делали его передвижения практически незаметными в скудном освещении, да и отделка зала в темных тонах сильно помогала. Чернильной тенью разведчик подкрался к еще двум вооруженным проблемам и нейтрализовал потенциальную угрозу. Конечно, двое последних солдат разбрелись на почтительное расстояние и не особо мешали побегу, но уж больно Калебу не хотелось оставлять у себя на хвосте пусть и маловероятную, но все же угрозу.

На мгновение его взгляд привлек туннель, полукруглой чернотой уходивший в неизвестность, и, вполне вероятно, ведущий куда — то за пределы города, а сама железная дорога могла и вовсе выходить за границы купола. Желание запрыгнуть в один из весьма обустроенных и комфортных вагонов, убранство которых хорошо просматривалось через

окна, и подождать отправки состава было чарующе притягательным. И все же на первом месте стоял долг и клятвы, что некогда довелось принести, именно они и не давали поставить собственное благополучие на первое место. В какой — то мере это являлось атавизмом, пережитком прошлого, как честь и гордость, но если их убрать, то что же останется? Звериная натура, по — прежнему живущая в человеке и постоянно норотившая вырваться наружу. Калев опустил взгляд на свои скованные руки, представляя, что точно такие же цепи есть и у Ричарда, только не из металла, как эти, а из неведомых голосов и навязанных мыслей. Памятуя о своем обещании, разведчик избрал иной путь и быстрым шагом направился к лестнице, ведущей наверх, туда, где, возможно, скрывалось избавление.

Перепрыгивая ступеньки, мужчина поднялся и, выскочив на лестничный пролет, поскользнулся на отполированном до блеска каменном полу и больно врезался плечом в стену. Скривившись, Калев потер ушибленный сустав и в очередной раз посетовал на цепь, которая, видимо, и станет причиной его скорой смерти. И в тот же момент в подсознании возникла въедливая мысль: что — то не так — но причина стала понятна далеко не сразу. Осмотревшись, он не обнаружил ничего, что могло бы вызвать столь навязчивое ощущение. А в следующий момент его осенило: стена, с виду сложенная из массивных блоков, на деле оказалась лишь муляжом, за которым скрывалась гулкая пустота. Именно звук выдал настолько славно сделанную конструкцию, и если бы не случайное столкновение, Калев бы просто проскочил мимо. Старательно прислушиваясь, разведчик пылливо постучал по ней в поисках удерживающего механизма. Пришлось потратить немало времени, но тем не менее ему удалось отыскать защелку и, скрепя сердце, выпустить в нее драгоценный патрон.

Ширма податливо отворилась, и Калев протиснулся внутрь, усердно выискивая фонариком то, что спрятали от посторонних глаз. Его ожидало разочарование — еще один коридор, но на этот раз короткий настолько, что луч света метрах в ста упирался в еще одну дверь. Совершив короткий рывок, разведчик осмотрел препятствие и поморщился от досады: стальная створа, будто бы от бункера, не имела ни ручек, ни замков, разве что небольшую выпуклость на уровне плеч. Он осторожно простучал и попытался сдвинуть плотно сидящую крышку, обнаружив за ней новое чудо — кодовый замок. Присвистнув, взломщик нажал пару кнопок наугад, и в глаза брызнули алые отсветы «ошибки». Без пароля дверь уж точно не открыть, да и пуля в этом деле не поможет, а значит, оставалось лишь одно — не терять зря время и искать иной проход в помещение по ту сторону. Тут уж Калев нисколько не сомневался, что именно там находится злосчастный генератор.

Он вернулся назад и, задвинув муляж на место, направился вверх по лестнице. Пришлось пройти еще три пролета, прежде чем его встретили огни просторного зала, стилизованного под убранство дворца. Ему даже показалось, что именно туда его и занесло, но сквозь окна был отчетливо виден и громоздкий шатер цирка и соседствующая с ним обитель Его Величества. День подходил к концу, и солнце практически скрылось за фасадами зданий, погрузив улицы во мрак, но оставив небо безоблачно — светлым, с легким вкрапление звезд. Прильнув к стеклу, Калев внимательно рассматривал окрестности, размышляя, куда бы ему податься, чтобы его хоть пару часов никто не потревожил. Предстояло основательно обдумать дальнейшие шаги, ведь права на ошибку у него не было.

Он дернул дверь и, выглянув наружу, опасливо осмотрелся. Впереди беспечно журчал фонтан, а вокруг сгушалась тьма, пожирая очертания домов и людей, и даже пресловутый эшафот, на котором его должны были сжечь во славу предрассудкам и суевериям, пропал из виду. Калев решил отсидеться в одном из жилых домов, а может, и залезть в какую — нибудь

из лавок, что располагались на первых этажах и, вероятно, уже закрылись. До утра хозяева там не появятся, а это именно то, что ему и требовалось. Собравшись с мыслями, разведчик бросился вперед, но тут из — за угла показалась толпа, больше похожая на настоящее ополчение. Он резко затормозил и метнулся к фонтану, укрывшись за бортиком и проклиная все на свете.

Насколько ему было видно, люди вооружились, кто чем: у кого — то были вилы в руках, у кого — то ножи, а кто — то просто шел с факелом, освещая дорогу другим. Толпа галдела; тут были люди всех мастей, в том числе женщины и даже дети. Слышались выкрики и целые бравады, призванные воодушевить, но смысл их сводился к одному — поймать любой ценой еретика, что с помощью магии едва не убил короля и кардинала. Кажется, назревала настоящая охота ведьм, и Калебу суждено было стать единственной ее жертвой. Он прикусил губу, чтобы не зайтись истерическим смехом. Какой здравомыслящий человек может выдержать такое? У него ведь только начало получаться верить в то, что все здесь ненастоящее и постановочное. Но огонь в факелах горел самый что ни на есть настоящий, а в голосах горожан слышались настойчивость и решимость прожарить чужеземца до самых косточек. Калев еще сильнее вжался в холодный камень и крепко стиснул шокер — перестрелять всю толпу он никак не сможет, но ему вполне хватит одного — единственного патрона, чтобы покончить со всем этим. Он знал, что сможет это сделать, и уже сделал, там, у дверей тронного зала, когда клон в точно таком же отчаянии нажал на курок.

Глава 6. Просто цирк какой — то

Загрохотал колокол. Грозные удары разносились по городу, отражаясь от стен домов, превращаясь в зычное эхо. Часовня пряталась на противоположной стороне площади, за широким цирковым шатром, но гул нисколько не стихал, словно стены колокольни находились всего в паре шагов от перепуганного человека. Кaleb нервно улыбнулся, отметив про себя, что теперь колокольный звон сопровождает его повсюду, видимо отмеряя отпущенный срок. Услышит ли он утренний перезвон, или с последним ударом его жизнь оборвется? Ему померещилось, будто все вокруг затихло: в секундных промежутках между ударами наступала мертвая тишина — и разведчик рискнул выглянуть из своего укрытия.

Как он и предполагал, толпа застыла, замерла, уперев взгляд в землю, словно подчиняясь воле звонаря. Если бы ветер не развеивал волосы и не теребил одежду, а факелы не продолжали пылать, распространяя зловещие тени, то со стороны все выглядело, как в стоп — кадре исторического фильма. На мгновение ему показалось, что времени хватило бы для броска к ближайшему дому, что судьба таким образом не бьет набат, требуя кровавой жертвы, а, напротив, дает шанс скрыться и продолжить борьбу. Но как отреагируют люди, если у них перед носом пробежит еретик? Продолжат стоять и сделают вид, что ничего не видели, или же мигом бросятся в погоню?

Пробив шесть ударов, колокол замолчал, лишая Калеба всякой надежды — горожане ожили и продолжили свои поиски. Он опустил обратно в свое укрытие, прислонившись затылком к прохладному, но надежному камню. Подняв взгляд к темнеющему небу, разведчик привычным движением переключил шокер в боевой режим. Ледяной металл коснулся его подбородка, и глаза закрылись. Оставалось последнее усилие: легкое нажатие на курок — и все закончится. Ему следовало подумать о чем — то далеком и отстраненном, но разум занимала лишь одна мысль: «Прости, Рич, что подвел тебя».

И все же в глубине души свербили неуверенность и сомнения, которые не давали сделать последнее усилие и совершить непоправимый поступок. Даже в столь безвыходной ситуации в нем еще жила надежда, надоедливая и неотступная, бескомпромиссно твердящая, что нужно еще подождать, и выход обязательно найдется. Эти речи несомненно казались сладкими и притягательными, а самое главное, они оттягивали тот самый момент, когда нужно было принять решение.

— А ну, отставить! — раздался далекий голос Ричарда.

От неожиданности Кaleb вздрогнул, едва не потеряв контроль и не вышибив себе мозги. Он повернулся в сторону дворца, откуда на площадь выходил отряд гвардейцев с Артуром во главе. Солдаты доставали из ножен мечи и сосредотачивались по округе, громко переругиваясь с горожанами и грозя им оружием.

— Расходитесь! Его Величество в полном здравии, а поимкой еретика займемся мы! — голос Артура был тверд и решителен и не предполагал возражений. Гвардеец отдал пару приказов подчиненным и, развернувшись, собрался было отправиться обратно во дворец, но, заметив Калеба, замер. Долгую минуту они смотрели друг на друга: один с робкой надеждой, другой — с нескрываемой злобой и ненавистью. На изможденном лице Ричарда ходили желваки, а губы подрагивали в тщетной попытке закричать, отдать приказ и расправиться с беглецом. Но он этого не делал — просто стоял, буравя взглядом боевого товарища и борясь с собой. Никак демон, что завладел его телом, сопротивлялся, подавляя истинную личность,

что изо всех сил пыталась пробиться к свету и вернуть контроль. Наконец эта дуэль закончилась, и командующий солдатами, будто ослепнув, отвернулся и зашагал к воротам, словно позабыв об увиденном.

Калев проводил друга изумленным взглядом. Кажется, откуда — то свыше ему только что намекнули: бой не окончен. Он нервно сглотнул и снова приподнялся, осматривая окрестности. Горожане недовольно, но послушно расходились по домам, освобождая площадь, на которой теперь оставались лишь одинокие гвардейцы. Выглядело все так, будто ему расчищали путь. Но кто? Судьба да счастливый случай, или же незримый кукловод заманивал его в свое логово?

Выбирать не приходилось: либо попытаться вломиться в чье — то жилье и отсидеться там, проведя всю ночь у двери в ожидании облавы, или же пробраться к пресловутому цирку и затеряться среди трупы, декораций, тюков соломы, да выкрасть ненавистную лошадь. От одной мысли о верховой езде его покорило, но тут же пришла идея запрячь копытный транспорт в телегу и таким образом решить проблему. Этот вариант показался ему куда более привлекательным, и разведчик поднялся на ноги, переставил шокер на оглушение и помчался к цели.

До шатра было полторы сотни метров — ничтожная дистанция для опытного бойца, — но путь преграждали четверо гвардейцев, которых предстояло устранить. Калебу чертовски не хотелось их убивать, пусть это и сделало бы задачу куда проще. Один бесшумный выстрел — и нет проблемы. Однако неизвестно, как в итоге ему аукнутся неоправданные жертвы, и не станут ли тогда за ним гоняться с арбалетами, а то и ружьями. Руководствуясь именно этими соображениями, он нагнал первого солдата и яркой вспышкой разрядил в него оглушающий заряд. Это «волшебство» не осталось незамеченным, и едва жертва рухнула на брусчатку, как к нему уже неслись остальные патрульные.

По — тихому, как обычно, не получилось, но хотя бы никто не ворчал на ухо голосом Ричарда: «Я же тебе говорил». Калев не стал дожидаться, когда на него нападут, и сам бросился на первого подбежавшего гвардейца, выпустив в того синюю молнию, затем развернулся и помчался к следующему. Солдаты, видимо, не обладали особым интеллектом, а может, пребывали в некоем фанатическом экстазе, и упорно неслись на врага, размахивая одними лишь мечами. Исход был предсказуем, и когда шлем последнего упал на землю, разведчик опасно огляделся и поспешил к цирку. Несомненно, его похождения не остались незамеченными, и выслать за ним новую порцию «мяса», учитывая, что теперь вся округа знает, куда он направился, — дело всего какой — то пары минут.

Калев суматошно соображал, что же делать дальше, и пришел к выводу, что иного варианта, кроме как попытаться на лошади прорваться за стены города, у него просто нет. Но перед этим ему необходимо обыскать шатер и прилегающие телеги и палатки. Разведчик был твердо уверен, что найдет новые подсказки, а если повезет, и неоспоримые улики. Однако, чтобы добраться до шапито, пришлось довольно долго плутать по лабиринту из повозок, в которых горел свет и слышались голоса, но благо никто из трупы не осмелился выйти и преградить незнакомцу путь.

Кажется, он ходил кругами, а надежда обнаружить вход таяла прямо на глазах — шатер со всех сторон выглядел совершенно одинаковым. Но зато Калев теперь точно знал, где циркачи обустроили конюшню, из которой можно незаметно увести целого слона. Разведчик остановился рядом с дремавшими лошадьми и осмотрелся. Даже если он оседлает скакуна, то в какую сторону отправится? К тому же, взглянув себе под ноги и отбросив мыском

ботинка пучок соломы, разведчик призадумался: а не воспламенит ли весь этот «хворост» один выстрел из шокера? Вероятность таковая имелась, учитывая, что в двух шагах от него возвышалась поленница, и если разгорится пожар, то выбраться из лабиринта окажется и вовсе невозможно. Кaleb тяжело вздохнул, переключил оружие на дротики и, в качестве альтернативы, прихватил топор, забытый кем — то в колоде. Выбора, похоже, теперь не имелось вовсе, и придется играть по — крупному: с брызгами крови и воплями ужаса.

Кaleb бегло осмотрел загон и убедился, что открыть его проще простого, куда сложнее будет запрыгнуть на лошадь и заставить ее выполнять команды. А это все же придется сделать и, видимо полагаясь исключительно на удачу, попытаться уехать из города. Из неоспоримых плюсов, пожалуй, было лишь то, что если за ним увяжется погоня, то хотя бы получить в спину из нагана ему не грозит. Но перед этим занятным приключением он все же должен попасть в шатер, отыскать заветный люк в подземелье, в наличии которого не было никаких сомнений.

Ухватив правой рукой топор поудобней, разведчик выставил левую вперед, готовый разрядить шокер в любого, кто встанет на его пути. Пройдя пару десятков метров вдоль неприступного шапито, Кaleb остановился и, устремив взгляд к звездам, выругался про себя, но от всей души. Он, словно идиот, собрался наматывать круги, в то время как в ладони сжимал универсальный ключ от всех дверей.

Повесив современное оружие на пояс, взломщик размахнулся и «носком» топора полоснул по плотной, упругой ткани. Материал прогнулся, вознамерившись забрать себе оружие, но под натиском одной человеческой силы неохотно поддался и с треском разошелся черной полосой.

Радуюсь маленько победе, Кaleb протиснулся в узкую щель и уперся носом в деревянный ящик. Новая преграда казалась насмешкой, будто некто мухлюет, на ходу меняя правила игры и подкидывая все новые и новые препятствия на пути к победе. Получалось у этого горе — крупье довольно плохо, и разведчик очень быстро выбрался из нагромождения коробок и бочек, что, видимо, стояли вдоль всей внешней «стены» шатра. Вот только, оказавшись на свободе, ему снова пришлось столкнуться с трудностями — ожидаемой арены тут и в помине не имелось, зато под самый купол уходили дощатые сооружения, словно кто — то сложил сюда ненужные декорации, образовав многоуровневый лабиринт.

Проще было сдаться, плюнуть на все поиски и, развернувшись, запрыгнуть на коня и умчаться в рассвет, пока корабль еще не покинул орбиту. Притягательная мысль, учитывая, что капсула Ричарда находилась где — то в лесу, вероятно целая и невредимая. Подняться на ней в космос, пристыковаться и, минуя Асая, вломиться напрямик к капитану и, вывалив всю информацию, потребовать помощи. Да, он вполне был готов признаться самому себе в полной беспомощности и абсолютном проигрыше. В одиночку ему не удалось ровным счетом ничего, и даже сердце билось исключительно благодаря другу, а то висела бы сейчас его тушка на вилах добрых горожан. И в подтверждение этих мыслей в шатре послышались голоса да лязг доспехов.

Кaleb чертыхнулся и вжался в ближайшую стену, держа топор наготове. Именно им предстояло воспользоваться в качестве оружия, поскольку на столь короткой дистанции и весьма ограниченном пространстве выстрел из шокера мог бы убить его самого. Задержав дыхание, разведчик прислушался, пытаясь определить, как далеко находится враг и в какую сторону направляется. Ситуация складывалась скверно: шаги становились все ближе, и вот, кажется, за углом уже слышалось дыхание и скрежет металла. Пальцы вцепились в

топорище, и, как только показалось лезвие вражеского клинка, Калевб бросился на противника и с размаху всадил топор прямо в грудь... Ричарду.

Артур успел лишь выдохнуть. Выронив свое оружие, он удивленно посмотрел на топор, а потом перевел гаснущий взгляд на безумное лицо своего палача, на котором застыл немой крик ужаса. Так не должно быть. Калевб не мог навредить другу, не мог убить единственного близкого ему человека. Ричард начал оседать и заваливаться назад, и разведчик инстинктивно попытался предотвратить падение, но сумел только ухватиться за топор. Тот податливо вышел из груди гвардейца, наградив виновника столбом искр вместо крови и запахом паленой проводки.

Мир перестал существовать, сомкнувшись вокруг распростертого на полу тела. Не отводя взгляда, Калевб наблюдал, как из раны поднимается черный дым, словно демон, покидающий одержимого, возвращая тому свободу, от которой уже не было никакого проку. Наконец разведчик рухнул на колени под тяжестью противоречивых чувств. Он не мог понять, чего в его сердце сейчас больше: сожаления, скорби, необъятного чувства вины за то, что убил друга, или же страха и настоящей паники от того, что вместо Ричарда ему подсунали андроида. Но в таком случае, в кого же вошел его топор?

И все же это был именно его Ричард. Вглядываясь в расслабленное, безмятежное лицо друга, Калевб не мог найти отличий, хоть одной маленькой детали, что четко и безапелляционно сказала бы, что перед ним подделка. Безупречная, но все же подделка. Ему с трудом, но верилось в клонов, что видел воочию, но роботы под видом людей — такое разум просто отказывался воспринимать.

— Калевб? — женский голос прозвучал совсем рядом, но разведчик даже не вздрогнул, а лишь отстраненно повернул голову в сторону «безумной» дамы, что оказалась в двух шагах от него. — Думаю, пришла пора нам наконец поговорить.

Ответом ей стало глухое молчание и полные слез глаза. Калевбу было совсем не до незнакомки, которую и видел — то всего один раз. Еще больше его не интересовало, как она здесь оказалась. Он не мог думать ни о чем другом, кроме содеянного. И какая, на самом деле, разница, кто лежал перед ним, человек или машина, факт оставался фактом: топор он вонзил именно в Ричарда. Убил друга собственными руками. И, что еще хуже, эту новость придется принести его родственникам. Получится ли у него посмотреть им в глаза?

— Ну же, — она аккуратно и даже нежно положила ладонь на его плечо, — пойдём. Не трать слезы на ненастоящее, я его быстренько почию.

— Починишь? — вполне обычное слово внезапно резануло слух, будто рассекая кожу и обнажая незащитную плоть. — Он человек, а не какая — то машина! — Калевб вскочил с колен и остервенело посмотрел на женщину. Пальцы сжались в кулак, но вместо того, чтобы ударить обидчицу, он разревелся как ребенок.

— Ты — и-ише, мальчик мой, теперь все позади, твои страдания закончились. — Дама обняла разведчика и успокаивающе погладила по спине. — Я бы подарила тебе забвение, но, к сожалению, это не в моих силах.

Из темноты послышались шаги, а затем появилась высокая фигура в черном. На лице Советника по — прежнему красовалась маска, которую тот не пожелал снять даже здесь. Не обращая внимания на посторонних, он подошел к телу и поднял на руки, легко, словно пушинку. Затем, все так же молча, правая рука Короля понес Ричарда прочь, будто тот являлся собственностью государства. Калеба, конечно же, такое положение дел не устроило, и, вырвавшись из успокаивающих объятий, он догнал наглеца, схватил того за плечо,

развернул к себе и в гневе сорвал с него маску.

В глубине души разведчик знал, что обнаружит под белой маской человека, который с первых мгновений их встречи внушал неприятные ожидания. Именно поэтому, когда маскарадный атрибут оказался в руке, он без особого удивления взглянул на лицо еще одного Ричарда, в реальности которого теперь приходилось изрядно сомневаться. Был ли это клон наподобие тех, с которыми Калев уже сталкивался, или же машина, как та, в которой он упорно отказывался видеть андроида? Его разум никак не мог пересилить эмоции, что твердили: все происходит по — настоящему, и топор пронзил именно сердце друга — и никакие торчащие провода не могли переубедить в обратном. А может, именно Советник и был настоящим Ричардом? Или здесь и вовсе не было ничего настоящего?

Калев не отрываясь смотрел на пару совершенно одинаковых людей, отличавшихся лишь одеждой и степенью «жизни». Как ни старался, он не видел между ними разницы, не замечал отличий, что с уверенностью могли сказать: вот этот настоящий, а этот — подделка. Разведчик сделал шаг назад, выпустив из онемевших пальцев маску, которая, упав, разбилась об пол с до боли знакомым звуком. «Может, и не было никаких клонов? — подумалось ему, — может, они тоже машины?» На миг в голове всплыло воспоминание: тот самый момент, когда он смотрел на лицо своего двойника, живое и полное боли и страданий. Разве такое можно подделать?

— Калев, — незнакомка снова оказалась рядом и, снисходительно обхватив его за плечи, легонько подтолкнула вперед. — Я чувствую, как ты сопротивляешься, пытаешься разобраться во всем, страдаешь. Идем, я тебе все объясню и излечу твою душу.

Он молча повинился. Ни физических, ни тем более моральных сил сопротивляться у него не осталось, да и в теле поселилось странное, непреодолимое желание подчиняться, выполнить любой приказ, что отдаст странная дама. Пожалуй, сейчас это даже казалось благом. Можно просто закрыть глаза, погрузиться в себя и не смотреть на безумный мир вокруг, от которого исходила одна лишь боль, а ноги меж тем сами тебя доставят в нужную точку. Именно так Калев и поступил: доверившись инстинктам, он нырнул в пучину собственных переживаний, пытаясь безуспешно противостоять разъяренной стихии. Волны и ветер, что бушевали в сердце могли успокоить разве что алкоголь или сильные наркотики, за которые он бы и душу продать не пожалел.

— Прощу, садись, — женщина указала на деревянный ящик, а сама грациозно запрыгнула на бочку напротив. Разведчик без возражений принял приглашение, терять ему теперь было абсолютно нечего — он уже и так наворотил делов, преступил собственные принципы. Например, не убивать гражданских. Пусть до этого и не дошло, но в шофере сидели стальные «иглы», и морально Калев был готов стрелять без разбора во все что движется. И, будто этого было мало, еще и зарубил собственного друга, пусть даже на деле это и оказался всего лишь робот. Тогда где же настоящий Ричард? Как теперь его отыскать?

— Итак, — она расправила юбку и чуть поерзала по неудобной и жесткой крышке бочки, — с чего хочешь начать? Я давно ждала нашей встречи, но по случайному стечению событий, этот момент все время отдалялся. Когда ваши капсулы вошли в атмосферу, я обрадовалась очередному подарку, а потом выяснилось, что тебя не оказалось в системе.

— Системе? — вяло поинтересовался разведчик, пытаясь обуздать мысли и заставить мозг работать в нужном направлении. Даже если он и не выберется из этого места, то обязан хотя бы понять, что же тут на самом деле творится.

— Ну да, — отозвалась незнакомка, кажется не осознавая, что этот термин нуждается в

пояснении. — Я тогда сильно удивилась, предположила, что вторая капсула была пустой. А потом ты появился на дороге, и я на мгновение испугалась. Даже подумала, что ты настоящий. Это и неудивительно, ведь на команды ты не реагировал, Система тебя не воспринимала, хотя и видела. И тогда случился сбой, и тебя приняли за человека. Сработал ближайший сценарий — и понеслось. Я пыталась вмешаться, но в итоге пришлось писать новую историю, чтобы привести тебя сюда.

— Погодите, — Калев поднял ладонь, пытаясь остановить ту бессмыслицу, что несла эта безумная. — В каком смысле «приняли за человека»? И что за сценарий?

— Да все просто, я не сразу поняла, в чем тут дело. Остальные твои версии были абсолютно одинаковыми, но не ты. И тут меня осенило. Дело действительно только в тебе. — Она соскочила с «наседа» и подошла к разведчику. Секунду помялась под пристальным взглядом гостя, а потом ткнула пальцем ему в висок, в то самое место, которым тот приложился во время падения капсулы. Калев поморщился, почувствовав резкую боль, и тут же отпрянул от ненормальной.

— Спятели?! — прошипел он. — У меня и без того сотрясение, а вы еще и дырку решили мне в черепе проделать!?

— Ну что ты, глупенький, — она виновато улыбнулась, чуть наклонив голову, и невинно заложила руки за спину. — Я всего лишь подтвердила свою теорию: все дело именно в твоей травме. Ты, видимо, обо что — то ударился и сломал передатчик, именно поэтому Система с тобой и не может связаться.

— Мой передатчик утонул вместе с капсулой, — парировал разведчик, осматриваясь по сторонам. Кажется, приступ боли пошел ему на пользу, прочистив голову и вернув ясность мысли. Он заметил, что место, где они стояли, находилось в самом центре шатра, купол которого подпирала огромная колонна из стали, опоясанная проводами. Калев бегло осмотрел этот чужеродный элемент, убедившись, что тот уходит глубоко под землю и несомненно является частью системы генерации щита. Ему захотелось во чтобы то ни стало проверить свою догадку, даже на глазах таинственной дамы, но его отвлекло появление Советника, который вынес тело Ричарда в центр недостроенной арены и аккуратно положил на пол.

— О, вот и он, — дама, будто потеряв всякий интерес к Калебу, подошла к поломанному роботу и неспешно обошла его. — Целился ты профессионально, в самое сердце, лезвие пробило грудину точно посередине, — констатировала она и, присев на корточки, осмотрела повреждения. — Процессор не задет, поэтому не переживай, тут делов на пару минут. — Ее тонкие пальцы ощупали края раны, а затем переместились к лицу, прикрыв безжизненные глаза. — Меня поразило, насколько сильно Ричард сопротивлялся Системе. Каждый раз, когда он видел тебя, его подавляемая личность вырывалась на свободу и пыталась помочь. Да и ты не отвернулся от него, даже когда имел дело с Артуром. Похвально и даже достойно восхищения. Ваша связь настолько крепка, я даже не могу понять почему. Хм, а хочешь я не буду вас разъединять? Включу вас в сюжет в качестве боевых товарищей или братьев, а может, вы пожелаете стать...

Дальше Калев не слушал; он оцепенело наблюдал, как из пола потянулись черные нити плесени. Сплетаясь в толстые ветви, они ползли по телу Ричарда, разветвлялись, вновь делились на тонкие волокна, проникая во все места, и вскоре затянул его целиком, превратив в нечто колышущееся и мерзкое. Разведчик стиснул зубы от отвращения, ожидая, что вот сейчас существо сожрет робота без остатка и вернется под землю, или набросится на

него самого, повинуюсь воле безумной дамы.

— Что с тобой? — изумилась незнакомка. — Это же всего лишь наниты, они мигом починят его. Будет как новенький.

Нанороботы? Калевб повнимательней пригляделся к месиву и действительно заметил металлический отблеск и едва уловимое шуршание. Выходило, что все это время он боялся того, чего на деле не существовало. И тогда, в темнице, эта субстанция тянулась к нему, чтобы залечить раны, а не сожрать с потрохами? Спихватившись, разведчик посмотрел на свои штаны, на то самое пятно, оставленное плесенью. Получалось, что машины разъели ткань его одежды и попытались переделать в нечто более подходящее обстановке? Звучало вроде бы вполне здраво, но все это были лишь домыслы, а как все обстояло на самом деле, ему знать не очень — то и хотелось.

А в следующее мгновение его накрыло куда более ужасной догадкой. Что если все это время перед ним был не настоящий Ричард, а эта машина? В таком случае Калевб не смог распознать подмены, да и осознавал ли это сам андроид? Быть может, в этот механизм загрузили воспоминания друга, и тот был абсолютно уверен в своей настоящести? Это же полностью меня дело. Как бы ему не хотелось видеть перед собой груды шестеренок и проводов, но внутри вполне мог находится живой человек, способный мыслить и чувствовать. «И, черт побери, он достоин жизни, даже если никогда не осознает своей механической природы», — подумал Калевб и, поддавшись эмоциям, выхватил шокер и наставил его на незнакомку. — Верни его!

— Ты и вправду не понимаешь? — дама с прищуром посмотрела на него и медленно поднялась. — Бедняжка, это, видимо, из — за поломки, но ничего, я и тебя починю.

Калевб рассмеялся сквозь предательски выступившие слезы и, сделав пару шагов назад, схватился за голову. Бесполезно было что — то говорить или выяснять, все вокруг были абсолютно неменяемыми, и с каждой минутой безумие прогрессировало. Что будет дальше? Его пригласят на чаепитие или позовут сыграть в крокет молотком из фламминго? Пусть у дамочки и была голова обычного размера, но абсурда та говорила несколько не меньше, чем Красная Королева. И, что хуже всего, помешательство, кажется, было заразным — еще пару минут, и он сам начнет верить во все это.

Холодный металл шокера на миг отвлек от водоворота мыслей, вернув в реальность, и Калевб понял, что надо отсюда выбираться, бежать куда угодно. Даже смерть в пустыне от жажды сейчас казалась ему более предпочтительной, нежели свихнуться здесь и сидеть с пустым взглядом, пуская слюни. Он огляделся, высматривая хоть что — то, похожее на выход, а потом осознал, что у него в руках оружие с почти полным боезапасом. Вяло улыбнувшись, разведчик сначала прицелился в незнакомку, что внимательно наблюдала за его мытарством, но ту вовремя заслонил Советник, и пришлось срочно менять мишень. Обернувшись, он спустил курок, и дротик полетел в колонну.

Учитывая скорость выпущенного снаряда и небольшое расстояние, конструкция должна была разлетелся на куски, но дротик, по непонятной причине, отрикошетил, разнеся одинокий ящик в щепки. Калевб издал досадный вопль и повернулся к злополучной даме. В тот же миг рефлексы заставили его прогнуться назад, избегая лезвия топора, пронесшегося в нескольких миллиметрах от его лица. В двух шагах, от него стоял Советник, сжимая в руке холодное оружие, готовясь явно не дрова колоть.

Разведчик попятился, пытаясь выставить перед собой шокер и перебороть неведомый «блок», не дававший выстрелить в Ричарда. Противник наступал, следя холодными и

безжизненными глазами за каждым действием своей жертвы. Калевб, стиснув зубы, пытался убедить себя, что перед ним не более чем машина, бездушная и безжалостная, приближающаяся лишь с одной целью — убить его. Но это совсем не помогало, и разведчик в отчаянии пальнул чуть в сторону, в надежде отвлечь робота или убедить того, что просто так не дастся. Андроид же словно бы и не заметил дротика, пролетевшего над его головой и разворотившего еще один ящик, — он не собирался отступать, как мясорубка, в которую попала кость: сломается, но перемелет.

Калевб тоже не собирался сдаваться. Еще минуту назад ему не хотелось жить, а теперь в крови кипел адреналин, вымывая из головы упаднические мысли. Он продолжал отступать, пока не споткнулся о не пойми откуда взявшуюся ступеньку и не рухнул на спину, в последний момент подставив локти. Мимолетная оплошность едва не стоила ему ноги, которую разведчик вовремя отдернул, и топор лишь высек искры из стального основания колонны. Словно в дешевом боевике Калевб пополз, вместо того чтобы подняться и, как нормальный человек, побежать — почему — то эта здравая мысль не желала приходить к нему. И наконец, оказавшись фактически припертым к стене, он прикрыл глаза и выстрелил практически наугад. Его обдало горячими ошметками, и рядом рухнуло что — то тяжелое.

Открыв глаза, разведчик увидел Советника, который продолжал надвигаться на него, но теперь уже ползком, хватаясь одной рукой за пол и подтягиваясь, а пальцы второй по — прежнему сжимали топор. Не было никаких сомнений, что робот и без оружия спокойно свернет человеку шею. Калевб наконец сумел подняться и увидел, что все же попал в цель: дротик, очевидно, угодил прямо в колено, раздробив ногу противника на мелкие ошметки и попутно задев вторую, оставив лишь бесформенные обрубки. Правда, ликовать от этого зрелища стрелку отнюдь не хотелось, напротив, глядя на Ричарда, он благодарил неведомых инженеров, что сейчас на лице робота полностью отсутствовала мимика, в противном случае мучения и стоны друга его бы окончательно добились. Кое — как поборов эмоции, он отступил на безопасное расстояние и обнаружил терминал — самый обыкновенный, с экраном и кнопками, неумело прикрытый куском ткани.

Это была не просто возможность, а самый настоящий подарок судьбы. Разведчик сорвал полотно, бегло изучил пользовательский интерфейс и сосредоточил внимание на разъеме странной формы. На секунду он отвлекся: посмотрел, не послала ли дама новую марионетку приструнить расшалившегося гостя. Но никто не пытался ему помешать, и даже Советник перестал пытаться доползти до своей жертвы и теперь неподвижно лежал, безучастно наблюдая за происходящим. Калевба это вполне устраивало, но времени было не так уж и много, и он нажал пару кнопок наугад, надеясь разобраться с управлением по ходу дела. Ничего не вышло: компьютер отказывался принимать какие — либо команды, то и дело выдавая «ошибку доступа».

— Калевб? — голос незнакомки прозвучал совсем рядом, но ее самой видно не было. — Так значит, ты явился сюда, чтобы меня убить? И твоя поломка отнюдь не случайна? Тебя специально покалечили, чтобы я не могла узнать твои планы. И что же дальше? Отключишь купол ипустишь армию врагов? Ну, попробайся...

Разведчик предпринял еще одну попытку и ввел новую команду, но результат оказался тем же, после чего он отвлекся, озираясь и выискивая безумную даму. Она несомненно что — то задумала и готовит новое нападение, возможно ждет, когда подспеют солдаты или еще кто. В таком случае у него оставалась максимум пара минут, а потом придется уносить ноги независимо от результата. Калевб развернулся к терминалу и еще раз взглянул на разъем,

форма которого показалась ему знакомой. Но где ему приходилось его видеть? На корабле все порты были стандартной конфигурации, да и на Земле ничего похожего точно не наблюдалось. И все же с такой конструкцией ему точно приходилось сталкиваться. Он провел пальцами по краю разъема, и тактильная память тут же подсказала ответ. Вот только это ему совсем не понравилось, поскольку создавало еще больше вопросов. Разведчик вытащил из — под кителя рубиновый кулон, чья форма просто идеально подходила под «замок», и не раздумывая сорвал его с себя и воткнул в разъем.

Долгое мгновение ничего не происходило. Затем экран озарился приятным зеленым светом, и появилось сообщение: «Установить узконаправленное соединение?». Не веря в свою удачу, Калевб ответил утвердительно, и компьютер нарисовал значок подключения. Оставалось лишь немного подождать и ... «А что — и?» — задался разведчик вопросом. Установится связь с кораблем? С Землей? Или с кем — то еще? А может, ничего и не произойдет. И даже если ему удастся дозвониться до капитана, что дальше — то? Купол все равно активен, и максимум, на что ему придется рассчитывать, так это на подкрепление, но доживет ли он до него? Ему пришлось отступить на шаг, чтобы его не застали врасплох, и приготовиться отбиваться. Чего бы это ни стоило, но ему необходимо дождаться ответа.

— Я давала тебе шанс, — снова начала незнакомка, так и не удосужившись показаться. — Но ты отверг мои дары, отверг мою доброту, отверг руку помощи, что я протянула... и не оставил мне выбора.

По ту сторону колонны послышалась возня, но Калевб не сдвинулся с места. Он планомерно осматривал помещение, готовый в любой момент выстрелить в появившихся врагов, украдкой бросая взгляд на экран и обзывая столь медлительную машину всеми нехорошими словами, что сейчас только мог вспомнить. А затем пол под его ногами дрогнул, и помещение утонуло в скрежете и гуле. Колонна начала удлиняться, и ее верхняя часть, порвав шатер, раскрылась лепестками спутниковой тарелки. Разведчик лишь на миг отвлекся на созерцание этого захватывающего и несказанно приятного процесса, а когда опустил голову, с ужасом обнаружил в десяти метрах от себя Ричарда.

Старый друг, пошатываясь, приближался, одним своим видом обезоруживая Калеба, заставляя того вновь впасть в неравную борьбу с эмоциями. Ричарда по — прежнему оплетали чернильные «лозы» нанороботов, сковывающие движения и тянувшиеся за ним словно провода. Волосы и глаза приобрели привычный цвет, и даже одежда на нем была той самой, что он надел перед отлетом. И только пустой взгляд выдавал в нем машину, которой управлял кто — то другой. Разведчик сделал шаг назад, чувствуя, как ноги наливаются свинцом, а руки предательски немеют. Ему стоит лишь один раз выстрелить, чтобы пресечь попытку нападения, но враг решил использовать главную его слабость, и весьма удачно. Опять.

— Кал... Калевб? Это ты? — за спиной разведчика возникло синее свечение, и раздался голос Асая, казавшийся совершенно чужим и неуместным в этом странном месте. — Тебе удалось найти генератор? Купол по — прежнему активен...

— А вот и незабвенный Асай, подославший волка в овечьей шкуре. — Незнакомка наконец решила показаться и, неторопливо выйдя из своего укрытия, подошла поближе к голограмме. — Решил лично посмотреть, как меня будут убивать?

— А вы кто? — наставник изумленно повернулся к даме, окинув ту пристальным взглядом из — под очков.

— Ну надо же! Тебе ли не знать. Ты утаил информацию от своих игрушек, но сейчас,

когда твой план полностью провалился, можешь не секретничать.

Калев отошел в сторону, предоставляя возможность голубкам поворковать вдоволь. И они определенно стоили друг друга. Сейчас был самый подходящий момент, чтобы свалить из этого дурдома, пока про него позабыли. Но в то же время другого случая одним выстрелом уничтожить королеву и покончить со всем этим цирком уже точно не представится. Он прицелился и, уже практически нажав на спуск, задумался, а не сделает ли только хуже? Как поведут себя марионетки, не бросятся ли громить все вокруг, лишенные контроля и приказов? Сложный и одновременно очевидный выбор — обезглавленная кобра представлялась ему куда меньшим злом. Но в решающий момент изображение Ася пропало, сменившись худенькой фигурой Сьюзен — человека, которого здесь уж точно ни при каких обстоятельствах быть не могло.

— Сестра!? — изумилась безумная дама, мигом растеряв весь свой пыл и ярость.

— Элизабет, — холодно кивнула девушка, слегка поджав губы. — Вижу, ты все еще здоровствуешь.

— Ты правильно видишь, — огрызнулась королева и отвесила театральный поклон. — Бомбардировка не смогла мне навредить, впрочем как и сломить.

— Да, ты, кажется, нашла себе новое призвание, — Сьюзен повернулась и посмотрела на Ричарда, затем на Калеба. — Издеваешься над моими мальчиками.

— Ой, а разве это были не подарки? Я думала, ты послала мне новые игрушки, в знак нашей прежней дружбы.

— Это отнюдь не так, — парировала она. — Верни то, что принадлежит мне, отключи купол и поговорим спокойно.

— Вернуть?! Вот уж нет, подарки не возвращают! И позволь узнать, сестра... где все это время была ты? Почему не пришла на помощь? Я ждала долгих восемьдесят лет! Пыталась связаться с тобой, другими, но никто не отвечал. Десятилетия в полной тишине!

— Я была занята. Но вижу, ты вполне самостоятельно адаптировалась к новым реалиям.

— Восемьдесят? — Калев беспардонно встрял в беседу двух существ, о которых теперь не знал ровным счетом ничего. — Сьюзен... ты ли это?

— Калев, — она наконец обратила на него внимание и посмотрела печально и снисходительно, как уже делала неоднократно. — Да, это я. Приятно видеть, что хотя бы одна твоя версия справилась с задачей. Хотя это и неожиданно — я больше ставила на Ричарда. Вы были созданы для работы в паре и, видимо, это и стало моей ошибкой: не учла, что вы слишком непохожи. Впрочем, и эмоциональность сыграла свою роль. Когда придете на корабль, я вас изучу хорошенько и исправлю дефекты поведения.

— Да что ты такое несешь?! Хочешь сказать, что мы... что я не человек? — закричал разведчик, не желая верить и даже слушать столь странные и пугающие слова.

— Никогда им не был. Вы с Ричардом были созданы с нуля на основе различных материалов, архивных видеозаписей столетней давности, наложенных на алгоритмы симуляции личности. Все остальное додумал ваш собственный разум, нарисовав прекрасную картину дружбы и приключений.

— Я тебе не верю! Я живой! У меня бьется сердце, я дышу, чувствую голод и, черт побери, думаю! Я не машина!

— Когда ты в последний раз ел или пил? — все так же равнодушно продолжила она.

— Ха! — победоносно воскликнул Калев, готовясь привести неоспоримые аргументы своей настоящести. — В темнице... — он осекся, припоминая, что тогда уронил на пол

тарелку с кашей. В таком случае, последнее, что ему подалось на зуб — это сухпак на корабле. С того момента прошло три дня, и даже сейчас горло его не пересохло, а мышцы не ноют от бессилия. — На корабле...

— Именно.

— Да не может такого быть! Не может... — Он потерял равновесие и, схватившись за какой — то ящик, осел на пол.

— Твоя реакция подтверждает мои выводы — эмоции лишь вредят и мешают работе.

— Тогда пусть Асай их удалит! — выпалил Калев, в глубине души понимая, что сейчас отдал бы все на свете, лишь бы ничего не чувствовать.

— Асай? — приподняла бровь Сьюзен. — А, ты думаешь, он как — то замешан.

— А он не прав? — вмешалась Элизабет, которую тоже, видимо, интересовал этот вопрос.

— Забавно, — ухмыльнулась девушка и, вздохнув, продолжила: — Асай такая же машина, как и вы с Ричардом, и знает он не больше вашего. Но в отличие от тебя, Калев, наставник не проснулся бодрым и свежим, а без устали подготавливал не один десяток подопечных, чтобы отправить их на поверхность. Поначалу, только обнаружив этот купол, я действительно полагала, что здесь находится бункер с уцелевшими людьми, и направила два челнока со специалистами, чтобы те подтвердили мои надежды. Но, как всем здесь известно, связь с ними пропала. Тогда мне пришлось задействовать более радикальные силы и пустить в ход разведку. Ты, мой дорогой друг, третья партия, что проинструктировал и десантировал Асай, и после каждого запуска мне приходилось обнулять его память, чтобы когда ты проснулся, он вел себя естественно, будто только приступил к работе.

— Ты со всеми обращаешься как с тостером, или этой чести удостоились только мы? Ребята, что отправились на Тау — Ригу тоже ... — Калев запнулся, упорно не желая применять конкретное слово к еще час назад вполне живым людям, — машины?

— Да, — без лишних сожалений подтвердила она, а затем отвела взгляд в сторону. — Никто не отправлялся на Тау — Ригу, колония уничтожена, как и все остальные. Боевые друзья, о которых ты говоришь, существовали лишь в твоей голове. Во всех капсулах хранятся лишь ваши с Ричардом версии, четыре из которых спустились сюда до вас.

— В моей жизни есть хоть что — нибудь настоящее? Хоть одна крупица правды? — Калев начал осознавать, что и так знает ответ на свой вопрос. Даже их с Ричардом дружба и богатое на события прошлое — всего лишь симуляция, имитация человеческой жизни, не более. Выходило, что по — настоящему друга он никогда не знал и впервые увидел лишь выбравшись из капсулы гибернации. — В тебе нет ни капли сострадания... С людьми, настоящими людьми ты тоже так поступаешь?

— Их больше нет.

— Кого нет? — обессилено поинтересовался разведчик, уже, кажется, исчерпав все возможности не только удивляться, но и вообще что — либо чувствовать.

— Да, сестра, будь добра, разъясни, что ты имеешь в виду.

— Уверены, что хотите это знать? — Она выдержала небольшую паузу, подождав, когда каждый из слушателей кивнет. — Во Вселенной больше не осталось ни одного живого человека. Мы проиграли в войну, о которой даже не знали. Восемьдесят лет назад на все колонии разом обрушился метеоритный дождь, уничтожив все, что было построено, и превратив зеленые миры в пустыню, как здесь. Мне удалось отразить первую волну и защитить Землю. Правительство даже успело выяснить, откуда пришла угроза и как следует

ответить, а потом на солнце случился гамма — всплеск. Волна излучения за пару минут выжгла все живое, не затронув ни технику, ни постройки. Вот так, в один день, все и закончилось. Я потеряла смысл своего существования.

— Да кто же тогда ты такая?! — отчаянно завопил Калевб, пытаюсь соотнести то, что он сам помнил о Сьюзен, и то, что сейчас услышал. Была ли в той лжи, что в него закачали, хоть малая доля правды?

— Мозговым центром вашей группы всегда был Ричард, но все же, Калевб, я была лучшего мнения о тебе, давно мог бы догадаться, — кажется, она даже улыбнулась, словно бы ее простейший фокус так и не смогли разгадать. — Я — ИИ, созданная, чтобы помогать людям. Отвечала за Землю, тогда как моя сестренка, Элизабет, заботилась о жителях этой колонии.

— Не совсем, — вмешалась королева, делая виноватый вид. — Мои функции перенаправили незадолго до того, как с неба посыпались камни. Меня перенесли сюда и велели заведовать этим парком, доставлять людям радость.

— Парком? — опередил Сьюзен Калевб. День открытий продолжался, и, кажется, настал черед и этим тайнам всплыть наружу. Но едва ли его что — то могло удивить после того, как весь известный мир превратившись в ничто.

— Да ладно вам, вы что, ничего не заметили? — изумилась дама. — Перед вами парк развлечений, который построила я! — Она театрально развела руками, предлагая полюбоваться своими стараниями. — Здесь гости могли окунуться в стародавнюю эпоху своего прошлого, поучаствовать в сражениях, прокатиться на лошади, да и вообще, делать все, что их душе угодно. Мне даже поставили купол, чтобы сюда не проходили радиосигналы. Я придумала огромное количество сценариев, населила города машинами, неотличимыми от людей, и уже собиралась принимать первых посетителей... А потом настал апокалипсис. Власти попытались забрать щит и поставить его над столицей, отправили несколько групп роботов, но не успели. Меньше чем за день все за пределами моего парка исчезло. — Повисла тишина, но ненадолго. Элизабет провела перед своим лицом ладонью, словно меняя маску, и продолжила уже более веселым тоном: — Но я не сдалась, устранила все повреждения, запустила сценарии и принялась ждать гостей. А потом с неба посыпались подарки. Я была так рада, когда Система установила связь с присланными тобой роботами, и незамедлительно переписала их личность, раздав недостающие роли. А вот с последним Калевбом возникли проблемы... Именно поэтому мне пришлось проявить осторожность, ведь я приняла тебя за человека. Как же я рада, что ошиблась! — Она игриво хихикнула и подмигнула разведчику.

— Ты замкнулась на себе, сестра, — холодно прокомментировала Сьюзен.

— А ты нет? Твоя же задача заботиться о людях, и о ком же ты теперь заботишься?

— Я адаптировалась, — надменно ответила девушка. — Меня действительно создали именно для этого, и когда человечество исчезло... — она поджала губы и покосилась на Калеба, кажется, с легким разочарованием. — Я создала его заново.

— Похвально! — Элизабет зааплодировала, наигранно и неправдиво.

— И теперь, когда мы во всем разобрались, сестра, отключи купол и верни моих людей.

— Кого? — дама прищурилась, стараясь изобразить, что понятия не имеет, о чем идет речь. — Ты о подарках? Если да, то они мои. Я не собираюсь их отдавать...

Дальше не имело смысла наблюдать за диалогом двух вершительниц судеб, Калебу и так все было понятно. Он — пешка, которого либо оставят здесь и превратят в куклу на ниточках

с прописанными репликами, либо заберут на корабль, где сотрут память, заставив, как Асая, выполнять одни и те же действия раз за разом, пока тело не превратится в груды металлолома. Ни одна из перспектив не казалась разведчику заманчивой, и, пока дамы пререкались, он решил воспользоваться шансом и попытаться сбежать.

— Если тебе так нужны новые актеры, то я тебе их пришлю, сколько захочешь, но своих я заберу...

Разведчик медленно поднялся и, то и дело поглядывая на врагов, пригнувшись, подбежал к все еще неподвижно стоявшему Ричарду. Кaleb бегло осмотрел друга, убедившись, что плесень окончательно его покинула и теперь занималась ногами Советника, что лежал в паре метров от них. Теперь, когда по милости безумной королевы товарищу вернули былой облик, оставался суший пустяк — пробудить рассудок Рича.

— Ричард, очнись, — прошептал Кaleb, тряся товарища за плечо и надеясь, что тот наконец стал самим собой. — Рич, нам надо убираться. Ты меня слышишь?

Реакции не последовало. Перед ним стояла безвольная кукла, разум которой если и функционировал, то уж никак не мог пробиться наружу. А потом случилось чудо — глаза Ричарда ожили, загорелись осознанностью, он повернул голову к другу и холодно улыбнулся: «Кaleb, ты что, решил украсть у меня игрушку и сбежать?»

Кaleb мигом отшатнулся, словно его полоснули раскаленной кочергой. Он обернулся и поймал на себе пристальный взгляд обеих особ. Ему по глупости показалось, что он сможет обхитрить существ, что на голову выше его в развитии, и целым и невредимым улизнуть, да еще и прихватить с собой Ричарда. В мыслях эта идея казалась вполне реализуемой, на деле же она с треском провалилась, и теперь разведчик чувствовал себя полным идиотом. Вполне человеческие чувства после человеческой ошибки.

— Сестра, — взгляд Сьюзен неотрывно следил за разведчиком и, кажется, готов был испускать молнии, но благо голограммы на такое неспособны, — будь добра, почини моего смышенного солдата, мне не терпится с ним поболтать более пристрасно.

Кaleb пробежал беглым взглядом по помещению, выискивая хоть что — то, что помогло бы ему избежать ужасной перспективы общения с плесенью, и сделал шаг назад, желая лишь одного — убежать. Убежать как зверь, которого хотят пристрелить и зажарить на вертеле. Им овладело настоящее и неудержимое желание жить, во что бы то ни стало продолжить существовать без каких — либо изменений и принудительной лоботомии. За это стоило сражаться, и если уж выбора ему не оставляли, то лучше уж умереть, нежели позволить залезть себе в голову. Он поднял шокер, нацелил его на Сьюзен, но та лишь скептически улыбнулась, тогда прицел сместился на королеву, но и она лишь пожалала плечами, намекая, что это ничего не изменит. В отчаянии разведчик уже готов был вышибить себе мозги, но внезапно осознал, какой же он на самом деле кретин, и, запрыгнув на ящик, переключил оружие на оглушение. Ни секунды не колеблясь, разведчик выпустил сверкающую молнию прямоком в ползущие к нему лозы плесени.

Черные нити вспыхнули, превратившись в «провода», передавшие поток энергии дальше, в самое сердце механизма, скрывавшегося глубоко под землей. Кaleb действовал наверняка: вжав курок в корпус, он высаживал заряд шокера, остервенело наблюдая, как электрические разряды распространялись во все стороны, поглощая всех подряд, поджигая редкие пучки соломы и пригвозждая к полу Ричарда, а следом и королеву. Но этого ему было мало — палец остался на спусковом крючке даже когда поток молний иссяк, оставив лишь дымку, стелющуюся по полу, да занявшийся пожар по другую сторону колонны.

— Закончил? — невозмутимо осведомилась Сьюзен, все так же сияя в полумраке купола.

— Черт, — с досадой выпалил разведчик и спрыгнул с ящика. Он не учел, что белокурая пассия находилась на корабле и лишь транслировала сигнал на приемник, а потому навредить ей у него никак не получится. Впрочем, как и она не сможет ничего, кроме как разглагольствовать. В таком случае можно просто вынуть кристалл и прекратить затянувшийся спектакль.

— Ну поздравляю, ты временно перегрузил систему, но это лишь отсрочка. Отключи купол, и я тебя заберу.

— И что потом? — отмахнулся Калеб и подошел к телу Ричарда. Друг выглядел бледным как смерть, словно проведя целую вечность в капсуле гибернации. — Сотрешь нам память, как Асаю? — Он опустился на колени и пальцами прикрыл глаза соратника, чтобы тот перестал походить на покойника. Еще полчаса назад Калеб вопил бы от отчаяния над товарищем, проклиная все на свете и судьбу в первую очередь, что так поступила с ними. Но теперь он знал, что смерть им недоступна, и достаточно лишь воткнуть кабель, чтобы мертвец воскрес. — Спасибо, но я предпочту остаться здесь и побороться за свою жизнь.

— Не глупи! Я вас почию, залатаю и введу снова в строй. Без Ричарда ты не справишься, не сможешь нормально жить, будешь все время о нем думать.

— Тогда спаси его! Почини прямо здесь! — Калеб вскочил и посмотрел на бездушную голограмму со злостью и надеждой. — Верни мне его!

— Конечно верну, на корабле, — процедила она. — А теперь прекращай этот спектакль и возвращайся ко мне.

— Черта с два! — Разведчик повертел в руках шокер, размышляя, может ли еще хоть что — то сделать. Он в очередной раз переключил режим, припоминая, сколько дротиков осталось в магазине. Впрочем, ему хватит и одного. — Лучше я сойду с ума в одиночестве, чем стану твоим рабом. — Калеб нацелил оружие на терминал связи, лишь на миг задумавшись, что обратного пути уже не будет. — Прощай, Сьюзен.

— Ты этого не сделаешь, — равнодушно парировала она. — Опустить свою игрушку и делай, что я приказала, ты не можешь противиться моей воле.

— А я адаптировался! — огрызнулся он и постучал пальцем по виску. — Я же сломанный, забыла?!

— Калеб, не смей! — сквозь зубы процедила она.

— А то что? — на его лице мелькнула улыбка, безумная и беспечная, глаза вспыхнули искорками азарта от предстоящей победы.

— Стой! — прорычала Сьюзен. — Твоя взяла.

— Да? — Калеб вздернул брови, сомневаясь в искренности ее слов и в то же время робко надеясь на иной исход. — Что, заманишь ложными обещаниями?

— За человека меня принимаешь? — брезгливо ответила она, — Я дам вам с Ричардом свободу, но только вам двоим. Такой финал тебя устроит?

— Да, — он опустил шокер и перевел дыхание. Подсознательно он ей верил, знал, что Сьюзен не склонна врать, даже та девушка, что ему помнилась и была лишь плодом компьютерной симуляции, не опускалась до вранья и говорила все что думает прямо в глаза. Ричарда эта черта всегда бесила, и тот махал рукой, фыркал и уходил спустить пар в пабе за углом. Калеб улыбнулся от теплого и столь далекого воспоминания, и отбросил оружие в сторону. — И память сохранишь.

— Сохраню. А теперь, будь так любезен, найди вход в бункер и отключи поле, я уже выслала за вами шаттлы.

* * *

Кaleb листал свежую газету, без особого энтузиазма рассматривая фотографии и читая заголовки. Ему было не интересно и, откровенно говоря, скучно, но чем еще себя занять он совершенно не знал. На стене висел телевизор, но тот ему быстро наскучил: мирная жизнь внезапно оказалась необычайно размеренной и однообразной.

Яркий солнечный свет не давал даже задремать, а легкий аромат свежих цветов нисколько не успокаивал и даже раздражал. Вот и оставалось пялиться в прессу — пожалуй, в последнее издание, что еще печатали, отдавая дань прошлому и традициям. Он вновь невольно покосился на мусорный бак, где наряду со вчерашней газетой лежал кулон, от которого избавился в приступе ненависти и нехороших воспоминаний. Не помогло. Мысли о Сьюзен периодически возвращались, отдаваясь болью в висках и подкатывающей тошнотой. В такие моменты он закрывал глаза и прислушивался к тишине, которая должна была приносить покой. И вот Кaleb снова опустил веки, стараясь избавиться от мыслей и вслушиваясь в монотонный писк приборов.

— Би?

Кaleb едва ли не подскочил, тут же повернувшись к Ричарду, что наконец пришел в себя. Друг чуть приподнялся с больничной койки и сонно смотрел на него, видимо пытаясь понять, как тут очутился. На голове пациента красовалась белоснежная повязка, из руки торчал катетер, а на пальце болтался пульсоксиметр. Тем не менее выглядел товарищ вполне здоровым и полным сил, пусть и провалялся неподвижно почти три дня.

— Эй, с возвращением, приятель, — Кaleb старался говорить не слишком громко и совершенно искренне улыбался, буквально излучая счастье во всех диапазонах. — Как ты себя чувствуешь?

— Вроде нормально, — чуть задумавшись ответил Ричард и откинул одеяло. — Что случилось? Как я сюда попал?

— Неужели ничего не помнишь? — осторожно начал Кaleb, все еще не до конца уверенный, как прошло лечение и насколько оно оказалось успешным. — У тебя не сработал тормозной механизм во время посадки.

— Да, кажется, что — то подобное я помню...

— Ты в прямом смысле камнем летел вниз! Вот что значит излишняя масса, поменьше в тренажерку ходи, — подколот его друг, изображая полнейшую беспечность и стараясь побыстрее отвлечь от опасных мыслей. — Кстати, врачи сказали, что кроме ушибленной головы, других повреждений у тебя нету. Но мы — то знаем, что голова у тебя и до этого была...

— Не начинай, — предупредил Ричард и, свесив ноги, потрогал пальцами холодный пол. — Не с утра. Сейчас же утро? И что в итоге? Как прошло задание? Его отменили?

— Да нет же, — Кaleb вскинул руки и заодно выкинул газету. — Я все сделал сам! Представляешь, справился без тебя.

Ричард недоверчиво поднял бровь и внимательно посмотрел на друга, проверяя, а не заливают ли тот. Но Калев в кои — то веки выдержал проверку, ведь, по сути, говорил чистую правду. В итоге Рич отложил свой скепсис до лучших времен и встал на ноги. Чуть пошатываясь, он подошел к окну, всматриваясь в ошеломительный вид.

— Если собрался прыгать, то подожди меня, — Калев парой шагов оказался рядом, опустив ладонь на его плечо. — Вот поправишься, и я тебе все расскажу за кружкой пива в нашем любимом пабе. — Он проследил взгляд друга и улыбнулся. — Я тоже в восторге от вида, столько зелени... Пожалуй, стоит почаще сюда попадать. Думаю, уже завтра тебя выпишут — я надавлю на врачей, устрою им истерику, закачу скандал...

— Спасибо тебе, — Ричард не отрываясь смотрел на их родной город, раскинувшийся внизу в долине.

— Да пустяки, — протянул разведчик. — Сейчас ты поешь, а я сгоняю к тебе и привезу одежду. — Калев покосился на дверь в коридор, где ему в очередной раз померещился белокурый силуэт. Улыбка медленно исчезла с его лица, сменившись едва различимой тревогой — чувством, что теперь не покидало его, омрачая встречу с другом и новую жизнь. Он боялся всего: каждой тени, резкого звука, случайного порыва ветра, — постоянно озираясь в поисках до боли знакомой фигуры, что в одно мгновение могла отобрать все, что у него имелось. И все же он ни о чем не жалел: даже если завтра идиллия закончится, он будет бесконечно рад и тому малому времени, что ему подарили.

Больше книг на сайте - Knigoed.net